

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ**

**ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Филиал в г. Славянске-на-Кубани

Т. В. Шмелева

Ономастика

Учебное пособие

**Славянск-на-Кубани
Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ»
в г. Славянске-на-Кубани
2013**

УДК 81
ББК 81.2Рус
Ш72

Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом
филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани

Рецензенты:

Е. В. Душечкина – доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета;
В. Г. Дидковская – доктор филологических наук,
профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Ш72

Шмелева, Т. В.

Ономастика : учеб. пособие / Т. В. Шмелева ; Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

ISBN 978-5-91980-045-3

Издание представляет собой учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов.

Проблемы ономастики рассматриваются в нем на материале имён человека, географических названий, кличек животных и названий различных городских объектов. Читателю сообщается об основной ономастической терминологии, классических и современных трудах в этой области знания, формулируются вопросы для самостоятельной работы.

Пособие может быть использовано в преподавании курса «Современный русский язык. Лексикология» и специальных курсов, а также в подготовке дипломных работ, занятий в магистратуре и аспирантуре. Рассчитано и на более широкий круг слушателей – всех, кому интересен русский язык и мир собственных имён в частности.

УДК 81
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-91980-045-3

© Шмелева Т.В., 2013
© Оформление. Издательский центр ФГБОУ ВПО «КубГУ»
в г. Славянске-на-Кубани, 2013

Оглавление

От автора	4
Введение, или Ономастическое пространство современного человека и его культура	5
1. Антропонимия, или Человек и его имена	14
Имя	15
Отчество	29
Прозвище	33
Фамилия	34
2. Зоонимия, или Имена братьев наших меньших	57
3. Топонимия, или География в именах	63
Топонимы природного ландшафта	69
Гидронимы	69
Хоронимы	73
Оронимы	74
Топонимы культурного ландшафта	76
4. Ономастикон современного города (урбанимия пространства, сооружений, социальных институций)	102
5. Как изучать ономастику	136
Заключение	142
Именной указатель	143
Терминологический словарь	147
Рекомендуемая литература	152

От автора

Предлагаемая вашему вниманию книга – **учебное пособие** для тех, кто получает филологическое образование и входит как профессионал в современную общественно-языковую практику и практику филологических исследований. Хотя ономастика не является обязательным лингвистическим курсом, она составляет важнейший момент современной филологической культуры. Кроме того, ономастика обладает притягательностью в исследовательском плане, поэтому ономастические сюжеты часто становятся темами курсовых и дипломных работ, кандидатских диссертаций. Всё это, как мне кажется, формирует потребность в кратком изложении проблем ономастики с учётом как классических работ, так и последних исследований. Эта потребность тем более ощутима, что самый известный учебник по ономастике, принадлежащий перу В. Д. Бондалетова, – «Русская ономастика» (М., 1983) – издан четверть века назад.

В отличие от имеющихся учебников, настоящая книга включает главы, посвящённые не только классическим проблемам ономастики – именам людей и географическим названиям, но и кличкам животных, о которых всегда говорится очень кратко, а главное – именам собственным города в их истории и разнообразии современной городской среды. Над последней проблемой мне приходится работать вот уже больше 20 лет, и моя уверенность в том, что сведения об ономастике города должны входить в круг знаний образованного филолога, с годами только укрепляется.

Предваряя знакомство с книгой, хотелось бы подчеркнуть, что она рассчитана на заинтересованного и рефлексирующего читателя, поэтому изложение собственно ономастической информации ведётся с обращением к его языковому и культурному опыту. Стимулируют рефлексию и расширение культурного кругозора прежде всего вопросы для самостоятельной работы, но и материал книги даёт пищу для размышлений в этом направлении.

Очень хотелось бы, чтобы информация, представленная в книге, показалась её читателям важной и интересной. Но если у читателя возникнет желание самому собирать тот или иной тип имён собственных, создавать ономастический словарь своей семьи, своего села, своего квартала, своего города, то о лучшем результате не стоит и думать. Раскрывая авторские секреты, можно сказать, что в замыслы книги входит не только проинформировать об ономастике, но и слегка заразить её изучением. А о том, что такая заразительность ей присуща, вам скажут многие специалисты, с которыми вы познакомитесь на страницах книги или продолжите уже состоявшееся ранее знакомство.

Введение, или Ономастическое пространство современного человека и его культура

Слово, вынесенное в название книги, известно не всем (иногда студенты даже не выговаривают его на первых занятиях), а то, что этим словом именуется, знакомо каждому.

Если человек чем-то привлек наше внимание, мы непременно спросим: «Как его зовут?». Выглянув в окно остановившегося поезда, полюбопытствуем: «Что это за станция? Как называется?». Заинтересовавшись мелькающими на экране телевизора кадрами, зададимся вопросом: «Что за фильм? Как фамилия актёра?». В каждой из этих ситуаций предмет нашего интереса – **имя или название**, принадлежащее именно этой реалии и только ей – человек ли это, маленькая станция или большой город, кинофильм или книга.

В школе про такие слова узнают две вещи.

Первое знание, что это – имена **собственные**, их надо отличать от нарицательных, называющих не конкретные реалии, а их классы, даже если эти имена – в единственном числе, как в случае со словами *человек*, *город*, *книга*. Мыслить, различая классы и индивидуальные реалии, мы научаемся очень рано, и это школьное знание только закрепляет наш опыт. Вот, например, такая сценка. Малыш подходит к даме с собакой и говорит: «Какая у вас хорошая собачка! А как её зовут?» Значит, он уже умеет определить класс существа и знает, что у него должно быть имя собственное.

Второе знание появляется при освоении письма: имена собственные надо писать по-особому – с **прописной**, заглавной, или, как чаще говорят, с большой буквы (гражданин *Парамонов*, станция *Дно*, город *Тверь*), а иногда еще и в кавычках (фильм «*Полёты во сне и наяву*», роман «*Война и мир*», стихотворение «*Анчар*», газета «*Известия*»). Иначе говоря, в письменном тексте имена собственные **выделяются графически**, а в устной речи мы их опознаём по смыслу и, надо сказать, почти никогда не ошибаемся.

Этих нехитрых и, как кажется, общеизвестных знаний вполне достаточно, чтобы начать разговор об **ономастике**. Потому что этим термином и называют **совокупность имен собственных**. Значит, можно сказать: *русская ономастика* – это все имена собственные русского языка; или *ономастика Москвы* – все имена собственные, которые можно встретить в этом городе.

Но, как это часто бывает с терминами, называющими отдельные части языковой системы (фонетика, морфология, синтаксис), тем же термином именуется и **наука**, которая занимается их изучением. Спутать эти значения одного термина сложно. Из контекста понятно, о чем идет речь – о словах или о науке: *особенности русской ономастики* – скорее всего, о са-

мих словах, а *основоположник русской ономастики* – о науке. Вот интересный пример, когда два значения этого термина встретились в названии научной книги – «**Русская ономастика и ономастика в России**»*. Один студент даже сказал, что это неправильное название: дважды одно и то же. Однако это ложное впечатление. Авторы книги – а это словарь, к которому мы еще не раз обратимся, – таким как бы повтором говорят, что они представляют и русские имена собственные («русская ономастика в ее пространственно-временных пределах»), и науку – как она представлена в нашей стране, включая «ономастические научные организации и периодические издания» [14, с. 8, 11].

Итак, ключевое для нас слово – **ономастика**; оно, как и многие лингвистические термины, греческого происхождения, буквально означает «искусство давать имена». Присоединяясь к сложившимся в науке традициям, мы будем иметь в виду два его значения: «научное» – 'особая лингвистическая дисциплина', и «предметное» – 'её предмет, или совокупность имен собственных, прежде всего русского языка'.

Справедливость, однако, требует сказать, что такой подход разделяется не всеми современными учёными. Так, известный исследователь ономастики А. К. Матвеев считает более рациональным, оставив за термином ономастика «предметное» значение, науку о ней именовать **ономатология**. Убедительно аргументировав такую «терминологическую реформу» в статье «Ономастика и ономатология» (Вопросы ономастики. – 2005. – № 2), он выносит термин **ономатология** в название монографии, вышедшей в московском издательстве «Наука» в 2007 году [44]. Аргументы же его сводятся к следующему. Необходимо добиваться регулярности терминологии, и нельзя не увидеть симметрию в рядах:

лексика – лексикология – лексикография;

ономастика – ономатология – ономатография.

Продолжая этот ряд наименованиями специалистов, получим *ономатолог* и *ономатограф*, что соотносится с иными подобными наименованиями лучше, чем ономаст, которое, по мнению А. К. Матвеева, «не прилагается к учёному собранию», хотя и встречается в именах лица типа *энтузиаст*, *гимнаст*, *фантаст*, *схоласт*.

Важно отметить, что предлагаемые термины уже находятся в научном обороте, хоть и не столь широко, как отвергаемые: в известном словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой (1966) *ономатология* указывается как аналог английского *onomatology*; его использовали Лев Успенский, В. Н. Топоров; сейчас появляются работы, продолжающие традиции П. Флоренского, которые позиционируются авторами как православная ономатология. Таким образом, условия для предлагаемого А. К. Матвеевым «выравнивания» терминологии есть. Соглашаясь с доводами учёного, мож-

---

*Здесь и в дальнейшем: если не указываются выходные данные упомянутой работы, значит, её можно найти в списке рекомендуемой литературы.

но принять такое предложение, опасаясь только одного – нарушения традиции именованя дисциплины, что может создать трудности понимания.

Что касается **истории ономастики** как науки, то отсчёт её официальному существованию ведут с 1930 г., когда во Франции прошёл I Международный ономастический конгресс. Понятно, однако, что этому должна была предшествовать большая собирательская и теоретическая работа во всех странах, поэтому это год не рождения ономастики, а её официального признания мировой наукой. О её бурном развитии говорят такие факты: в 1949 году был создан Ономастический комитет при ЮНЕСКО, издающий журнал «Онома» – печатный орган мировой ономастики; тогда же в Париже основан журнал «Revue Internationale d'Onomastique»; с 1955 года в Польше выходит журнал под названием «Onomastica» (Вроцлав – Краков – Варшава).

Истоки отечественной ономастики принято видеть в статье А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии» (1812), обращённой в первую очередь к топонимии, систематическое собирание фактов которой началось в 1847 году после «обращения» Русского географического общества.

Второй ономастической сферой, привлечшей внимание русских учёных, стала антропонимия: в 1813 году выходит статья Евгений Болховитинова «О личных собственных именах славяноросов», где проанализированы княжеские трёхсловные наименования, включающие имена природное, христианское и отеческое (отчество), и народные «полуимена»: *Ивашко, Петрай*. В 1863 году выходит «Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIII» И. И. Срезневского, в котором описана выборка из 328 мужских и 43 женских церковных имён. Публикация «Славянского именованья» священника М. Я. Морошкина (1867) ввела в культурный обиход собранные им имена и прозвища.

Но самым серьёзным антропонимическим собранием стал «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (1903), основанный на изучении документов, отражающих 800 лет русской истории.

Таким образом, к концу XIX века русская наука располагала фундаментом для развития ономастики как самостоятельной научной дисциплины, что и происходит во второй половине XX века, когда в академических институтах создаются группы ономастики, проводятся ономастические конференции, семинары, публикуются продолжающиеся издания типа «Ономастика», «Ономастика Поволжья». Уже упомянутый специализированный журнал «Вопросы ономастики» начинает выходить в Екатеринбурге в 2004 г.

Несколько слов необходимо сказать о месте ономастики в современной системе знаний. В этой книге ономастика представлена как наука прежде всего **лингвистическая**, ведающая особым типом слов в языке, их спецификой и отношениями со всеми другими словесными ресурсами. Однако говорить о том, что это наука *исключительно* лингвистическая, не приходится. Ведь для объяснения многих тайн имен собственных невозможно обойтись без обращения к данным **диалектологии** и **фольклористики**, ис-

тории и археологии, наконец, географии, геологии, ботаники и других естественных наук.

В дальнейшем нам придётся обсуждать факты, убеждающие в этом, а пока нужно поверить в то, что сложность предмета ономастики делает её **комплексной наукой** с широкой гуманитарной основой и глубокими связями с естественными дисциплинами. Отношения ономастики со всеми названными науками можно назвать взаимно обогащающими: широко пользуясь данными этих наук для решения своих проблем, она предоставляет им безусловно важную, а часто просто необходимую информацию.

Что касается собственно лингвистического контекста, в котором следует воспринимать ономастику, то стоит напомнить, что она напрямую соприкасается с:

- **лексикологией** как наукой о лексическом составе языка: см., например, параграф, посвященный ономастике, в учебном пособии по этой дисциплине [40, с. 108—111];

- **семантикой** как наукой о языковых значениях, что подтверждает обращение, скажем, к учебнику [39, с. 26];

- **этимологией** как лингвистической дисциплиной, занимающейся проблемами происхождения слов; рассуждения об этом см. в специальной статье [46], вспомним и название статьи А. Х. Востокова, с которой ведут отсчёт истории отечественной науки об именах собственных. Для всех этих дисциплин имена нарицательные и собственные – разные типы наименования языком фактов действительности, или, если воспользоваться научной терминологией, разные виды **номинации**. Однако надо отметить, что они, скорее, учитывают различие имен нарицательных и собственных, фактически выводя последние из круга своего основного внимания, тогда как ономастика исследует именно их во всей сложности этого языкового и культурного феномена.

О развитости науки, как известно, говорит разработанность её **терминологии**. К ономастике это относится в полной мере: её терминология весьма многочисленна и уже отражена в специальном словаре, который подготовила и несколько раз издала Н. В. Подольская [12]. Мы будем обращаться к этому словарю, без него невозможно представить знакомство с этой наукой и тем более даже самое маленькое исследование ономастики. Конечно, здесь не ставится задача освоить всю ономастическую терминологию, в конце книги помещён небольшой терминологический словарь, в основном опирающийся на работу Н. В. Подольской, но включающий только те термины, с которыми мы будем работать (так сказать, рабочий словарь-минимум). Первоначально необходимый терминологический набор мы сформируем уже сейчас, чтобы можно было начать обсуждение проблем ономастики.

Итак, наше исходное слово – **ономастика**. Говоря о ней, мы имеем дело с рядом феноменов: первый из них – совокупность **имён**; второй – **практика** их социального использования; третий – **рефлексия** по поводу

первого и второго, на основе которой возникают предпочтения и даже мода на разные типы имён собственных; наконец, **теория** ономастики и ономастическая **политика**, которая в идеале должна опираться на теорию. Все эти аспекты ономастики мы будем разграничивать и рассматривать особо в разделах пособия. Поэтому понять эти разграничения в принципе необходимо уже сейчас.

Надо сказать, что её «первому» значению конкуренцию составляет термин **ономастикон**, который хорош тем, что своей формой похож на хорошо известный термин *лексикон*, и действительно может быть истолкован как 'ономастический лексикон', хотя по-гречески *ономастикон* – это предметный словарь, а *лексикон* – алфавитный. Отечественная традиция использования этого термина идёт, видимо, от С. Б. Веселовского, книга которого «Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии» опубликована в 1974 году [3]. Сегодня этот термин используют, имея в виду имена собственные определенного времени, места жанра и даже литературного произведения, как – «Ономастикон романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» О. Крюковой или «Ономастикон восточнославянских загадок» А. Юдина.

Таким образом, *ономастикон* тоже оказывается неоднозначным (как и лексикон): он означает определенный круг ономастической лексики и его лексикографическое описание – словарь. Конкурировать с *ономастикой* он может только в первом своём значении, то есть можно сказать *московская ономастика* и *московский ономастикон* – речь будет идти об именах собственных, именующих городские объекты в этом городе.

Теорию ономастики предложено, как уже было сказано, именовать **ономатологией**, и это снимает напряжение многозначности термина.

Все остальные смыслы, связанные с ономастикой, приходится выражать сочетаниями существительных с производным прилагательным **ономастический**. Приведем примеры терминологических сочетаний с ним.

Ономастическая литература – научные и научно-популярные труды по ономастике. Об их числе говорит тот факт, что в 70-е годы стали выпускать библиографические указатели таких работ, включающие сотни наименований.

Ономастическая лексикография, или, по предложению А. К. Матвеева, ономатография. Дело в том, что лучший способ предъявить результаты ономастических исследований – составить словарь, совокупность таких словарей и есть ономастическая лексикография. На сегодня она включает сотни изданий разной степени известности и популярности. О некоторых из них мы будем говорить в нашей книге в надежде, что они войдут в ваш круг чтения.

Ономастическая культура – так можно назвать составляющую речевой и общей культуры человека. Какое производит впечатление человек, не различающий *Вологду* и *Волгоград*, *Армавир* и *Арзамас*, *Челябинск* и *Череповец*? Зато каковы впечатления о человеке, умеющем объяснить, что значат слова *Персефона* и *Аониды*! Да что там греческие мифы, пусть человек

расскажет о своей фамилии – и мы сразу станем относиться к нему уважительно. Недаром фрагмент об именах собственных обязательно есть в хорошем учебнике по культуре речи, см., например, раздел «Имя собственное и нормы его употребления» в учебнике «Русский язык и культура речи» [55].

Выделив три терминологических сочетания с прилагательным *ономастический*, отметим, что, по наблюдениям лингвистов, таких сочетаний в ономастической литературе бытует более 120, все они понятны и завоевали своё место в научном обиходе современной ономастики. Для нас важен термин **ономастическое пространство** – часть действительности, отмеченная именами собственными. Этот термин (в несколько ином толковании) предложен А. В. Суперанской, принят в ономастике и позволяет организовать ономастические знания в понятные блоки, соотносимые с нашим житейским опытом. Известно, что ономастическое пространство современного общества расширяется и уплотняется, сохраняя свои постоянные элементы с очень древних времен. Рассмотрение отдельных полей ономастического пространства и ляжет в основу композиции нашей книги. В целом можно сказать, что она представляет собой развёрнутый ответ на вопрос: «Каково русское ономастическое пространство?».

Производным от ключевого термина *ономастика* оказывается и наименование специалистов по этой дисциплине, будь то *онома́ст* или *онома́толог*. Самые авторитетные ономасты в отечественной науке – **Александра Васильевна Суперанская** и уже названная **Наталья Владимировна Подольская**. Из популяризаторов ономастических знаний нельзя не назвать **Льва Васильевича Успенского**, чьи труды известны многим поколениям школьников. Знакомясь с книгой, вы одновременно будете знакомиться с русскими ономастологами.

Что касается других терминов, то следует в первую очередь назвать **о́ним** – греческий аналог привычного нам *имени собственного*. Это, так сказать, элементарная частица ономастики, ономастический атом. Преимущество греческого термина в том, что он однословный и легко становится составной частью конкретных ономастических терминов, которые быстро прочитываются и запоминаются. Так, имя собственное человека – **антропóним** – понятно всем, кто знает, что *антропос* по-гречески 'человек', напоминают о нём и название науки *антропология*, а также всё чаще встречающееся выражение антропогенные катастрофы. Значит, *антроп+оним* = имя собственное человека. А **зо́ним** практически не требует комментариев: ясно, что это имена животных, или, как мы привыкли говорить о них, *клички*. Таким образом, производные термины с конечной частью *-оним* представляют типы объектов, достаивающихся номинации именами собственными, или, другими словами, обозначают контуры ономастического пространства.

Кроме того, они позволяют образовать еще два производных суще-

ствительных: типа **антропонимия**, обозначающих совокупность соответствующих имен, и типа **антропонимика**, называющих соответствующий раздел ономастики.

Интересно, что *оним* выступает производящим для терминологических прилагательных. Так, когда мне понадобилось назвать явление взрывообразного роста имен собственных в начале 90-х годов, пришлось ввести понятие **онимический взрыв**. В последние годы в литературе появляются прилагательные **бнимный, отбнимный**. В росте популярности этих прилагательных видится стремление к однозначности терминов: *ономастический* пусть означает относящееся к науке, а что касается непосредственно имён собственных, то здесь лучше говорить *онимический* или ещё короче – *онимный*. Кажется, в этом есть здравый смысл, но написанное ранее или теми, кто к такому разграничению не присоединяется, тоже надо уметь понимать.

В рассуждении об ониме не обойтись без обозначения его антонима. Уже упоминавшийся традиционный термин *имя нарицательное* хорошо всем известен, но не всегда удобен (например, от него не образует прилагательного), поэтому чаще пользуются термином латинского происхождения **апеллятив** (он тоже не очень хорош, вызывая ассоциации с *апелляцией*, но зато общепризнан и даже интернационален). От него легко образуются прилагательное *апеллятивный*, существительные типа *апеллятивизация онима* (утрата онимичности, превращение в апеллятив – как в случае с *рентгеном, макинтошем* и *регланом*).

Располагая таким запасом терминов и осмыслением принципов их строения, вполне можно начинать научное знакомство с ономастикой. Что это означает? Попробуем сформулировать.

Во-первых, необходимо научиться видеть вокруг себя **ономастическое пространство** – те фрагменты и объекты действительности, которые в нашей культуре удостаиваются имени собственного; уметь анализировать отдельные имена в этом пространстве, объяснять их социальное назначение и культурную значимость. Почему, например, у русских нет русских имен? И почему только у русских есть отчества? Почему названия рек – самые древние? Почему так много непонятных имен городов? Почему в современном городе все больше имен собственных и они меняются чуть ли не ежедневно? Всё это вопросы ономастики.

Во-вторых, важно уметь объяснять сущность онима, понимать, каково предназначение именно этого имени для этого объекта, представлять себе номинативную типологию, чтобы оценить степень оригинальности и выразительности каждого имени. Научного слова *типология* не стоит бояться: в нашу культурную осведомленность входят представления о том, «как называют» людей, города, теплоходы, собак... Правда эти знания носят интуитивный характер, а изучение ономастики даст им научный характер.

В-третьих, важно представлять языковые свойства онима, его грамматику, например, надо знать, какие суффиксы выдают русскую фамилию и

можно ли склонять иноязычные названия городов. Собственно грамматические – структурные – знания об онимах позволяют лучше их понимать и ориентироваться в той информации, которую несет в себе имя собственное.

Наконец, неплохо знать происхождение онима и онимических систем. Кому принадлежат малопонятные имена рек и городов? Откуда они берутся? Как русский язык осваивает чужие имена?

Весь круг вопросов, который мы собираемся рассмотреть на широком языковом и культурном материале, и составит содержание этой книги.

Кроме того, постараемся не забывать тех людей, кто собирал, публиковал имена собственные, изучал их и делал открытия, поэтому в конце книги будет помещен небольшой указатель имен ономастов (ономатологов), чтобы можно было быстро вспомнить, чьими заслугами выросла в большую науку русская ономастика и что делал для её развития каждый из учёных.

Книга построена так, что каждый из её разделов посвящается одному из фрагментов ономастического пространства. Поэтому естественно, что его общая характеристика должна предшествовать всем разделам и рассматриваться во введении.

Ономастическое пространство, как уже было сказано, та часть действительности, которая именована онимами. Современный человек мыслит **антропоцентрически** (заметили уже знакомый нам греческий корень *антропос*?), и поэтому в центре ономастического пространства оказываются человек и его многочисленные наименования, или **антропонимия**. Рядом с собой человек помещает своих четвероногих любимцев и помощников, поэтому вторая глава вполне предсказуемо называется «**Зоонимия**». Живя и действуя в определенном пространстве, человек не может обойтись без того, чтобы именовать онимически его разные фрагменты – от континентов до ручья на лесной поляне; рассмотрению этого многочисленного класса онимов посвящен раздел под названием «**Топонимия**». В сегодняшнем урбанизированном мире важнейшей средой обитания человека оказывается город, его ономастика сформировалась в сложную и постоянно меняющуюся систему, анализ которой приводится в главе «**Ономастикон современного города**». Наконец, нельзя обойти и такой сюжет, как значимость ономастики в изучении родного языка – как в школе, так и в университете; эти материалы собраны в последнем разделе «**Как изучать ономастику**». Каждый из разделов завершается списком вопросов для самостоятельной работы, в ходе которой окажется необходимым обратиться к ономастической литературе и, может быть, вернуться к страницам этой книги.

Для удобства пользования книгой в ней помещены именной указатель, терминологический словарь и библиографический список.

Начинаем знакомство с ономастикой в надежде, что ономастические наблюдения и размышления станут непременными составляющими вашей интеллектуальной жизни. И при этом вы окажетесь вооружены знаниями о

современной ономастике и её теоретическим аппаратом.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Имена собственные окружали человека с давних пор, а наука о них сложилась только в XX веке. Как вы думаете, почему?

2. Если вы правильно поняли смысловые отношения терминов, производных от *оним*, то попытайтесь объяснить, не заглядывая в словарь, что такое *зоонимия* и *зоонимика*. Сопоставьте свои догадки с толкованием терминов, например, в словаре Н. В. Подольской.

3. Опираясь на полученный опыт, определите, что такое *ойконимия*, если известно, что греческое *ойкос* – '*жилище, место обитания*' (его мы видим в названиях наук *экономика* и *экология* – только в латинской огласовке, что естественно для европейских языков, откуда эти термины к нам пришли). Сколько русских ойконимов вы можете привести с ходу? А зарубежных?

4. Можно ли, взглянув на незнакомый русский ойконим, сказать, что он называет: город, деревню или посёлок? По каким приметам это можно узнать?

5. Сформулируйте, не заглядывая в справочники, правила русской **онимической / ономастической орфографии**. Назовите случаи, которые составляли трудность для вас при освоении письма?

6. Как объяснить второкласснику, что в словосочетании *на реке Урал* кавычки не нужны, а в выражении *мотоцикл «Урал»* – нужны?

1. Антропонимия, или Человек и его имена

Как было сказано во введении, человек – первейший объект ономастической номинации и центр ономастического пространства. Поэтому первый класс онимов, который мы рассмотрим, – это **антропонимы**, совокупность которых принято называть **антропонимией**. Греческое слово *антропос*, обозначающее человека, можно встретить не только в этих терминах, но и в таких, как *антропoид*, *антропология*, *антропометрия*; недаром морфема *антропо-* описывается в словарях как самостоятельная единица, входящая в сложные слова в значении «относящийся к человеку, к его изучению» [6]. Безусловно, этот греческий корень стал частью общенаучного языка для учёных разных стран.

«Как вас зовут? Представьтесь, пожалуйста» – естественная просьба к человеку среди незнакомцев. И выполнить её не так просто, как может показаться на первый взгляд. Ведь у нас на самом деле совсем не одно имя, их много, и предъявлять надо именно и только то, что требуется в данной ситуации (в зависимости от того, официальная она или дружеская, спрашивают люди одного с вами поколения или нет, старшие или младшие, каковы цели вашего представления и т.д.).

Такие трудности возникают от того, что наша современная русская **антропонимия** представляет собой сложную систему, которая вырабатывалась на протяжении почти тысячелетия и не перестаёт изменяться в каких-то своих деталях. Надо сказать, что она хорошо изучена и описана, в том числе и лексикографически. Поэтому знакомиться с её принципами, историей, современным состоянием мы будем, опираясь на богатые традиции отечественной **антропонимики**.

Первый принцип русской антропонимии – её двойственность: в ней есть **официальная** и неофициальная, **обиходная**, составляющие. Официальная часть зафиксирована в наших документах, а неофициальная известна в кругу близких – в семье, дружеской кампании, поэтому будем её называть домашней, или обиходной, она большей частью звучит в устной речи, наших семейных разговорах и дружеских диалогах; иногда она бывает производной от официальной, иногда никак с ней не связана. Начнём всё же с официальной.

Фамилия, имя, отчество – такова формула официального именования русского человека, или русская формула официальной антропонимии. В этом трёхэлементном именовании человек как индивидуум получает только имя, а два остальных компонента ему достаются, так сказать, автоматически: отчество – как ребёнку своего отца, а фамилия – как члену семьи. Это, как кажется нам, простое и естественное именование человека существует только у нас. Большинство европейских народов обходятся двухэлементной системой «имя+фамилия», многие предпочитают давать человеку несколько имён: «имя+имя+фамилия», а в Исландии обходятся без фамилий. Эти знания нам придётся привлечь для разъяснения особенностей русской антропонимии.

Рассмотрим все элементы нашей трёхэлементной официальной формулы по порядку, обращая внимание не только на сами эти элементы – антропонимы, но и на практику их социального бытования, в первую очередь принципы именования человека, или наречения именем.

Имя

В русской повседневной культуре имени придаётся большое значение, совпадение имён принято рассматривать как нечто сближающее лю-

дей, такие люди именуется по отношению друг к другу **тёзками**. Имена в сознании русских людей делятся на красивые и не очень, на модные и устаревшие, на городские и деревенские. И в последнюю очередь носители имен задумываются об их значении. Причина такой ситуации в том, что мы пользуемся **иноязычными** именами, и в этом отношении русские – немного полиглоты, не подозревающие об этом. И идёт это со времени принятия христианства.

Крещение для каждого человека означало и принятие нового имени – из византийского, то есть греческого, **именника**. Сначала крестильное имя бытовало наряду с родным, нехристианским. Так, мы знаем, что князь Ярослав по прозвищу Мудрый был назван в крещении *Георгием*; его сыновьям давались по два имени: *Всеволод* (в крещении *Андрей*), *Святослав* (в крещении *Николай*), *Вячеслав* в крещении (*Меркурий*); а вот дочерям (видимо, впервые в русской антропонимической практике) – только христианские, популярные, кстати, и до сих пор: *Анастасия*, *Елизавета* и *Анна*. Происходило это, напомним, в первой половине XI века.

Постепенно христианские имена стали единственными в официальном именовании человека – в первую очередь в церковных книгах, а затем и в других документах. Таким образом, в русский ономастикон вошли новые имена, значение которых не могло быть понятным. Зато они были привязаны к определённому дню в году, и человек получал имя в зависимости от даты своего рождения, точнее – крещения. Поэтому их стали называть **церковными**, **крестильными** (иногда крестными) и **календарными**, а день того святого, в честь которого человек назван, – его **именинами**^{*}, человека же в этот день называют **именинником**.

Можно заметить, что в современном словоупотреблении слово *именинник* используется по отношению к человеку, отмечающему день рождения. Это неправильно: об этом говорит уже сама внутренняя форма слова, отсылающая нас к имени, а не к факту рождения; а подтверждение можно найти в Словаре Даля, где именинник толкуется так: «У христиан, чтущих память святых, каждый человек, в день празднования церковью соименного ему святого или ангела». Для обозначения всех, чьи именины в один день, существовало особое слово *именинщина* или конкретно: *Никольщина*, *Ивановщина*, *Варваровщина*.

Происходит такая замена потому, что раньше день рождения не отмечали, праздновали только именины, или день ангела. Когда же этот обычай советской властью был отменён, как и сам календарный принцип имянаречения, то стали отмечать именно дату рождения, сохраняя привычное *именинник*. Между тем человека, у которого день рождения, надо называть **новорождённый**, как рекомендуют совре-

□ Обратите внимание: существительными в форме множественного числа называются по-русски и другие биографические события, предполагающие празднование: *родины*, *крестины*, *смотрины*, *входины* (=новоселье).

менные словари и специалисты по культуре речи, например ведущая рубрики «Говорим по-русски» в «Российской газете» Марина Королева.

Кстати сказать, календарность имён проявилась в том, что в народной культуре сложились традиции обозначать дни по праздникам, то есть по именам святых. Так, у дней появились имена собственные, а в русском языке сформировался ряд конструкций типа **Юрьев день, на Николу, на Авдотью**. Они вошли в обычай и были более понятны крестьянам, а иногда и помещикам, чем привычные нам 26 ноября, 22 мая или 1 марта. В доказательство этого в словаре «Что непонятно у классиков...» Ю. А. Федосюка приводится цитата из романа И. А. Гончарова «Обломов»: *Они вели счёт времени по праздникам, по временам года, по разным семейным и домашним случаям, не ссылаясь никогда ни на месяцы, ни на числа. Может быть, это происходило частью из-за того, что, кроме самого Обломова <отца Ильи>, прочие все пугали и названия месяцев, и порядок чисел* [22, с. 9].

Подтверждения этому можем найти и в Словаре Даля: *1 марта день Авдотьи-плющихи, плющит или гнетет снег*; Николин и Юрьев день не только служили приметам времени, но и вошли в поговорки: *Хвали зиму после Николина дня; До Николы нет добра николи* (о дорогах); *Дониколился до сумы; Юрий запасаёт коров, а Никола – коней; Сена станет у дурня до Юрья, у разумного – до Николы; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* [5].

Всё это говорит о том, что византийский именник, или, как его стали называть по церковной книге, **святцы**, стал неотъемлемой частью русского языка, не только составив его антропомикон, но и войдя в систему обозначения времени (темпоральная лексика) и паремиологический фонд: пословицы, поговорки, приметы.

Рассмотрим наши имена, опираясь на «**Словарь русских личных имён**» А. В. Суперанской [16].

Отметим, кстати, что это первый ономастический словарь в нашем знакомстве с ономастической лексикографией, но не первый в антропонимике. Первым можно считать словарь с таким же названием, но выпущенный в 1966 году **Н. А. Петровским**; этот лексикографический труд переиздавался 6 раз, и сейчас он полностью выложен на портале «Грамота.RU», так что возможности справиться в нём о каком либо имени расширились. Кстати, в издании Словаря 2000 года к его основному тексту прибавилось приложение Т. С. Александровой «Народные святцы (короткие рассказы об именах)», где представлена интересная для современного читателя информация о церковных именах и их бытовании в народной культуре и народной речи. В 1995 году в Москве вышел словарь с тем же названием, подготовленный коллективом авторов: **А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рожкова**. Следует назвать и словари, издаваемые за пределами столиц, например «Словарь имён» **Е. А. Грушко** и **Ю. М. Медведева** (Нижний Новгород, 1996).

Особым образом стоит отметить небольшой словарик **В. А. Никонова** «Ищем имя» [9]. Судя по названию, его главный адресат – родители, выбирающие имя своему ребёнку, и им автор предлагает сведения не только о происхождении имени и его значении в родном для него языке, но и информацию о распространённости имени у нас в стране – буквально с цифрами в руках. Например, об имени *Алла* сообщается: «Было в святцах, потом забыто. Вернулось как английская форма от имени Адель – «благородный».

У нас, к сожалению, принято за самостоятельное имя, которое дают повсеместно в среднем 5 из 1000 новорождённых девочек» [9, с. 65].

Следует отметить, что предшественником жанра словаря личных имён в русской культуре были «Словари о святых». На выход в свет такого словаря откликнулся в журнале «Современник» А. С. Пушкин. Авторами «Словаря о святых, прославленных в российской Церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых» (СПб., 1836) были Д. А. Эристов и лицейский товарищ Пушкина М. Л. Яковлев. В своём отклике рецензент указывает, что вышедший Словарь увидел свет через полвека после «Опыта Исторического словаря о всех в истинной православной вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах» Николая Новикова, который описывал жизнь 169 святых. Опираясь на новые источники (как пишет Пушкин, их Указатель «в два столбца, мелким шрифтом и составляет целый печатный лист»), Словарь включает в себе 363 имени. Оценивая высоко образцовый слог издателя, типографское исполнение книги, А. С. Пушкин подчеркивает, что Словарь «оказал важную услугу истории» и при этом «имеет и общую занима-тельность» (Пушкин А. С. Мысли о литературе. – М., 1988. – С. 307–308).

Предпочитая Словарь Суперанской, мы не хотим сказать, что остальные менее информативны или качественны – как самый поздний, он учитывает сведения предшественников, к тому же научный авторитет его автора как теоретика ономастики служит залогом компетентности. Взять какой-либо из этих словарей в руки хотя бы один раз, чтобы справиться о собственном имени, должен каждый интеллигентный человек. Впрочем, по-настоящему интеллигентный человек не просто заглянет в них, а тщательно изучит и вернётся к ним не раз.

Итак, русские имена, как они представлены в Словаре Суперанской.

Во-первых, обратим внимание на их число, информация о котором вынесена на обложку, – более 7500 имён. Конечно, не все они в равной степени известны современному человеку, о некоторых, подозреваю, многие даже никогда не слышали, например: *Евферий, Евфраксий, Евфродисий*. Но все они присутствуют в святцах, их давали русским людям.

Во-вторых, нельзя не заметить, что русские приняли иноязычные имена, но не стали (не смогли?) произносить их в точности так, как это делали греки (так на Руси звали жителей Византии, вспомним хотя бы знаменитый «путь из варяг в греки»). В результате многие имена стали звучать на

множество ладов, или, выражаясь терминологически, выработались *варианты их произнесения*. Понятно, что таким образом имена приспособивались к возможностям бытования в русской языковой среде, прежде всего в русском произношении. В результате либо появлялось новое имя, в котором иногда трудно было узнать исходное греческое, либо имя «размножалось» – на несколько входящих в русский именник, по крайней мере, современный.

Примером преобразований первого рода могут служить имена с греческим корнем *эу*, означающим 'хороший, добрый, благо'. Кроме приведённых выше, оставшихся среди экзотических, несколько были освоены русской ономастической практикой, чему мы и сейчас имеем косвенные свидетельства. Так, имя *Евстафий* было преобразовано в *Астафий*, *Стафей*, *Остан*, которые мы, скажем, забегая вперёд, узнаём в фамилиях *Астафьев*, *Стафейчук*, *Останов*; *Евтихий* стал *Олтуфием*, *Олтуфом*, *Алтухом*, *Евтухом*, и мы их узнаём в московском топониме *Алтуфьевское шоссе*, фамилиях *Алтухов*, *Евтушенко*.

Второй случай прекрасно иллюстрируется русской историей греческого имени *Георгиос*, означающего, как можно догадаться, зная школьные слова *гео-графия*, *гео-метрия* и медицинское слово *хир-ург* 'действующий руками', 'земле-делец'. Его обкатка русским произношением привела к тому, что, наряду с каноническим его видом, мы располагаем именами *Юрий* и более поздним *Егор*(ий). О том, что это произошло довольно быстро, говорят следующие факты. Князь Ярослав Мудрый получил при крещении, как уже было сказано, имя Георгий; в честь своего небесного покровителя назвал основанные им в 1030 году монастырь под Новгородом и город «в чудской земле». Первый и сегодня именуется Юрьев монастырь, второй менял названия не раз и сейчас обозначен на картах как эстонский город Тарту, хотя даже в XIX веке хорошо было известно его исконное имя Юрьев. Происходили эти события наименования, подчеркнём, в XI веке. Для современного русского человека Георгий, Юрий и Егор – не тёзки, а между тем все они носят, по существу, одно и то же имя в разных огласовках – греческой и русских.

Чтобы убедиться в этом, можно вновь обратиться к Словарю Даля. В статьях *Егорий-ленива-соха* и *Юрий-теплый* находим паремии со всеми тремя именами: *На Юрья святой Егорий разъезжает на белом коне, раздает зверям наказы; Егорий росу спустил; Будь здоров, как юрьева роса!; Георгий красную весну на красную горку начинает, пророк Илья лето кончает, жито зажсинает; Ранний горох сей до Георгия, поздний после Георгия*. Записанные в разных российских губерниях эти присловья показывают, что три имени относились к одному святому, который в канонических текстах именовался только Георгием, а в народной речи при обсуждении календарных проблем – иначе.

Итак, заимствованные из Византии имена не оставались неизменными, они прошли через фильтры русской фонетики и произносительных на-

выков. В этом смысле они обрусели, хотя и не стали более понятными. Прекрасный пример – практика освоения в разных языках библейского древнееврейского имени *Иоанн* (*Йоханан*, что означает 'Бог милует'). Русский язык, не терпящий соседства гласных, да еще в таких количествах, сократил одну из них, а между другими вставил *в* (как много позднее не очень грамотные русские люди делали то же с непонятными словами *радио* и *какао*, превращая их в *радиво* и *какаву*). В итоге получилось официальное имя *Иван*, которое давно воспринимается как русское, став своеобразным ономастическим национальным символом.

Заглянув в Словарь Даля, можно ответить на вопрос, почему имя Иван стало таким популярным. В посвященной ему статье, начинающейся с констатации этого факта и иллюстрации его присказкой *Иванов, что грибов поганых*, сообщается, что в святцах было 62 дня, когда можно было дать имя Иван. Значит, почти каждый шестой день в году приходился на Ивана, отсюда и множество Иванов среди православных; несколько Иванов бывало даже в одной семье: *У Наумки дети Ивашко 17 лет, Ивашко же 15 лет, Ивашко ж 11 лет* [9, с. 12]. В Словаре Суперанской все эти дни перечислены на [16, с. 510].

Неестественно для русского языка и стечение согласных, от которых в народном произношении оставалась обычно одна; так *Архиин* стал *Архином*, *Кирилл* – *Кирилой*, *Агриппина* – *Аграфеной*.

Справедливости ради следует заметить, что приспособляли библейские имена к своей фонетике не только русские, а практически все, поэтому образованный человек по звучанию имени может понять, на каком языке получил его носитель. Так, уже упомянутый *Георгий* стал у французов *Жоржем*, у поляков – *Ежи*, у чехов – *Иржи*. А наш *Иван* у западных славян звучит как *Ян*, у французов – *Жан*, у испанцев – *Хуан*, у англичан – *Джон*, а у немцев – *Иоганн* и *Ганс* (*Ханс*). Так, хорошо известно, что польский лингвист Ян Бодуэн де Куртенэ больше 40 лет проработал в университетах России, где его звали Иваном Александровичем. Если уж стремиться к точности, то следует сказать, что при крещении он получил имена Ян Игнаций Нечислав (Jan Ignacy Niecisław). Этот конкретный факт позволяет отметить одно важное отличие русского имянаречения от европейского: почти во всех европейских странах человек получает несколько имён, тогда как у нас – только одно. Это мы знаем, помня не только Бодуэна де Куртенэ, но и такие имена, как *Иоганн Себастьян Бах*, *Ганс Христиан Андерсен*, *Эрих Мария Ремарк*. Имя греческой оперной певицы, всемирно известной как *Мария Каллас*, – *Сесилия София Анна Мария*, а знаменитый художник *Пабло Пикассо* является ещё обладателем имён *Диего Хозе Франциско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ремедиос Криспин Кристиньяно де ла Сантисима Тринидад Руис*.

Итак, христианский именник, с одной стороны, объединяет все христианские народы, создавая общий фонд имён, связанный с историей христианства, а с другой стороны, показывает специфику национальных языков в освоении этого общего фонда, особенности звучания имён и наделения ими, «пристрастия» к тем или иным именам.

Что же представляли собой эти христианские имена в плане принадлежности их к тем или иным языкам? Это:

- во-первых, ветхозаветные и новозаветные имена участников событий, составляющих жизнь и деяния Христа, то есть древнееврейские;
- во-вторых, собственно христианские: имена святых и мучеников, среди которых были римляне, греки, позднее славяне.

Таким образом, христианский именник пришёл к русским уже собранием разноязыких имён, звучащих по-гречески, если точнее – в среднегреческих огласовках.

Древнееврейские имена нам настолько хорошо знакомы, что обычно не сразу соглашаются поверить в их столь «далёкое» происхождение. Это прежде всего имена *Адам* и *Ева*, означающие 'человек' и 'жизнь'. Воспринимаются русскими как свои уже рассмотренное нами имя *Иоанн*, превратившееся в такое родное *Иван*, а также *Илья* (*Элияху* – 'Бог мой Яхве'), *Михаил* (*Мика-эль* – 'кто как Бог'). Из женских можно привести имя *Анна*, означающее 'милость', и *Мария*, что значит 'любимая, желанная'.

Христианский круг имён, то есть сложившийся уже в христианском мире, прежде всего греческий. Эти имена нашим образованным предкам, знавшим греческий настолько, что они верили в существование единого эллино-славянского языка, были более понятны, чем нам. Даже у нас они могут вызывать какие-то смысловые ассоциации, поскольку множество греческих корней живут в русском словаре, особенно научном и религиозном. Так, *Константин* значит 'постоянный', тут нельзя не вспомнить научное понятие *константа*; *Андрей* – 'мужественный', и мы слышим этот корень в термине *андрология*, обозначающем раздел медицины, изучающий особенности мужского организма и мужские болезни; *Пётр* восходит к греческому слову *петрос* 'камень', и это не надо объяснять тем, кто знаком с терминами *петроглифы*, *петрография*, или *петрология*, – всё это связано с камнями, надписями и изображениями на них и наукой о горных породах, их химическом и минералогическом составе. *Василий* означало 'царственный', ведь недаром при крещении князь Владимир взял себе именно это имя; правда у нас оно почему-то пережило «понижение» и даже прижилось в качестве кошачьей клички (пополнило зоонимию).

Круг латинских имён – уже, в основном это те, что вошли в именник до разрыва между православной и католической церквями. В части из них для нас может «просвечивать» первоначальный смысл, ведь из латыни к нам пришло и множество нарицательной лексики. Так, женское имя *Наталя* (*Наталья*) связано по смыслу с рождением, в чём убеждают меди-

цинские термины *антенатальный*, *перинатальный* и *постнатальный*, обозначающие разные периоды жизни ребёнка относительно родов; в мужских именах *Валентин*, *Валерий* слышим корень *vale* – быть здоровым, узнаваемый по названию науки о здоровье – *валеологии*. Характерно в этом отношении имя *Роман* – от *Романус*, то есть 'римский', 'римлянин'; в минеях XI века был и женский его вариант – *Романа*, но в более поздних святцах не сохранился.

Заметим, что хотя по-русски название «вечного города» звучит *Рим* и от этого имени образуется прилагательное *римский* (*Папа римский* или знаменитый фильм «*Римские каникулы*»), имя *Роман* образовано от оригинальной версии названия города – *Рома*.

Интересно, что язык римлян именуется *латынь*, что напоминает о названии местности Лаций (Латиум), центром которой был Рим. Языки, ставшие «потомками» латыни, называются *романскими*, а та часть Америки, которая была завоёвана и заселена носителями этих языков – испанцами и португальцами, стала называться Латинской.

Так переплетены в русском словаре Лаций, Рома, Рим.

К ним надо добавить *Италию* – современное название страны, столицей которой остаётся Рим: оно напоминает об италийских племенах, заселявших Апеннинский полуостров в начале второго тысячелетия до нашей эры, впоследствии переживших романизацию.

Находим в святцах и славянские имена – *Владимира*, первых русских святых *Бориса и Глеба*. Правда чаще всего славянские имена оказываются «с германской подкладкой»: их источник видят в именах варяжских, которые носила знать. Так, имя *Владимир* возводят к древнегерманскому *Вальдемар*, состоящему из корней *вальтан* 'царить, господствовать' и *мар* 'слава, славный'; *Глеб* – к скандинавскому *Гудлейфр*, сложенному из корней 'Бог' и 'отдавать под защиту'. Но уже в Древней Руси они воспринимались как свои, княжеские имена. Так же, как и *Игорь*, *Олег*, *Ольга*, в скандинавском происхождении которых сейчас никто не сомневается.

Интересно отметить, что самые понятные, как будто бы русские имена *Вера*, *Надежда*, *Любовь* представляют собой перевод с греческих имён, которые звучали как *Πίστις*, *Ἐλπίς* и *Ἀγάπé*. Так что их «родное» звучание – иллюзия.

Круг христианских имён был не так велик. По данным Суперанской, «первоначальный фонд календарных имён составил 537 мужских и 105 женских» [16, с. 27], некоторые из них позднее вышли из употребления, а новые вошли в связи с канонизацией святых. В итоге православный именной включает около 900 мужских имён и 250 женских, но и это число нельзя считать окончательным, новые календари могут отличаться другими данными [16, с. 33].

Стоит подчеркнуть один важный факт: освоение христианских имён

означало для русских людей присоединение к традиции, в силу которой антропонимия повторяет **агионимию** – совокупность имён святых. Ценность и значение этой традиции для практики именованья людей состоит в том, что всё новые и новые поколения христиан, получая одни и те же имена, осознают свою связь со своими небесными покровителями и теми, кто носил эти имена до них, ощущают это как особое объединяющее историческое и религиозное переживание.

Итак, в XI веке русские начинают пользоваться христианскими именами, осмысляя свою связь с христианскими святыми и приспособляя их имена к русским произносительным привычкам и возможностям. Естественно возникает вопрос: «А какие имена они носили до этого?» Ведь мы же знаем, что Владимир – в крещении Василий, его сын Ярослав – в крещении Георгий. Уже эти факты из жизни князей говорят нам, что крестильные имена давались в дополнение к уже имевшимся.

Действительно, мы располагаем данными о **древнерусских именах**, которыми пользовались до принятия христианства (отсюда их название – **дохристианские** или **нецерковные, некалендарные**), с частью из них можно познакомиться в предисловии к Словарю Суперанской. Простое чтение их списка убеждает в том, что эти имена были понятны нашим предкам, ведь они черпали их из своего лексикона.

В первую очередь надо назвать имена, отражавшие обстоятельства рождения ребёнка: *Ждан и Неждан, Позняк, Поздныш; Первуха, Первуша; Друган, Третьяк, Пятуня, Пятыш, Шестак, Шестун, Осьмуха, Девятко, Зима, Постник, Найден.*

Затем в традициях русских было отражать в имени внешние данные ребёнка, так появлялись имена *Беляй, Белава, Черняй, Черныш, Малой, Малыш, Голован, Толстой, Сухой.*

Не редкостью были среди нецерковных имён названия животных, рыб и птиц: *Волк, Заяц, Щука, Карась, Сорока, Ворона, Воробей.*

Удивительно для современного человека наличие среди нецерковных особого разряда имён **охранных, защитных** (научный термин – **апотропейческих имён**, от греческого *апотропайос* – 'предотвращающий беду, отводящий несчастье'), о чем говорится в словаре Н. В. Подольской [12, с. 69]. Они давались в надежде, что названное именем минует его носителя: *Злоба, Забота, Кручина, Плакса, Кривой, Мусор, Оспа, Захворай.* Для таких имен характерны приставки *без-* и *не-*, в которых заключалось «предупредительное» отрицание добрых качеств: *Бессон, Безгод, Некрас, Неустрой, Нелюб, Немир, Ненаш.*

Не стремясь к исчерпывающему представлению древнерусских имён (это вряд ли сейчас возможно), хотелось бы составить представление о них как особом массиве русских антропонимов. Запомните их и не думайте, что они исчезли безвозвратно, мы к ним ещё вернёмся.

А пока отметим, что смена одних – понятных – имён другими, непо-

нятными, но соединяющими с миром христианства и библейской истории, произошла не мгновенно. Вспомним ещё раз о двух именах князей Владимира и Ярослава. Такая практика сохранялась вплоть до XVII века, поэтому многие дохристианские имена зафиксированы в документах. Но преобладающими и абсолютно легитимными, поскольку они освящены авторитетом Церкви, были имена крестильные.

Такая ситуация сохранялась до начала XX века, точнее до 1918 года, трагически изменившего многое в русской культуре, и в частности в антропонимии. Во-первых, советская власть отменила монополию Церкви при назывании человека, практически запретив крестины, с тех пор родители имеют право давать ребёнку имя сами, по своему усмотрению. Правда эта родительская вольница длилась не так долго, скоро руководить этим процессом стали загсы, располагающие списками допускаемых имён, эти списки во многом совпадали с церковными святцами, но не полностью: крестильные имена оставались как «наследие прошлого», передовые люди называли своих детей по-новому. И вот это породило второе новое обстоятельство в русской антропонимии: пополнение имён стало происходить не только за счёт включения европейских (католических) и восточных имён, овеянных революционной семантикой, но и за счёт изобретения новых. Таким образом, революционные изменения коснулись и принципов имянаречения, что существенно изменило и состав имён, и практику их получения.

Этот небывалый период в русской антропонимии оставил такие имена, как *Баррикада*, *Октябрь* и *Октябрин*, *Трактор*, *Атеист*, *Гранит*. Получило распространение не просто переименование нарицательных слов в личные имена (этот способ получения онимов называется **онимизация**), как в случаях с приведёнными, но и сооружение беспрецедентных имён с использованием **аббревиации** – популярного и до сих пор способа словообразования. Так, имя *Владлен* представляет собой аббревиатуру от сочетания «Владимир Ленин», а *Лемар* – «Ленин, Маркс». «Материал» для такой аббревиации не ограничивался ономастикой; так, имя *Профлин* отсылает к сочетанию «профсоюзная линия». Экзотические имена такого типа приводятся в одной из газетных публикаций: *Даздраперма* – Да здравствует первое мая; *Рожблен* – рождённый быть ленинцем (Российская газета 31.08.2007). Иногда в исходной базе объединялись имена собственные и нарицательные; такое имя носит старейший журналист «Известий» *Мэлор Стура*: «Отец, старый большевик составил его из первых букв коммунистических святынь – Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция» (Известия 8.04.2008). Интересно, что как аббревиатуры, но с иным осмыслением предлагалось воспринимать и традиционные европейские имена: *Гертруда* оказывалось сокращением от «герой труда», а *Рената* толковалась как «революция, наука, труд» [16, с. 35].

Бурные революционные изменения в именовании людей и имятворчество к 1940-м годам утихают, и русское общество постепенно возвращается

к традиционным крестильным именам, которые теперь давали не священники, но родители при участии сотрудников загсов. Более того, в 70-е годы начинается мода на малоупотребительные при советской власти крестильные имена: Иван, Мария и др. Нынешние звезды телевидения Дуня Смирнова и Фёкла Толстая родились именно в это время; как мы знаем, они не сменили своих имён, значит, эта мода жива. Среди мальчиков, родившихся в 1990-е, есть *Куприян, Егор, Матвей*. Как и в любой сфере, мода на имена неоднородна: наряду с архаизацией и русификацией именника, можно отметить и тенденцию к его европеизации: имена *Анжела, Артур* подтверждают это.

Феномен моды на имя, уникальное место в русском ономастиконе имени *Светлана* замечательно показаны в книге Е. В. Душечкиной [35], которая есть в списке рекомендованной литературы. Хотелось бы, чтобы читатели сами познакомились с этой высокопрофессиональной и захватывающе интересной книгой. Скажу только, что, прочитав её, можно узнать, что за почти двести лет имя Светлана прошло удивительный и непредсказуемый путь, анализ каждой «извилины» которого сопровождается не только массивом свидетельств, доказательств, но и интереснейшими объяснениями всех этих перипетий. Е. В. Душечкиной удастся показать, каким сложным образом связаны бытование литературных жанров, эстетические вкусы эпохи и практика имянаречения; как литература и искусство отражают антропонимическую ситуацию и одновременно формируют её. Можно сказать, что эта книга исследует судьбу одного имени на фоне истории культуры, что убеждает нас в огромном культурном потенциале личных имён, выводит изучение этой части ономастикона из практической области в рамки национальной культуры.

Свежие данные говорят о том, что самыми популярными остаются традиционные крестильные имена. Вот их список, составленный сотрудниками загсов Москвы. Для мальчиков это *Александр, Иван, Максим, Артем, Михаил, Никита, Данила, Егор, Дмитрий* и *Алексей*; для девочек – *Анастасия, Мария, Дарья, Инна, Полина, Екатерина, Ксения, Виктория, Елизавета* и *Софья*. А мальчикам первого послевоенного десятилетия, по данным московских архивов, чаще всего давали имена *Виктор, Юрий, Николай, Борис, Анатолий* и *Алексей*. Но на первом месте был *Владимир* – это имя носит каждый десятый из нынешних пятидесятилетних мужчин. А среди их ровесниц больше всего *Галин, Валентин, Людмил, Нин, Татьяна* и *Тамар*. Как мы видим, предпочтения сегодняшних родителей более традиционны.

Но тяга к необычным именам не исчезла совсем. Так, в той же публикации сообщается, что уже две москвички получили имя *Ассоль*, придуманное писателем Александром Грином, вызывающее романтические ассоциации. Некоторые родители для своих малышей выбирают двойные имена – как в Европе, например *Анна-Мария, Анна-Елизавета*, однако это очень

редко. Уникальный случай освещали российские газеты: в одном из загсов Кирова зарегистрирована девочка по имени *Россия*; её полное имя – *Россия Сергеевна Перминова*; родители считают, что проявляют таким образом свой патриотизм, но как отнесётся к своему имени его владелица, неизвестно (Российская газета 31.08.2007).

Итак, можно установить хронологию русской антропонимии:
до X века – дохристианские древнерусские имена;
X–XVI вв. – освоение христианских имён и сосуществование их с дохристианскими;
XVII–XIX вв. – господство христианских имён;
XX в. – отказ от христианского именника, взрыв имятворчества и возвращение к именнику.

Выбор имени для ребёнка – событие культурное, оно касается не только будущего носителя имени, не только его семьи (хотя их в первую очередь), но всего ономастического пространства. Имя связывает человека незримыми нитями с современниками и историческими личностями. Об этом хорошо писал известный литературовед В. Н. Турбин: «Имя, антропоним делает памятником каждого из нас, независимо от наших моральных свойств; в нём реально осуществляется увековечивание его первоносителя и, следовательно, материализуется идея преемственности поколений, связи времён. Оно же – по крайней мере, теоретически – гарантирует обладателю его вечную память потомков».

Конечно, если человек не приемлет своё имя, у него есть возможность его сменить. Такая юридическая процедура предусмотрена, и с заявлениями такого рода люди постоянно обращаются; так, например, молодой человек по имени *Фёдор* пожелал быть *Арнольдом*, но вскоре потребовал вернуть своё имя, а это можно сделать только через год. По наблюдениям работников загсов, люди часто меняют экзотические имена на обычные или отказываются от имени, которое «не прижилось»: девочку назвали *Ираидой*, а все зовут *Ирой*, она меняет имя на *Ирина* (Российская газета 7.02.2008).

Нельзя не отметить, что русские люди очень редко называют друг друга вне официальной обстановки так, как их имена записаны в документах. У каждого из нас есть домашнее, или обиходное, имя, если не имена. Они квалифицируются в ономастических работах как гипокористики, или неканонические, сокращённые, уменьшительные, ласкательные или уничижительные имена [12, с. 69–77; 15]. Преодолевая такую избыточность терминологии, ограничимся одним обозначением – **обиходное** имя, полагая, что таким образом обозначим неофициальность, которая иногда понимается как задушевность и ласкательность, иногда – как фамильярность и пренебрежительность.

За время пользования христианскими – иноязычными (!) – именами в

русском языке выработалась особая **грамматика обиходных имён**, или, точнее, система словообразования, располагающая своими правилами преобразования официальных имен и репертуаром формальных средств – аффиксами, которые из-за их необычности, непохожести на обычные суффиксы хочется назвать *суффиксоидами*. Впрочем, Унбегаун называет их суффиксами, суффиксальными элементами, а Суперанская предпочитает менее обязывающий грамматически термин *финаль*.

Конструктивные принципы этой грамматики весьма свободны, но всё-таки их можно назвать.

- Домашнее имя чаще всего короче официального (*Александр* → *Саша*, *Саня*, *Шура*; *Ольга* → *Оля*); хотя короткие имена в домашнем обиходе могут удлиняться (*Вера* → *Веруша*, *Ольга* → *Ольгуша*).

- Сокращению, как правило, подвергается конечная часть имени (*Мария* → *Маша*, *Маня*, *Муся*); но есть противоположные факты: *Николай* → *Коля*, *Вячеслав* → *Слава*.

- Домашние имена – и женские, и мужские – чаще всего имеют форму на *-а* (I скл.): и Александр, и Александра дома – *Саша*, Алексей – *Лёша*, Олег – *Олежа*.

- Среди домашних имён есть нейтральные и ласкательные. Первые образуются простым сокращением (*Любовь* → *Люба*, *Ольга* → *Оля*, *Елена* → *Лена*, *Виктор* → *Витя*) или комбинацией сокращения и прибавления специальных суффиксоидов:

- ня (*Маня*, *Таня*, *Саня*, *Дуня*);

- ша (*Маша*, *Саша*, *Миша*);

- ся (*Люся*, *Дуся*, *Муся*).

От них уже могут быть образованы формы, с использованием обычного диминутивного суффикса *-к(а)*: *Машка*, *Манька*, *Ленка*, *Олежка* (ср.: *рука* → *ручка*, *книга* → *книжка*). Сегодня эти имена звучат, может быть, и не очень уважительно, но не уничижительно, как это было в далёком прошлом, когда представители социальных низов подписывали бумаги «холоп Васька», а переписи включали такие крестьянские имена, как *Ивашка* (такой пример приведён выше), *Гришко*. Часто приводят цитату из письма В. Г. Белинского Н. В. Гоголю: «*Россия представляет собой ужасное зрелище страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками*». Не выходя за пределы семейного или дружеского круга, сегодня эти имена уже не имеют такого социального звучания.

Производные от суффикса *-к(а)*, или, по крайней мере, включающие этот согласный, несомненные диминутивы, не отличающиеся от диминутивов апеллятивных:

- ечк(а): *Танечка* (как *колечко*);

- еньк(а): *Машенька* (как *тётя*);

- ушк(а): *Лёвушка* (как *совушка*);

- ёк: *Витёк* (как *окунёк*).

Таким образом, грамматика обиходных имён специфична только своим первым звеном; далее её «продукты» включаются в регулярные грамматические процессы: так же, как нарицательный диминутив *доченька*, образуются онимические: *Оленька, Настенька, Витенька, Митенька*.

По моим наблюдениям, в разных местах России предпочитают разные грамматические средства образования обиходных имён. Так, *Людмила* на юге чаще называют *Людями*, а на севере – *Люсями*, в Москве еще любят вариант *Мила*. В Новгородской области при образовании домашних имён используют излюбленный суффиксоид *-х(а)*: здесь можно услышать не только распространённое *Лёха*, но и *Саха, Паха, Геха, Тоха, Дюха, Яха*. Этот формант используется и для женских домашних имён – *Маха*. Запомнился рассказ об одной семье, где были дочери *Таха* и *Тоха* – это Татьяна и Антонина; и о том, что в деревне кошку зовут *Коха* – то есть этот суффиксоид проникает даже в область зоонимии.

Можно смело сказать, что грамматика домашних имён подвластна времени и моде. Характерно в этом отношении популярное имя *Дмитрий*: в начале прошлого века, как мы знаем, например, из рассказа И. А. Бунина, домашнее имя от него было *Митя*, во второй половине – *Дима*, сейчас в молодёжной среде – *Димон*. Видимо, модность вносит суффиксоид *-он*, встречающийся и в сленговых словах типа *музон, газон, гиббон, шефон*.

Несёт обиходное имя и специфическую социальную информацию. Так, в 90-е годы стали широко известны такие варианты распространённых имён *Владимир* и *Николай*, как *Вован* и *Колян*; сегодня они воспринимаются как знаки принадлежности криминальной среде, фигурируют в анекдотах о новых русских и миниатюрах юмористов подобной тематики. Вызывающе смотрится в Красноярске кафе *У ВОВАНА*, с недоумением относится журналист к тому, что во Франции на бегах выступает российский конь по кличке *Вован* (Известия 6.06.2005). И хотя в литературном языке есть слова с финалью *-ан* (*великан* или *таракан*), сленговое восприятие этих антропонимов поддерживается арготизмами *пахан, двойбан, цвайбан, тройбан* (отметки в школе).

Вспомним, что в XIX веке среди русских аристократов было принято в качестве домашних имён использовать иноязычные – чаще всего французские или английские: всем памятны персонажи романов Льва Толстого: *Мари, Никола, Долли, Стива* (последние, кстати, это Дарья и Степан). В наше время тоже можно встретить *Майков, Дэнов*, которые на самом деле Михайлы и Данилы. Это факт говорит о том, что оппозиция *официальное / обиходное имя* может обеспечиваться не только грамматическими, но и собственно лексическими средствами – за счёт заимствования.

Интересно отметить, что домашние варианты официальных имён приняты и в других культурах, более того, в западных странах они обладают большей легитимностью, чем у нас. Так, американские политики именуются *Билл Клинтон* (*Билл* – сокращённый вариант имени *Вильям*); немцы даже в документах пишут *Ханс*, а ведь это домашнее имя от *Йоханнес* (то,

что у нас звучит как *Иван*) [16, с. 89].

Итак, подводя итог рассмотрению первого элемента русской антропонимии – **имени**, можно сказать, что это значительная часть ономастикона (вспомним цифру 7500 – столько имён в Словаре Суперанской). История этой части нашего антропонимикона может стать сюжетом отдельной книги, в которой найдут своё место вопросы религии и античной культуры, истории разных языков и соотношения их звукового строя и письма, церковной книжности и государственной кодификации имён, наконец, влияния художественной литературы и кино на ономастические вкусы, определяющие во многом практику названия новорождённых или изменения имён взрослыми людьми.

Рассмотрение этой истории в самом первом приближении показывает, что в русской культуре установился и воспринимается как естественный состав имён, не связанный прямо с русским лексиконом. Высокий уровень языковой культуры, знание других языков, знакомство со справочной литературой позволяют человеку знать толкование своего имени. В то же время понятно, что семантика имени для нас не сводится к его этимологическому значению – значению греческих или скандинавских корней.

Современное состояние антропонимии хотя и связано с её историей, не равно ей. Каждая эпоха по-своему оценивает и иногда переоценивает человеческие имена и их современное значение, а тем более эстетические ассоциации могут быть весьма далёким от первоначальных. Кажется важным отметить здесь такой факт. В последнее время получили распространение книги, статьи в разных журналах и сайты в Интернете, смысл которых состоит в том, что имя определяет характер и судьбу человека. Удивительно, что люди всерьёз воспринимают утверждения типа «Натальи преданны, а Юлии – легкомысленны» и даже руководствуются этим при выборе имени для своего ребёнка. Называя эту «область знаний» **параономастикой**, хочу подчеркнуть, что она не имеет ничего общего с наукой, составляя удел малограмотных людей, склонных к суевериям.

Разумеется, при выборе имени нельзя не учитывать его семантику. Конечно, в христианском мире её основу составляют библейские события. Знания о святом, чьё имя носит человек, входит в христианскую культуру; так, А. С. Пушкин в уже упомянутом отзыве на издание «Словаря о святых» замечает: «Есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чьё имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не позволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству» (Пушкин А. С. Указ соч. С. 308).

Имя как бы впитывает в себя то отношение, которое вызывает едва ли не каждый его носитель. Почтение к одним именам или отторжение других может быть известно самым близким или становиться фактом национальной культуры. Значит, каждый человек ответствен за то, какие новые смыслы он внесёт в семантику своего имени. Своё имя мы не выбираем, но то,

каким оно останется после нас, зависит и от нас. Такое представление о соотношении имени и судьбы представляется грамотным и реалистичным.

Отчество

Отчество – второй элемент официального наименования человека по-русски – специфически русское явление. Вообще говоря, называть человека с упоминанием имени его отца принято во многих культурах, для обозначения такого имени есть ономастический термин *патроним*, его первую часть – греческое *патрос*, означающее 'отец', мы встречаем в словах *патриарх*, *патриот* (от *патрия* – 'родина, отечество'). Патронимы существовали в Древнем Риме: *Valerianus* – это 'сын Валерия' (*Valerius*) [12, с. 104]. Однако как обязательный элемент официальной антропонимии отчества есть только у нас. Тем более внимательно следует разобраться с тем, что это за ономастическое явление.

Отчество записывается в свидетельство о рождении, паспорт и другие важные документы. Техника образования отчеств хорошо известна: к имени отца прибавляются специальные суффиксы *-ович / евич*, реже *-ич* для мужчин и *-овна/евна, -ична* для женщин: *Иван-ович, Алексе-евич, Никит-ич* и *Иван-овна, Алексе-евна, Никит-ична*.

Если говорить об истории этих языковых средств, то стоит заметить, что *-ич* и *-н(а)* – старые суффиксы с семантикой 'сын' и 'дочь', патронимные; они использовались для образования наименований детей от существительных с семантикой социального статуса: *княжич, барич* и *княжна* известны из истории. В Словаре Даля находим слово *мужикович*, а также образования от терминов родства: *отчич* – «сын и родовой наследник отца своего», а также «сын отчизны своей, патриот» и даже *дедич* – «прямой наследник по деду, по прямому нисходящему потомству от предков». Позднее эти «детские» суффиксы расширились за счёт присоединения к ним притяжательного суффикса *-ов/ев (отцов, тестев)*, и появились слова *попович, поповна, цесаревич, цесаревна*. Эта модель и укрепилась в ономастике как средство образования отчества. Приняты были и групповые патронимы, чаще всего для обозначения княжеских династий: *Рюриковичи, Ярославичи* – все потомки Рюрика или Ярослава.

Интересно, что воспринимались отчества как формы «на *-вич*», и эта финаль даже звучала в речи как самостоятельное слово, о чём свидетельствует особая статья в Словаре Даля, где в качестве примера приводится текст царского указа Михаила Фёдоровича – «писать Государевы грамоты без вичей» – и поговорка *Наши вичи едят одни калачи*.

Для рассмотрения проблемы отчеств важны ответы на два вопроса: какова история этого элемента русской антропонимии и как используются отчества вне сферы официального именования, вне документов?

Отвечая на первый, следует сказать, что отчества моложе имён, они

появляются позднее. Первоначально они были элементом именованя лиц княжеских семей: из летописей мы знаем про *Ярославичей, Мстиславичей, Мономаховичей*. Все это относится к XI—XII векам.

В XVI—XVII веках отчества стали входить в именование бояр. Можно отметить, кстати, что в такое именование могло входить и **дѣдичество** — указание на имя деда как свидетельство родовитости. Такое многокомпонентное официальное имя воспринималось как знак высокого социального статуса.

В XVIII веке обязательность отчества на *-вич* распространялась только на высшие чины, а к концу века — на всё дворянство. Демократические слои населения обходились отчеством на *-ов*; так, в «Отцах и детях» И. С. Тургенева демократ Базаров на вопрос о его имени-отчестве отвечает демократически — *Евгений Васильев*.

При советской власти этот элемент официального наименования стал всеобщим и, более того, обязательным, и без всяких социальных различий каждый гражданин получает отчество на *-вич*.

Таким образом, история отчества в русской антропонимии — это история распространения его на всё более широкие слои русских, это история его демократизации — от князей до всех без исключения. Интересно, что и сам термин *отчество* установился не сразу, его конкурентами были *отечество, отцеименное* или *отечественное имя*. Здесь стоит привести и разговорную формулу *Как вас по батюшке?*, при этом используется глагол *величать*, то есть зовут по имени, величают по отчеству.

Величать — это и есть использовать отчество вне документа, к чему относится второй поставленный вопрос. При этом надо различать два случая: когда отчество используется в комплексе с именем и когда оно служит единственным средством именованя человека.

По имени-отчеству обращаются к взрослым людям — это знак уважения к возрасту и социальной роли, например учителя, врача. Такое обозначение человека предполагается от незнакомых людей и при разговоре с малознакомыми. Незнание отчества составляет неудобство для обращающегося к старшему, иногда в таких случаях прибегают к «пустым» отчествам: *Батькович* и *Батьковна*.

Невозможность обратиться к взрослому человеку высокого социального статуса без отчества заставляет прибавлять отчества к именам иностранцев, как это видно из уже приведённого по другому поводу именованя в России Бодуэна де Куртенэ *Иваном Александровичем*. Подобные примеры известны и из литературы XIX века: учитель немецкого *Карл Иванович* в «Детстве» Л. Н. Толстого, квартирная хозяйка *Амалия Ивановна* в «Преступлении и наказании» Достоевского.

Функционирование отчеств в устной речи требует некоторых замечаний об их произношении — **орфоэпии отчеств**. Суффиксальная часть отчеств претерпевает сокращения, и *Николаевич* звучит как *Николаич*, *Андреевна* — как *Андревна*. Иногда сокращению подвергается не только фи-

нальная часть отчества: Александрович превращается в *Саныча*, Алексеевич в – *Сеича*. Имена-отчества могут сливаться в одно фонетическое слово, что отменяет склонение имени: у *Палпалыча*, без *Михалсеича*, с *Иваныванычем*, за *Мариванной*. Такие слитные имена даже образуют притяжательные прилагательные, например *Иванпетровичев*, *Мариваннин*.

Одно отчество используется при обращении к пожилым людям в сельской местности или в дружеской компании независимо от возраста, тогда это знак дружеского расположения и даже некоторой фамильярности. В. А. Никонов приводит интересный исторический факт. «В 1814 году А. С. Шишков сопровождал жену царя Александра I в Германию, освобождённую русскими войсками от Наполеона, и так описал торжественную встречу, которая царицу обидела:

«Странно было для русского уха слышать, что громкогласно и с восторгом произносилось одно только отечественное имя её: «Алексеевна!». Нельзя было не рассмеяться, когда народ кричал: «Ура, Алексеевна! Виват, Алексеевна!». Они думали подделаться этим под русский язык, потому что у них отечественное имя не в употреблении, но того не могли знать, что без приложения к нему собственного имени оно дико и только о простых и пожилых женщинах говорится» [48, с. 33].

Ведь в описываемую эпоху обращение по одному отчеству допускалось только по отношению к простолюдинам, слугам, что хорошо известно нам по классической литературе, вспомним, например, пушкинских персонажей: *Савельича* из «Капитанской дочки» или *Филипьевну* из «Евгения Онегина».

О важности отчества для русского языкового (ономастического?) сознания говорят факты образования отчеств за пределами антропосферы. Так, известны фольклорные величания рек: *Дон Иванович*, *Дунай Иванович*, *Днепр Слопутич*; обозначения животных: свинья *Хавронья Ивановна*, медведь *Михаил Иванович* или *Потапыч*. Не только фольклор даёт нам такие факты: знаменитый *Иван Иваныч Самовар* Д. Хармса подтверждает, что традиция не умерла. Не менее интересен факт образования отчеств от апеллятивов: *Ерш Ершович*, *Сахар Медович*. Это средство используют и авторы современных товарных знаков: например, известны продукты под названиями *Приправыч* и *Йогуртович*.

Между тем нельзя не отметить и такой факт: в последнее время в публичном общении всё чаще отказываются от отчеств: так, о руководстве страны говорят *Дмитрий Медведев*, *Владимир Путин*; об артистах: *Алла Пугачева*, *Иосиф Кобзон*; о журналистах и писателях: *Дмитрий Быков*, *Виктор Топоров*, *Дина Рубина*. Эта манера – по западным образцам – вызывает недоумение и иногда даже протест, в ней видят отступление от националь-

ных традиций, см., например, статью Г. В. Бортника «По имени называют, по отчеству величают» в журнале «Русская речь» (№ 4. 1999).

Итак, отчество стало не только обязательным элементом официального наименования русского человека, но и нетривиальным средством выражения самых разных социальных и оценочных смыслов.

Завершает тройку обязательных для русских людей антропонимов, фиксируемых в документах, фамилия. Но чтобы понять всё, что связано с фамилиями, необходимо сделать отступление в область неофициальных наименований человека и изучить проблему прозвищ в русской ономастической культуре.

Прозвище

Прозвище (иногда то же именуют *кличкой*) – элемент неофициального именования человека, которое даётся ему в рамках чаще всего узкого круга общения: семья, дружеская кампания, школьный класс или студенческая группа / курс. Более широкое хождение имеют деревенские прозвища или прозвища публичных людей: политиков, артистов.

Современная речевая практика включает огромный массив разнообразных прозвищ. В этом можно убедиться, полистав Словарь Вальтера-Мокиенко, где собрано более 10 000 прозвищ. Опираясь на классификации Т. Г. Чайко и В. А. Флоровской, авторы словаря показывают, что прозвища могут быть мотивированы, в частности:

- внешностью человека (*Рыжий, Коротышка*);
- особенностями его речи (*Пищик, Громкоговоритель*);
- занятиями или профессией (*Свинодой, Портной*);
- именем или фамилией (*Русак от Русаков, Волчок от Волков*) [2].

Прозвище, в отличие от имени, в современной жизни не обязательно, и носитель может даже не подозревать о его существовании: например, ученические прозвища школьных учителей или студенческие – университетских преподавателей. Тем более что часто оно служит для насмешки над именуемым персонажем, проникнуто иронией по отношению к нему; см. например: *Геогрыз* – учитель географии; *Гестановка* – строгая учительница рисования; *Гиппотам* – крупная, полная учительница и т.д.

Совсем иначе обстояло дело с прозвищами в средневековой Руси в эпоху, которую можно назвать «дофамильной». Прозвища, или в более благородном звучании – прозвания, появлялись у князей: вспомним уже упоминаемого Ярослава **Мудрого** и других известных нам из истории русских князей: Александра **Невского**, Юрия **Долгорукого**, Ивана **Калиту**. Зафиксированные в летописях эти прозвания хорошо известны любому человеку, мало-мальски знакомому с отечественной историей. Но не следует думать, что прозвание-прозвище было привилегией князей, просто другие не из-

вестны столь широко.

Главный источник знаний о древнерусских прозвищах – деловая письменность, документы той давней поры. Суперанская и Сулова в своей книге о фамилиях приводят такие записи: **Фёдор Колесница**, новгородец, 1328 год; **Сенка Грех**, крестьянин Боровицкого погоста, 1495 год. Вот запись об одной семье из Переписной книги Ростова Великого за 1678 год: «Во дворе Родионко, **прозвище Богдашко**, **Фадеев сын Третьяков**, у него дети: *Ивашко, Петрушка, Гаранька*, у *Ивашки сын Максимка 4 лет*, да внук *Богдашков Федотка Иванов сын Лапшин*» [62, с. 15]. Современному читателю воспринимать эту запись трудно, ведь у нас есть представления о том, как выглядит официальное описание человека и его семьи в документах. А здесь имена используются не в каноническом, а как бы домашнем виде – *Ивашко, Петрушка*, упоминается прозвище, слово *сын* при описании внука. Надо понимать, что всё это оттого, что современная официальная антропонимическая система к концу XVII века ещё не сложилась и в документы записывали то, что человек сообщал о себе, как его именовали в городе – чтобы зафиксировать его присутствие и отличить от других горожан.

Собрания древнерусских прозвищ представлены в двух словарях, о которых упоминалось во введении: это Словарь Тупикова и Ономастикон Веселовского. Выборки Суперанской и Суловой из первого показывают разнообразие русских прозвищ, в качестве которых использовалась апеллятивная лексика: *Гроза, День, Мороз; Воин, Внук, Гость; Берёза, Гриб, Горох, Дуб, Капуста, Клён, Крапива, Репа, Редька; Кисель, Каша; Баран, Бобр, Белка, Бык, Кот, Крот, Корова, Конь, Медведь, Собака, Соболь; Ба-клан, Воробей, Ворона, Сорока, Соловей, Орёл; Ёрш, Щука; Блоха, Комар, Жук; Копыто, Колпак, Колоша, Шило, Шуба; Беззуб, Бессон; Казак, Калмык, Киргиз, Литвин, Мордвин* [62, с. 27]. Как можно заметить, здесь оказываются слова с самой разной семантикой: метеорологической, социальной, гастрономической, флоры и фауны, предметной и этнической. В этих прозвищах нет насмешливости, свойственной их современным «потомкам», они серьёзны, хотя и не проходят мимо недостатков человека – *Беззуб*, например.

Итак, древнерусские прозвища, в отличие от современных, относились к обязательным элементам наименования человека, складывались в стихии устного общения, но могли быть зафиксированы в деловых бумагах, благодаря чему мы и имеем возможность узнать о них, что оказывается важным для понимания современной русской антропонимии.

Фамилия

Фамилия – последний элемент официального именования русского человека. Последний в формуле официального наименования и последний по времени возникновения. Особенность этого элемента в том, что оно **наследуется** человеком, поэтому фамилию иногда толкуют как **наследствен-**

ное имя.

Современный антропонимический термин и общеизвестная лексема *фамилия* – слово из латинского языка, где оно первоначально означало 'дворня, рабы', а потом 'семья, родня'. В русский язык это слово приходит в самом начале XVIII века из европейских, усвоивших позднее латинское значение. Поначалу в русском языке оно имело два значения: во-первых, семья, род, а во-вторых, семейное, родовое имя, переходящее по наследству. Сегодня актуально только второе значение, первое же, которое можно встретить в текстах XIX века, воспринимается как устаревшее: *Он происходил из старинной и богатой фамилии, но эта фамилия, вопреки обыкновенному течению дел, теряя богатство, уменьшала и титулы свои* [Н. И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856)]; *Марью Дмитриевну знала царская фамилия, знала вся Москва и весь Петербург, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмеивались над ее грубостью, рассказывали про нее анекдоты; тем не менее все без исключения уважали и боялись ее* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. I (1867–1869)] (примеры из Национального корпуса русского языка – ruscorpora.ru).

Поскольку фамилии появились раньше, чем слово *фамилия*, стоит заметить, что в русском обиходе они обозначались словами **прозвание** или **прозвище**, позднее приобретшими иное антропонимическое значение, к которому мы ещё вернёмся.

Обретение фамилий, подобно тому, как это происходило с отчествами, шло по социальной лестнице – сверху вниз. С XIV века начинают формироваться **княжеские** фамилии; в XVI–XVII веках складываются фамилии **дворянства**; в конце XVIII и первой половине XIX века фамилиями было обеспечено **духовенство**; **купечество** же в это время было частично бесфамильным, хотя первые купеческие фамилии известны еще с XVI века, например Строгановы. **Горожане** более демократических слоёв постепенно обзаводились фамилиями, но еще в середине XIX века не все имели такую почётную часть именованья. Позже всех обзавелись фамилиями **крестьяне**: у государственных они стали появляться ещё в XVIII веке, крепостные же получали фамилии вместе со свободой. Обязательной для каждого гражданина фамилия стала при советской власти. Таким образом, процесс «фамилизации» русских растянулся на шесть столетий.

Историю русских фамилий хорошо бы воспринимать на фоне «фамилизации» Европы.

Родиной фамилии считают Италию, где она известна еще в XI веке. Оттуда она шагнула во Францию, а затем в Германию. В Англию фамилии принесли норманнские завоеватели, а в Шотландии они продолжали формироваться еще и в XVIII веке.

Повсюду наследование фамилий отражало наследственное землевладение или владение иной частной собственностью, повсюду фамилия лучше приживалась в больших городах.

Повсюду фамилия была сначала привилегией, а затем юридически закреплялась как обязательная часть именованя гражданина.

[49, с. 179–186]

При этом обнаруживается известный парадокс: с одной стороны, фамилия не должна ничего значить, кроме того, что человек принадлежит такой-то семье, а с другой – русские люди очень чувствительны к тому, что же значит их фамилия. Недаром «Российская газета» ведет рубрику, в которой читатели задают вопросы о своей фамилии знатоку ономастики А. В. Суперанской.

Что же должен знать о фамилиях человек, посвященный в проблемы ономастики?

В первую очередь он должен знать, что существует огромная ономастическая литература о фамилиях. Самой знаменитой оказывается книга, без упоминания которой невозможно представить сегодня ни научной, ни научно-популярной статьи по этой проблеме, выражение «по мнению Унбегауна» можно увидеть в Интернете тысячи раз.

Имеется в виду книга **«Русские фамилии»**, принадлежащая перу известного слависта **Бориса Унбегауна** [64]. Изданная в Лондоне в 1972 году, она была переведена на русский и опубликована в Москве в 1989, затем переиздана в 1995. Под русскими фамилиями имеются в виду все, что встречаются в России, поэтому картина получается весьма впечатляющая. Основным источником для исследования послужила адресная книга «Весь Петербург» за 1910 год, отразившая адреса 22 тысяч горожан, а в столице империи жили представители всех её народов. Располагая коллекцией свыше 10 000 фамилий, автор не только изучил их в грамматическом и семантическом отношении, но и выявил частотность русских фамилий [64, с. 312—313]. Хотя книга представляет собой уникальное исследование, она может использоваться и как справочник, чему помогает алфавитный указатель фамилий [64, с. 365–430]. Однако, чтобы извлечь нужную информацию о фамилии, надо иметь ономастическую подготовку, надо уметь читать эту великую книгу. Мы будем часто обращаться к сведениям, представленным в ней, при рассмотрении проблем фамилии.

Кроме того, образованному человеку обязательно должны быть известны словари фамилий, из которых наиболее известны два.

Первый словарь – **«Русские фамилии: Популярный этимологический словарь» Ю. А. Федосюка** [22] – рассчитан, как прямо говорится в его названии, не на специалиста, а на любознательного читателя; небольшая вступительная статья вводит его в самые важные проблемы изучения и толкования фамилий. Словарь, как и положено, такому изданию, располагает фамилии по алфавиту и в коротеньких статьях объясняет, от какого слова каждая из них происходит. Статьи не отягощены множеством ссылок, но иногда автор прибегает к опыту классической русской литературы и

фольклора. Так, при объяснении фамилий *Красильников*, *Красильщиков* упоминаются стихи А. Н. Некрасова, романы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого [22, с. 109]. Словарь завершается своеобразной инструкцией для читателя, как вести поиск происхождения своей фамилии, если её не удалось найти в данном издании.

Второй – «Словарь русских фамилий» В. А. Никонова [11] – принадлежит перу известного специалиста по ономастике, автора множества теоретических работ по топонимике и антропонимике. Словарь издан после смерти автора, поэтому на обложке стоит и фамилия составителя – Е. Л. Крушельницкого, а открывает книгу очерк об авторе. Из подготовленных к описанию в словаре 70 000 фамилий для этого издания автор отобрал в основном те, что не описаны в словаре Федосюка или те, характеристика которых требует уточнений. Так что два этих словаря соотносятся друг с другом.

Построенный, как и предыдущий словарь, по алфавитному принципу, он отличается от него конкретностью приводимых данных: в статьях приводятся ссылки на датированные документы, точные географические координаты, иногда цитаты из научных трудов – подтверждающие или полемические. Так, в статье к фамилии *Дятлов* указывается, что она зафиксирована в документах 1495 и 1547 годов, а также приводится полемика с известным русистом Кипарским по поводу культа птиц у русских, якобы объясняющего обилие «птичьих» фамилий [11, с. 38]. В статье к фамилии *Ефимочкин* указывается, что она зафиксирована «в Хвастовичском районе на юго-востоке Калужской области», где часты подобные фамилии: *Гришечкин*, *Климочкин*, *Савочник*, *Степочкин* [11, с. 41].

Итак, опираясь на три представленных здесь ономастических труда, попытаемся сформулировать главные знания о русских фамилиях. Для поиска материала и проверки данных я буду пользоваться уникальным словарём, изданным в Петербурге в 2003 году. Это обратный словарь «Фамилии жителей Великого Новгорода и Новгородского района», составленный Ф. Н. Ислямовым. Он особенно удобен для грамматических разысканий, поскольку фамилии в нём расположены по принципу расположения в алфавитном порядке конечных букв (такие словари апеллятивной лексики известны давно и широко используются в лингвистической практике, но для ономастической лексики – это редкость, тем более по отношению к конкретному региону).

Что же значит разбираться в фамилиях? Прежде всего это иметь представления о **грамматике фамилий**, то есть видеть **фамильные суффиксы (форманты)** и уметь толковать их принадлежность.

Русские фамилии с суффиксами *-ов*, *-ин* по происхождению **притяжательные прилагательные**. Мы и сейчас пользуемся такими формами, как *дедов* дом, *отцова* тетрадь, *материны* книги, *бабушкины* письма. Кстати сказать, два из этих прилагательных найдём среди фамилий: *Дедовы*

и *Бабушкины*. Заметим, что два названных суффикса равнодушны к грамматическому роду существительного, от которого они образуют прилагательное: *-ов* «работает» с существительными мужского рода, а *-ин* – только женского. Это знание даёт возможность «восстанавливать» род существительного, что особенно важно для фамилий с неясной этимологией; например, фамилия *Охлопков* говорит о том, что она образована от слова *охлопок*, которое означало клок пакли, пеньки или льна, непригодный для пряжи, а также последнего ребёнка в семье, а фамилия *Падерин* напоминает о диалектном слове *падера*, означающем метель, вьюгу [22, с. 15–151].

Первоначально эти суффиксы получили ономастическое значение – служить образованию, можно сказать, демократических отчеств, так как формы на *-вич* были если не исключительно аристократическими, то явно привилегированными (об этом уже шла речь в разделе «**Отчество**»). Позднее, когда в отчествах победу одержала форма на *-вич*, *-ов* и *-ин* закрепились как типично русские фамильные суффиксы, составляющие ядро фамильной грамматики.

Рядом с ними располагается суффикс *-ский (ая)*, который тоже, как нетрудно догадаться, по происхождению типичный суффикс прилагательного, хотя и иного – относительного: *мирСКой*, *друзеСКий*. Хотя этот фамильный формант стал ядром польской грамматики фамилий и одновременно признаком родовитости (шляхетства), он был распространён у русских дворян: вспомним *Вяземского*, *Жуковского*, *Волконских*.

О том, что основной грамматический ресурс фамилий – это прилагательные, говорит и такой факт: в качестве фамилий могут выступать непроизводные качественные прилагательные типа *Толстой* (более новый вариант *толстый*, как *запасной/запасный*), *Крутой*, *Сухой*, *Чёрный*.

Отметим, что при этом и фамилии от прилагательных могут быть зафиксированы как в именительном, так и в родительном падеже: *Живой* и *Живаго*, *Дурново*, а также *Бывших*, *Русских*, *Коврижных*.

Включены в производство фамилий и механизмы образования сложных безаффиксальных прилагательных типа *Толстолобий*, *Толстоносый*, *Сухорукий*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что грамматика русских фамилий «взросла» на грамматике прилагательного, и хотя явными лидерами в этой поддержке оказываются притяжательные прилагательные, другие их виды тоже не оказались в стороне, следы их присутствия можно обнаружить в современных фамилиях: *Толстой*, *Толстых*, *Толстов*, *Толстолобов*, *Толстоносов*, *Толстиков*, *Толстяков*.

К собственно русским фамильным формантам примыкают иноязычные по происхождению, но распространённые в русском обществе украинские суффиксы *-ко*, *-(ен)ко* и *-ук (юк)*, первоначальное грамматическое значение которых 'маленький', а затем 'сын того, кто назван корнем'. Так, *Петренко* – это маленький Петро, или сын Петра (ср. русский суффикс

-ёнок в значении 'детёныш': *котёнок* и *чертёнок*, а также слово *дитяtko*), а *Федосюк* – сын Федоса (ср. русскую фамилию *Федосов*). В белорусских фамилиях закрепились как фамильные форманты суффиксы «дитя» -*енок* – *Тарасёнок*; отчества -*ович* (*евич*): *Мицкевич*, *Адамович*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главным грамматическим ресурсом украинских и белорусских фамилий оказывается суффиксальная система существительного. Кроме того, среди них множество неграмматизированных фамилий, представляющих собой существительное в фамильном употреблении (*Коваль*, *Супрун*, *Муха*, *Журавль*, *Волк*) или сложное существительное типа *Белоконь*, *Белодед*, *Варивода*, *Перебейнос*, *Убийвовк*. В этом можно видеть принципиальное грамматическое отличие их от русских фамилий.

В составе русских фамилий обнаруживаются и грамматические элементы европейского происхождения: например, германские -*сон* (*сен*) (буквально означающий 'сын' и тем самым похожий на украинское -*енко*): *Андерсон*, *Ларсен*, *Якобсон*, *Михельсон*, *Петерсон* – и -*ман*, буквально означающий 'человек': *Брутман*, *Тишман*, *Фридман*, *Фельдман*.

С другой стороны, вполне освоены русским грамматическим сознанием и восточные фамильные форманты: армянский суффикс -*ян* (*Сарьян*, *Петросян*, *Балаян*), грузинские -*швили* и -*дзе* (*Саакашвили*, *Шеварнадзе*, *Сванидзе*). По своему грамматическому значению они близки к русскому форманту -*ов*, что обеспечивает простоту русификации восточных фамилий и наличие среди них вариантов типа *Айвазян* – *Айвазов* – *Айвазовский* или *Андроникашвили* – *Андроников*.

Итак, грамматика русских фамилий включает собственно русские форманты, обязанные своим происхождением прилагательному, и иноязычные – как правило, с доминантой существительного и этимологическими значениями 'человек, сын, рожденный'.

Такая грамматическая терпимость объясняет наличие в составе русских фамилий своеобразных грамматических вариантов фамилий с одним корнем: *Степанов* – *Степаненко* – *Степанюк* – *Стефанович* – *Стефаньский* – *Стивенсон* – *Степанян* – *Степанидзе*. Не ставя задачу дать исчерпывающий список грамматических показателей фамилий (с ним можно познакомиться в книге Унбегауна, где, помимо множества комментариев при характеристике разных фамилий, есть указатель суффиксов и конечных элементов [64, с. 431–433], хотелось бы показать их главные (но далеко не все) элементы и существо их грамматической природы.

Второй грамматический вопрос, связанный с фамилиями, касается их словоизменения, или – конкретнее – склонения. Нет проблем с фамилиями-прилагательными, как *Достоевский*, *Белинский*, *Маяковский*, *Шкловский*. С ними обращаются, как с другими субстантивированными прилагательными (*столовая*, *мороженое*, *сборная*), используя в синтаксических ролях су-

ществительного, но с флексиями прилагательного: в романе Достоевского, посвящается *Белинскому*, вспоминать о *Маяковском*, восхищаться *Шкловским*.

Стандартные русские фамилии на *-ов*, *-ин*, выступая как существительные, тем не менее сохраняют в склонении память о своей былой принадлежности прилагательным и используют флексии полных прилагательных. В женском роде формы прилагательного преобладают: *нет Петровой*, *иду к Петровой*, *говорю о Петровой*. Похожая ситуация во множественном числе, хотя эти формы мы используем реже: *у Петровых*, *к Петровым*, *о Петровых*. А в мужском роде такой единственной формой оказывается творительный падеж: *встретиться с Петровым*, *Пушкиным*. Кстати сказать, именно эта форма отличает фамилии от топонимов с аналогичными суффиксами, ср.: *под Саратовом* или *под Пушкином*. Интересно отметить, что склонение по образцу прилагательных не распространяется на иностранные фамилии с финалью *-ин*, как *Чаплин* или *Дарвин*, то есть надо говорить *с Чаплином* и *с Дарвином*.

Для нестандартных фамилий важна их форма: если они напоминают русские существительные мужского или женского рода (*Фридман*, *Петросян*, *Окуджава*, *Курасава*), то они склоняются, когда речь идет о мужчинах, и не склоняются, когда речь идёт о женщинах. Ср.: *статья Сергея Брутмана*, *песни Окуджавы*, *фильмы Курасавы* и *письма Ольги Фрейденберг*. Все остальные нестандартные фамилии не склоняются ни в одном из родов: *с Алексеем Петренко* и *Алёной Приходько*, *с Махатмой Ганди* и *Индирой Ганди*. В результате фамилии создают значительное по объёму поле неизменяемости, поддерживая тенденцию к аналитизму в изменении русского языка, отмеченную в XX столетии. О том, что она сформировалась именно в это время, говорят многочисленные факты склонения фамилий в текстах XIX века, приведённые в книге Л. П. Калакуцкой: даже в конце века писали: *обратились к Никитенке*, *повесть Сергеенки*, *поклон Иваненке* [37, с. 40–41].

Итак, грамматика фамилий, составляя особый фрагмент русского словоизменения, соединяет в себе черты морфологии прилагательного и существительного. Знание её – часто непростых – правил составляет часть современной речевой культуры; поэтому проблеме склонения фамилий отводится место в пособиях по культуре речи.

Что же касается **семантики русских фамилий**, то эта сторона антропомикона всегда казалась привлекательной и нефилологам, практически каждый когда-нибудь задумывается над вопросом, что же означает его фамилия. Чтобы ответить на такой вопрос, надо располагать серьёзными знаниями и даже некоторым запасом терминологии.

Главной из этого запаса окажется пара терминов *патрónим* и *матрónим*. Первый уже рассмотрен в разделе об отчестве – это наименование по отцу. Второй с его аналогичной морфемной структурой и с опорой на знание таких слов, как *матриархат* (власть матери) или *матрона* (мать, замужняя женщина) с латинским корнем *mater* 'мать', легко понять как имено-

вание человека с упоминанием имени матери, шире – родственников по женской линии.

Итак, если фамилия – наследственное имя, то важно прежде всего, от кого оно наследуется. С помощью только что названных терминов можно обозначить два принципа наследования и соответственно два типа фамилий – *патронимические* и *метронимические* (в этом термине греческий корень выступает, как в слове *метрополия* – буквально 'мать городов'), или *матринимичные* (этот термин предпочитает Никонов [48, с. 198—199]). Первый тип фамилий безусловно преобладает, и дальнейшие характеристики будут построены главным образом на их материале. Поэтому начнём с краткого описания метронимических фамилий.

Они могли появляться в нестандартных социальных ситуациях, когда женщина оказывалась главой семьи и представителем её интересов. Такие ситуации можно перечислить: вдовство, солдатчина, рождение внебрачного ребёнка. Интересно, что в последнем случае образовалось и отчество от имени матери (матчество?); так, известно, что сына князя Ярослава Галицкого и его возлюбленной Анастасии называли *Олег Настасьич* (1187 год, пример Унбегауна) [64, с. 21]. С подобной ситуацией, по-видимому, связаны и современные патронимические фамилии типа *Татьяничев, Мариничев, Екатериничев, Ириничев, Домничев, Авдоничев* (от «матчеств» Татьянач и под.) (Словарь фамилий жителей Великого Новгорода, с. 32).

Метронимические фамилии образовались от крестильных имён и от социальных обозначений женщины. В последнем случае появлялись фамилии *Вдовин, Солдаткин, Девкин, Бабкин, Пряхин, Горожанкин, Гражданкин, Кормилицын*. Что касается первых, то здесь производящими могли выступать и канонические женские имена (*Марфин, Маринин, Сусанин*), но чаще – обиходные, отсюда фамилии *Аннушкин, Катюшин*; к таким относится и графская фамилия *Апраксиных* (*Апракса* – домашнее имя от женского имени *Евпраксея*).

Интересно отметить, что метронимические фамилии могли включать и мужское крестильное имя, но образовалась фамилия не от него, а от женского прозвища на *-иха*: *Борис* → *Борисиха* → *Борисихин*. Унбегаун считает, что такие фамилии появляются поздно – с XVI века. Среди современных новгородцев их не так мало: *Максимихин, Фомихин, Ивановихин, Макарихин, Сидорихин, Прохорихин, Сашихин, Дорошихин, Петрушихин, Андрюшихин* [64, с. 172]. Прозвища с суффиксом *-иха* образовались и от названий мужских профессий, полученные таким образом фамилии приводит Унбегаун: *Коновалихин, Косарихин, Ковалихин* [64, с. 104]. Значит, имеются в виду жены коновала (знахаря, лечившего лошадей), косаря и кузнеца.

Суперанская и Сулова, сопоставив данные Словарей Тупикова и Веселовского с современными фамилиями, утверждают, что в метронимических фамилиях отражаются и дохристианские женские имена: *Нелюбин, Любавин, Кукушкин, Молодкин* [62, с. 104—105].

Итак, метронимические фамилии, составляя небольшую часть массива русских фамилий, имея в подавляющем большинстве формальную при-

мету – суффикс *-ин*, выявляют два основных семантических типа фамилий, которые мы увидим и среди патронимических, – это фамилии от:

- крестильных имен, в том числе и в их обиходном виде;
- прозвищ, куда входят и наименования социального статуса и профессий.

Рассмотрим эти основные типы на материале патронимических фамилий, где они представлены большим массивами.

Фамилий от крестильных имён многократно больше, чем самих имён. Это объясняется тем, что в образование фамилий вовлечены не только канонические имена, но и все их многочисленные обиходные вариации. Так, наряду с классической русской фамилией *Иванов*, именем *Иван*, по данным Унбегауна, мотивированы фамилии: *Иванушкин, Ивантеев, Иванцов, Иванчиков, Иваншин, Иваньков, Ивахин, Ивашев, Ивашечкин, Ивашкин, Ивашков, Ивашнёв, Ивашов, Ванеев, Ванин, Ваничев, Ваничкин, Ваничков, Ванников, Ванцов, Ванчаков, Ванчиков, Ванькин, Ваньков, Ваньшев, Ванюков, Ванютин, Ванюхин, Ванюшин, Ванюшкин, Ванякин, Ваняркин, Ванятин, Ваняшин, Ваняшкин*. И это только стандартные фамилии, а если учесть нестандартные типа *Ивашко*, украинские типа *Иваненко, Иванченко* и искусственные типа *Иваницкий*, то окажется, что от одного крестильного имени образуется до ста фамилий.

Убеждает в этом особый раздел книги Унбегауна, где даётся полный список фамилий от 8 крестильных имен: *Иван, Юрий, Василий, Григорий, Павел, Кирилл, Александр, Варфоломей* [64, с. 80—85]. Приводя десятки фамилий от каждого из имён, автор отмечает, что его списки «довольно полны, но нельзя утверждать, что они исчерпывающи» [64, с. 80].

Стоит отметить, что для современного городского человека не всегда очевидна связь фамильной основы с крестильным именем. Так, носитель фамилии *Трунин* с удивлением обнаруживает, что она происходит от имени *Трифон* [22, с. 200]; а *Ведехин* – от *Венедикт* [64, с. 70]). Справившись в книге Унбегауна о фамилии *Мичурин*, изумимся тому, что *Мичура* – домашнее имя от *Дмитрий* [64, с. 78]. Многообразные данные о соотношениях такого рода говорят, в частности, о том, что грамматика домашних имён была в период образования фамилий богаче, чем сейчас. Да и состав имён был обширней: можно ли сейчас встретить человека с именем *Аггей, Авксентий, Гурий*? А фамилии *Агеев, Аксёнов, Гурьев* – пожалуйста.

Помимо грамматики домашних имён, на вариантность отымённых фамилий повлияли различия в произношении исходных имён и их оформлении на письме. Так, фамилия *Дорожкин* – неправильно записанная *Дорошкин*, а значит, затемнена её связь с именем *Дорофей* → *Дорошка*. В фамилиях *Анкудинов, Ангудимов* и *Киндинов* трудно узнать одно крестильное мужское имя *Акидин*. А считать одной или двумя фамилиями акцентные варианты *Ива́нов* и *Иванóв, Алекса́ндров* и *Александрóв*?

Таким образом, фамилии от крестильных имён составляют значитель-

ную часть русских фамилий. Они в максимальной степени соответствуют патронимичности фамилии, представляя собой зафиксированное в качестве семейного имени отчество: Иванов сын → Иванов. Массовость этого типа фамилий – одно из свидетельств окончательной победы крестильных имён как основного и официального наименования русских людей. Есть данные, что в начале XX века у крестьян они составляют от 22 до 48 %, но южнее линии Орёл – Тамбов их удельный вес уменьшается [49, с. 190]. Об их преобладании говорит и такой факт: в таблице частотности русских фамилий Унбегауна из 100 фамилий 61 – от крестильных имён. Конечно, разные фамилии этого типа занимают разное положение в этом «рейтинге» (открывает список *Иванов*, а закрывает *Наумов*), но их массивное присутствие в этой сотне несомненно.

Второй большой массив патронимических фамилий составляют **отпрозвищные** фамилии. Здесь надо специально подчеркнуть, что традиционные русские фамилии в силу их принципиальной патронимичности не образуются «от слов», как любят часто объяснять происхождение фамилий любители. Они образуются от отчеств, а отчества возможны от прозвищ. Иначе говоря, прозвище – это тот обязательный этап в истории слова, без которого невозможно его появление в составе традиционной русской фамилии (а о других ещё пойдёт речь). На таком понимании фамилии настаивает Никонов; в своем Словаре он предостерегает: «Особенно коварны <фамилии>, кажущиеся самыми легкими: *Дорожкин, Дворников, Волков, Мамонтов, Телегин*. Как будто совершенно прозрачны: «Ну, конечно, от хорошо известных нарицательных *дорожка, дворник, волк, мамонт, телега*». А это как раз неверно!» [49, с. 7]. Ссылаясь на суждения К. С. Аксакова в его «Опыте русской грамматики» о том, что от слов *телега* и *ворона* не может быть притяжательных прилагательных (они образуются только от существительных, обозначающих человека!), Никонов объясняет, что такие формы образованы от прозвищ *Телега* и *Ворона*, что и подтверждает множество русских фамилий [49, с. 204].

Характеристика их затрудняется тем, что прозвища, как уже было показано в соответствующем разделе, отличаются исключительным разнообразием. Определим наиболее частотные и показательные.

Нецерковные имена, вытесненные из официальной сферы крестильными, существовали сначала как неофициальные, домашние, внутрисемейные, а затем – как прозвища, давшие основу для фамилии. В связи с этим древнерусская система именования людей в документах выглядела многоэлементной. Например, в Ономастиконе Веселовского представлены: *Дуда Василий Родионович Квашинин* (XV век) и столетие спустя – *Каша Васильевич Огарков, Василий Иванович Ворона Сугорский* [62, с. 23].

Возвращаясь к спискам нецерковных имен, приведённым в разделе «Имя», убеждаемся, что их можно «вычитать» в современных фамилиях типа *Жданов, Нежданов, Позняков, Поздеев, Третьяков, Девяткин* и т.д. Они произошли из отчеств, восходящих к именам, отражающим обстоятельства появления ребёнка, в том числе и то, каким по счёту он оказался в

семье.

Имена, отражающие внешние данные, иногда сохраняются в фамилиях без изменений, как в случаях со знаменитыми фамилиями *Толстой* и *Сухой*. Более типичны такие фамилии с формантами *-ов*, *-ин*: *Беляев*, *Белавин*, *Черняев*, *Чернышов* / *Чернышев* и т.д.

Не зная об «охранных», или *анотропейческих*, имёнах, мы не сможем понять фамилии *Злобин*, *Заботин*, *Бессонов*, *Некрасов*, *Ненашев* и др.

Имена, совпадающие с названиями животных, птиц, рыб, без труда узнаются в весьма распространённых фамилиях *Волков*, *Зайцев*, *Щукин*, *Сорокин*. Эта проекция животного мира на именованник – общая черта многих европейских народов: знаменитый славист, серб *Вук Караджич*, носил своё имя в XIX веке, а значит, оно именно 'волк'; среди современных германских фамилий распространены *Вульф*, *Вольф*, *Вульфсон*; то же значит финская фамилия *Сузи* (информация от носителя).

В состав нецерковных имён вовлекалась и растительная лексика: здесь найдём *Берёзу*, *Дуб*, *Смородину*, сохранившиеся в фамилиях *Березин*, *Дубов*, *Сморозин*. Здесь можно встретить и забытые названия растений: например, в фамилии *Берсенев* хранится древнерусское название крыжовника *берсень* [22, с. 33].

Итак, большой круг древнерусских нецерковных имён был, казалось бы, вытеснен из русской ономастической практики именами христианскими, но благодаря тому, что в период формирования фамилий они функционировали как прозвища и вторые отчества, часть из них сохраняется в фамилиях, внося в них национальный и исторический колорит. Понимать значение таких фамилий – значит ощущать историческую перспективу русской антропонимии.

Характеристические прозвища, в отличие от имён, получали не при рождении, а во взрослой жизни – от тех людей, с которыми приходилось взаимодействовать. Первым ресурсом таких наименований можно считать слова, описывающие **внешний облик** человека, точнее, соматизмы (названия частей тела): *борода*, *зуб*, *шея*, *язык*, *нога*; отсюда понятны фамилии *Бородин*, *Зубов* и *Беззубов*, *Шейн* и *Кривошейн*, *Ногин* и *Безногов*, *Худогов*. Смысл этих прозвищ нельзя толковать сугубо отражательно, иначе откуда бы появились фамилии *Крылов* или *Рогов*?

«**Поведенческие**» прозвища засвидетельствованы в фамилиях *Болтунов*, *Лихачёв*, *Щёголев*. Интересно, что и здесь встречаются сложные фамилии типа *Лиходеев*, *Самохвалов*, *Остроумов*.

«**Гастрономические**» прозвища были весьма популярны у русских в качестве не только личных, но и коллективных; так, поморов звали *трескоедами*, а новгородцев – *гущедами* (гуща – это каша из нескольких круп). В Словаре Вальтера-Мокиенко приводятся такого рода прозвища, которые авторы называют локальными: *ершееды*, *капустники*, *мякинники* – о псковичах; *кашехлёбы* – о жителях города Кириллова [2, с. 16]. Фамилии от га-

строномических прозвищ хорошо известны, хотя, может, и не так распространены: *Кашин, Баландин, Булкин, Бубликов, Гуцин, Киселёв, Лапшин, Пирогов, Сулов*. Среди этих фамилий есть сохранившие для нас забытые названия еды, как правило, диалектные. Так, в фамилиях *Крупенин, Скибин* «скрываются» новгородские слова *крупеня* – каша, *скиба* – ломоть хлеба [62, с. 94].

Иногда приводят примеры прозвищ, образованных от названий животных и растений, однако решить, где речь идёт о нецерковном имени, а где о «взрослом» прозвище, очень сложно. *Медведев* – отчество от имени *Медведь* или от прозвища, которое человек получил за свою неуклюжесть или грубость? Разрешить такие вопросы без специальных разысканий по поводу каждой конкретной фамилии оказывается практически невозможным.

Социальные прозвища включают имена родства и свойства, сословные обозначения и профессии. О том, что они входили в состав прозвищ ко времени формирования фамилий, говорят фамилии *Батюшков, Вдовин, Внуков; Солдатов, Князев, Губернаторов; Кузнецов, Кожевников, Веретенников, Котельников*.

Предъявляя список профессий, зафиксированных в фамилиях, Суперанская и Сулова называют его «энциклопедией русской жизни» Действительно, представление о профессиях и ремеслах складывается впечатляющее: 160 профессий! От *Бурлаков* до *Гончаров, Конюхов, Кучеров, Матросов, Мясников* [62, с. 84—90].

Из «профессиональных» фамилий в сотню самых частотных, по Унбегауну, входят три: *Попов, Кузнецов* и *Пономарёв*. По поводу первой, правда, есть сомнения, действительно ли она образована от названия профессии священника или же было такое древнерусское дохристианское имя, распространённое, кстати, и в Болгарии. Во всяком случае, есть документы, где под именем *Поп (Попко)* значатся мирские люди [22, с. 59–160]. Да и количество Поповых явно превосходит число людей этой профессии: в Москве в 1964 году их 30 000; в Архангельской области на каждую тысячу человек – 20 Поповых [11, с. 95], хотя считается, что её могли получать поповы работники, батраки. Интересно, что фамилии *Священников* не зафиксировано ни в одной из работ по фамилиям, что тоже наводит на мысль о сомнительности исключительно «профессионального» осмысления фамилии *Попов*, но такие фамилии, как *Распопов, Протопопов, Пономарёв, Дьяконов, Протодьяконов, Игумнов, Монахов*, не позволяют его исключить.

Зато вторая фамилия – *Кузнецов* – не только не вызывает сомнений в своей отнесённости к профессиям, но известна как самая частотная и в других национальных системах фамилий. Её аналоги – это *Коваль, Ковалёв, Коваленко, Ковальчук, Ковалик* (украинские версии); *Ковалевич, Ковалёнок* (белорусские); *Ковальский, Ковалевский* (польские); *Смит* (английская); *Шмидт* (немецкая); *Сидериди* (греческая); *Налбандян* (армянская); *Демержиев* (тюрк-

ская). С профессией кузнеца соотносится и фамилия *Ковалихин*: Ковалиха – скорее всего, жена коваля, или кузнеца. Все эти фамилии – из книги Унбегауна, значит, их следует воспринимать как факты русского ономастикона, хотя в языковом отношении они представляют широкий диапазон.

В статье В. О. Максимова «Фамилии, хранящие память о старинных ремеслах» (Мирь имён и названий. № 5. Сентябрь 2006) перечисляются еще фамилии *Кузнеченко, Кузнеченков, Кузнечонков, Кузнечихин, Ковалец, Ковальцов, Ковальченко* (с. 4). К этому впечатляющему списку можно ещё добавить венгерскую версию фамилии *Кузнецов – Ковач*, испанскую *Эрреро*, грузинскую *Мчедлидзе*. Приведённые факты говорят о том, что фамилии от прозвищ, в которых зафиксированы профессии, и в частности профессия кузнеца, представляют собой ономастическую универсалию.

С другой стороны, фамилии могут рассказать о таких профессиях, которые, казалось бы, навсегда ушли в прошлое. Список таких фамилий представлен в книге Суперанской и Сусловой. Среди них довольно известные фамилии: *Бортников* (добытчик мёда диких пчёл), *Воротников* (сторож при городских воротах), *Гребенников, Гребенищikov* (изготовитель гребней и гребёнок), *Кухарев* (южное повар), *Овчинников* (скорняк), *Чеботарёв* (сапожник). Конечно, лингвистический анализ таких фамилий и исторические знания, например, о бортничестве как об одном из традиционных занятий древних славян помогают увидеть слово, лежащее в их основе, но их смысловая прозрачность меньшая, чем у фамилий типа *Кузнецов*.

То же можно сказать и о фамилиях, в основе которых лежат прозвища, именующие не сами профессии, а предметы, так или иначе связанные с соответствующей деятельностью и представляющие её метонимически: ср. *Молотков* и *Лемешев, Лемехов, Куделин, Дратвин*. При этом не обходится без диалектной лексики: фамилия *Скобелев* образована от прозвища *Скобель* – так в диалектах именуется нож для строгания, а *Кокорин* восходит к слову *кокора* – бревно с корневищем, что могло послужить основанием для прозвища человека, связанного своей деятельностью с обработкой леса.

Завершить анализ отпрозвищных фамилий можно **географическими**, в основе которых оказались прозвища, отражающие этническую принадлежность носителя или место, откуда он прибыл. Здесь сразу можно сказать, что такая модель относится к весьма популярным в разных системах антропонимии. Так, на Востоке людей называли по их родному городу – отсюда имя математика *аль Хорезми* (буквально «из Хорезма»), от которого образовано математическое понятие *алгоритм*, о чём мы ещё будем говорить. *Наполеон* означает 'житель Наполи', то есть Неаполя. Если переводить на «русский ономастический», то это будет что-то вроде *Новгородцев*.

Итак, у русских были обычными прозвища с упоминаниями разных мест. Об этом говорит такой чисто языковой факт, как наличие суффиксов с семантикой 'житель места, названного корнем'. Это суффиксы *-ец* (*Созда-*

лец), -як (Пермяк), -анин (Вологжанин), -итин (Болховитин). Отсюда понятно наличие таких фамилий, как *Суздальцев, Ростовцев, Пермяков, Вологжанинов, Устюжанинов, Болховитинов, Веневитинов*.

Кроме того, фамилии могут быть образованы от топонимов непосредственно; при этом используются как притяжательные суффиксы (*Волгин, Вагин*), так и относительные (*Донской, Мещерский, Вяземский*).

Таким образом, фамилии, в которых фигурируют географические названия, могут иметь значения 'владелец места' или 'выходец из места, как-то связанный с ним биографически'. Понятно, что первые – владельческие – фамилии распространены сейчас меньше, что связано и с немногочисленностью дворянского сословия по сравнению с другими, и с его исторической судьбой в России. Вторые более многочисленны в связи с тем, что русские люди часто меняли места своего обитания и часто на новом месте «записывались» по тому месту, откуда они прибыли и где родились.

К географическим относят фамилии, в которых фигурируют нарицательные существительные пространственной семантики: *Болотов, Ельников, Дубровин, Бережков, Курганов, Песков, Новосёлов*.

Наконец, к этому типу фамилий относят и образованные от этнонимов – обозначений человека по национальному признаку: *Греков, Калмыков, Литвинов, Мордвинов, Немцов, Поляков, Хохлов, Шведов, Черемисин*. В толковании таких фамилий есть опасность буквального понимания, ведь этнонимное прозвище – это не паспорт, где в особой графе указывается национальность, человека могли называть *Поляком*, если он просто бывал в Польше, или *Немцем*, если он знал / преподавал немецкий язык (*Немец, Англичанка* – типовые школьные прозвища учителей иностранных языков) [2, с. 66, 393].

Итак, перечислены основные типы русских фамилий, которые сложились в ходе фамилизации России и потому признаются наиболее типичными и естественными для русского ономастикона. По существу, мы рассмотрели два типа фамилий – **отымённые** и **отпрозвищные**, однако благодаря невероятному разнообразию русских имён, а тем более прозвищ число фамилий с большим трудом поддаётся подсчёту. Так, книга Унбегауна, к которой мы неоднократно обращались, описывает 10 000 фамилий; в предисловии к своему словарю Никонов сообщает, что им собрано сто с лишним тысяч фамилий, и это, как он считает, только 1/10 всех фамилий русского населения [64, с. 8–9]. Трудно себе представить, что жизнь русских фамилий когда-то будет описана исчерпывающе точно и полно. Ведь одни фамилии исчезают, другие меняют правила использования в речи (знаю несколько человек, настаивающих на несклоняемости своих фамилий, вполне возможно, что так и установится), а есть наверняка редкие, еще не попавшие в поле зрения лингвистов.

Но очень важно иметь представления об основных принципах устройства этой части русского антропомикона, его отличии от фамилий других наро-

дов, именно это и хотелось сделать в настоящем разделе книги.

Нельзя не остановиться на характеристике так называемых **искусственных фамилий**, как они называются в книге Унбегауна, где им посвящена особая глава. Фамилии этого типа носили, как правило, представители **духовенства**, которому они присваивались в семинариях перед выпуском. У таких фамилий был реальный автор – архиерей, который по своему усмотрению давал будущим пастырям новые фамилии, приближая их к идеалу, или просто переводил русскую фамилию на европейский язык, чаще всего латинский или греческий, знатоками которых были люди с духовным образованием.

В итоге в первом случае появлялись фамилии, в которых звучат названия церквей, в которых предстояло служить выпускнику семинарии или где уже служил его отец (священник была профессия потомственная, и в семинарии брали в первую очередь поповских сынов). Эти фамилии нам хорошо известны и сейчас: *Рождественский, Успенский, Преображенский, Вознесенский, Богоявленский, Троицкий*.

В результате же «переводческих» усилий появлялись экзотические фамилии типа *Беневоленский* (это перевод Добровольского), *Кустодиев* (был наверняка Сторожевым), *Гиляровский* (*hilaris* – по латыни 'веселый'), *Сперанский* (*sperans* 'надеющийся'), *Суперанский* (*superans* 'отличный'); *Ставровский* (*ставрос* – по-гречески *крест*), *Аедоницкий* (от греческого 'соловей').

Среди искусственных семинарских фамилий оказывались прилагательные, мотивированные:

- географическими названиями, например: *Иловайский* (деревня Иловая), *Краснопольский* (деревня Красная Поле);
- антропонимами и агнионимами: *Аннинский, Георгиевский, Ильинский, Петропавловский*;
- названиями камней и цветов: *Алмазов, Аметистов, Гиацинтов, Розанов*.

И это тоже оказывается свидетельством их вторичности и искусственности. Многие представители духовенства оказывались среди разночинцев, из которых формировалась интеллигенция, поэтому часть приведённых фамилий известны нам как фамилии деятелей русской культуры: *Белинский, Добролюбов, Розанов, Успенский, Рождественский, Виноградов*.

Искусственные фамилии давались незаконнорождённым детям знатных особ. Чаще всего это были сокращённые отцовские фамилии: Елагин → *Агин*, Трубецкой → *Бецкой*, Репнин → *Пнин*. Примером иных преобразований фамилии отца может служить история Александра Христофоровича Востокова, который, будучи внебрачным ребёнком барона фон Остен-Сакена, получил фамилию *Остенек*, а затем уже сам перевёл её на русский язык и стал *Востоковым*, прославив свою фамилию как русский филолог, и в частности основатель русской ономастики. Самыми естественными из таких искусственных следует признать фамилии, образованные от названия

деревень, подаренных детям: принцип именованья по владениям был хорошо знаком дворянству. Так, внебрачный ребёнок графа Разумовского получил фамилию *Перовский* по деревне Перово; сын Екатерины II и Григория Орлова, получивший имение Бобрики, стал носить фамилию *Бобринской*.

Как мы видим, искусственные фамилии грамматически выстраиваются по образу и подобию естественных, однако в них преобладает модель прилагательного с суффиксом *-ск*.

По отношению к фамилиям всех типов следует отметить, что в своём реальном функционировании они переживают десемантизацию, утрату своего языкового значения и, относясь к конкретному человеку, выполняют главным образом различительную функцию – служат отличию этого человека от всех других. Так, из фамилии *Кузнецов* мы не можем извлечь никакой реальной информации о его профессии, а из фамилии *Чернышов* – о цвете его волос; единственное, что мы можем предположить с известной долей достоверности, что их отцы носили эти фамилии. Мотивированность фамилий – факт исторического прошлого, именно поэтому о фамилиях часто говорят как об одном из источников изучения истории.

Итак, полное имя русского человека включает три обязательных официальных компонента: имя, отчество и фамилию. Важно при этом, что они обретаются человеком по-разному: имя выбирается родителями, отчество образуется от имени отца, а фамилия наследуется.

Разумеется, у человека есть юридическая возможность сменить своё имя, и этим правом пользуются наши современники. Мотивы таких перемен чаще всего эстетические: не нравится человеку имя, ему кажется более привлекательным другое.

Сегодня изменение имени, точнее фамилии, предусмотрено только в ситуации вступления в брак, точнее его регистрации. Пользуются этим правом чаще всего женщины, хотя возможно для обоих вступающих в брак. В прошлом таких ситуаций было больше: женщины меняли имя при замужестве, мужчины – принимая постриг, те и другие – переходя в другую конфессию; имя как социальный знак менялось при изменении социального статуса человека [65].

Человек может выбрать себе имя не для замены имеющегося, а для того, чтобы выступать под ним в какой-то публичной сфере: литературе, журналистике, театральной сцене, шоу-бизнесе. Традиция пользоваться таким неофициальным именем имеет давнюю историю, и для его обозначения существует специальный термин **псевдоним**, построенный по модели ономастических терминов как сложное слово с греческим корнем *псевдо*, что значит 'ложный' и уже хорошо знакомым нам *оним*, означающим 'имя собственное'.

К псевдонимам прибегают чаще всего писатели и артисты (тогда его именуют сценическим именем). Широко известны литературные псевдонимы: *Антоша Чехонте*, *Максим Горький*, *Борис Полевой*, *Борис Акунин* – и сценические: *Остужев*, *Качалов*, *Дима Билан*, *Валерия*. Иногда публично известным бывает только сценическое имя, как в случае с греческой опер-

ной певицей *Марией Каллас*, которая на самом деле носила имя, как уже было сказано, *Сесилия София Анна Мария Калогеропулос*, или *Игорем Северяниным*, настоящая фамилия которого *Лотарёв*.

Техника создания псевдонимов отличается разнообразием и изобретательностью, она подробно рассмотрена в специальной главе книги Унбегауна. Собраны псевдонимы в четырехтомном «Словаре псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И. Ф. Масанова (М., 1958 — 1960).

Подводя итог, подчеркнём еще раз, что фамилии внимательно изучаются специалистами, и эти знания относятся к весьма востребованным в современном обществе. Об этом говорит, в частности, работа Информационно-исследовательского центра «История фамилий» (генеральный директор – В. О. Максимов, научный руководитель – профессор М. В. Горбаневский), издающего газету «Мирь имён и названий» и имеющего свой сайт – www.familii.ru. Популяризация знаний о фамилиях ведётся в прессе и на радио, см. например, рубрику А. В. Суперанской «Спрашивайте» в «Российской газете» или беседы М. В. Горбаневского и В. О. Максимова на радио «Эхо Москвы».

Весьма важным представляется обстоятельство, с которым сейчас невозможно не считаться: фамилии регионально специфичны. Открытие этого аспекта изучения русских фамилий принадлежит В. А. Никонову: он опубликовал работы о северных, вологодских, орловских, мордовских фамилиях – все они помещены в его книге «География фамилий» [49], вышедшей посмертно.

В главе, одноимённой с книгой, В. А. Никонов открывает удивительный аспект бытования фамилий в различных областях, подсчитывая не только фамилии, но и количество их носителей. Он обнаружил, что самыми частотными оказываются четыре фамилии: *Иванов*, *Попов*, *Смирнов* и *Кузнецов*. Но распространение их по территории России таково, что В. А. Никонов предложил представить нашу страну как четыре большие области, отличающиеся самыми частотными фамилиями: ***Попóвия*** (север Архангельской области, восток Вологодской, северо-восток Костромской, север Пермского края), ***Смирнóвия*** (Северное Поволжье – Ярославская область, юг Вологодской, Нижегородская, часть Владимирской) ***Кузнéцóвия*** (южнее и восточнее Москвы – от Верхней Оки до Средней Волги, Тульская область) и ***Иванóвия*** (северо-запад России – Ленинградская, Новгородская области, север Тверской, часть Смоленской). Эти огромные фамильные территории сложились, по мнению В. А. Никонова, к концу XV века в рамках единого Русского государства. Посреди них – Москва, где массово представлены все четыре главных русских фамилии.

Идея такой фамильной географии вызывает интерес у русских людей. Почему-то самым энергичным образом восприняли её носители фамилии *Смирнов*, которых, как выясняется, в России 2,7 миллиона: на звание столи-

цы Смирновии претендует Нижний Новгород, где живут 55 тысяч Смирновых (это меньше, чем в Москве, но в абсолютных цифрах, а доля носителей этой фамилии среди нижегородцев – выше) и где с 1999 года существует общественная организация "Смирновы России", готовящая беспрецедентное мероприятие — съезд "Смирновы планеты". В Иванове выходит газета "Смирновъ", освещающая жизнь и творчество людей по фамилии Смирновы (информация об этом представлена в публикациях газеты «Известия», журналов «Русский newweek», «Знамя», местных изданиях и сайтах в Интернете). Интересен и такой факт: в историко-краеведческом музее вологодского города Тотьмы на персональной выставке местного художника Г. Н. Попова лучшим полотном признают картину с названием «Страна Поповия» (<http://palisad.narod.ru/vologda/6.htm>). Всё это говорит о том, что русским людям интересны судьба своей фамилии, общение с однофамильцами, и это важный момент национального ономастического сознания.

Сейчас ведутся серьёзные исследования не только русских фамилий вообще, но и фамилий конкретного региона. Это тем более важно, что исследователи располагают архивами деловых документов, таящими в себе бесценную информацию об истории фамилий. Сегодня можно сказать, что в разной степени изучены и лексикографически описаны фамилии донские (Л. М. Щетинин, 1975), вологодские (Ю. И. Чайкина, 1989), пермские (Е. Н. Полякова, 1997), зауральские (Парфёнова, 2005), смоленские (И. А. Королёва, 2006).

В завершение раздела об антропонимах необходимо сказать об именах литературных героев – **поэтической антропонимии**. В отличие от реальных имён и фамилий, их литературные аналоги становятся частью художественных средств литературного произведения и несут определённый смысловой заряд, задуманный и осуществлённый автором. Из школьного курса русской литературы известно о том, что нам должны говорить «говорящие» фамилии героев в комедии Фонвизина «Недоросль» или в «Горе от ума» Грибоедова.

Позднее в реалистической литературе от говорящих фамилий как слишком прямолинейного средства отказались, но это не значит, что семантика фамилий выпала из арсенала поэтических средств. Вот как толкуется имя заглавного героя пушкинского романа в стихах известным литературоведом Владимиром Николаевичем Турбиным в статье «К проблеме имени собственного в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Russian Literature XXIV. 1988. С. 442):

«Итак, «Евгений» – аристократический. Сословно замкнутый, ограниченный. В круге пребывающий и сам уподобляющийся кругу, нулю. А «Онегин»?

*Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы, –
сообщает поэт-рассказчик. Он имеет в виду и сюжетно реальное, и твор-*

ческое рождение героя романа: на берегах Невы возникал и слагался его первый, еще неотчётливый образ. По сути-то дела, быть надлежало герою «Невским», но место, так сказать, уже занято эпическим героем отечественной истории, князем, прославившим себя великой победой. И у эпического князя Невского, коему, как поведает нам Пушкин позднее, служил его предок, появляется романый дублёр: Онег-ин. От Онега, река. Река северная, а стало быть, и холодная. И тогда аристократическое имя героя умножается на его «речную» фамилию. На фамилию-метафору. Фамилию-характеристику, потому что река в художественном мире Пушкина неизменно прихотлива, даже коварна; и державное, эпическое течение её чревато взрывами, капризами, пусть даже это и будут капризы трагически ужасающие.

Стало быть, «Онегин» = холод + речное течение с его непостоянством, изменчивостью, ибо ещё древние не без оснований заметили, что нельзя дважды ступить в одну и ту же реку.

Холодность Онегина обусловлена социально, возводима к его аристократизму, и социальная характеристика дополняется разветвлённой психологической, причём мотив охлаждения, холода проецируется и на пейзажи романа. Онегин появляется в ночной мгле зимней столицы:

Морозной пылью серебрится

Его бобровый воротник.

И как бы производна от обступающего героя мороза реплика:

Нет рано чувства в нём остыли...»

Изучением имён литературных героев занимается особая область ономастики, которую чаще всего так и называют **литературной ономастикой**. Надо сказать, что эта отрасль ономастики располагает и собственной лексикографией. Уже приходилось называть работу О. С. Крюковой «Ономастикон романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”», где читатель может справиться о значении всех имён собственных романа. Знакомство с этим небольшим словариком показывает, что в тексте романа присутствует масса личных имён, как вымышленных (*Онегин*), так и реальных, как русских – *Озеров и Семенова, Туманский и Тургенев*, так и иностранных исторических личностей: *Наполеон, Байрон, Ричардсон*. Особую группу описываемых здесь имён составляют литературные и мифологические имена, которые, можно сказать, путешествовали из текста в текст в пространстве мировой литературы: *Аврора, Автомедон, Армида, Венера, Гарольд, Градисон*.

Этот ономастикон убеждает в том, что понятие *литературное имя* не то же, что *имя собственное* в литературном произведении. Первое мы относим к именам вымышленных персонажей, которые чаще всего придумываются авторами для своих героев и бывают нагружены художественными смыслами, как можно увидеть в цитате из статьи В. Н. Турбина. Все другие оказываются вовлечёнными в художественный текст как знаки описываемой действительности, как материал для сравнений и сопоставлений.

Надо сказать, что отличить специально созданное литературное имя от заимствованного автором из реального ономастикона бывает непросто. Так, имена персонажей «Мёртвых душ» производят впечатление специально созданных Гоголем. Между тем газета «Неделя» (1983. – № 35) опубликовала письмо читателя И. Маневича из Днепропетровска, изучившего адресную книгу своего города и обнаружившего там однофамильцев персонажей «Мёртвых душ»: более 100 Чичиковых, 100 Маниловых, 26 Ноздрёвых, 14 Плюшкиных и 12 Коробочек. В телефонной книге современного Великого Новгорода обнаруживаем только Маниловых.

Итак, в основном литературный ономастикон черпает ресурсы из реального, а иногда наоборот: реальный ономастикон пополняется именами из литературного. Наиболее яркие примеры такого встречного движения представляют имена *Нина* и *Светлана*. Первое, став из реального в великосветских кругах литературным, формирует черты «литературных» Нин, как показано в книге А. Б. Пеньковского. Культурная история второго описана в уже упоминавшейся книге Е. В. Душечкиной: придуманное В. А. Жуковским для романтической баллады, оно вышло за пределы ставшего популярным текста сначала в пространство литературы, а затем – реальной жизни и практики имянаречения; в середине XX века имя оказалось в кругу самых популярных и престижных имён, а затем стало уходить на периферию. О влиянии литературы, точнее говоря, повести Н. М. Карамзина на судьбу имени *Ли́за* написал книгу В. Н. Топоров. Предметом филологического внимания становились имена *Люба*, *Вера*, *Вовочка*. Всё это говорит о том, что многие имена становятся фактом не только реального антропомикона, но и русской литературы и культуры в целом.

Надо сказать, что соотношение реального и литературного антропомикона выглядит по-разному в различные эпохи. В этом отношении большой интерес представляет **Словарь личных имён**, где лексикографически описаны антропонимы в текстах десяти поэтов Серебряного века. Так, имя из реального антропомикона *Марина* оказывается в поэтическом языке как имя Марины Мнишек, присутствующее в текстах Хлебникова, Мандельштама, Цветаевой; и как имя Марины Цветаевой, включённое в тексты самой носительницы (*Мне дело – измена, мне имя – Марина, Я брэнная пена морская*, где как бы проявляется затемнённая семантика имени: *марина*=морская на латыни, это один из эпитетов Венеры), Пастернака, Ахматовой (*Тёмная свежая ветвь бузины... Это письмо от Марины*). О том, что поэзия начала XX века мыслит себя в пространстве мировой литературы, говорят едва ли не прежде всего личные имена, и это показывает Словарь, толкуя имена *Иштар* и *Иуда*, *Конрад* и *Констан*, *Коперник* и *Коперфильд*.

Подводя итог, можно сказать, что личное имя оказывается элементом ономастикона, с которым связана многое в повседневной жизни человека – от удобства до поводов для насмешек, но оно не ограничено рамками по-

вседневности: имя способно выходить в пространство эстетической сферы (литературы, музыки, живописи, кино), становясь фактом национальной и мировой культуры. И уже оттуда оно может вновь возвращаться в пространство повседневности, будучи востребованным практикой имянаречения в ауре своих культурных коннотаций, обеспечивающих его привлекательность и потому популярность. Именно так произошло с древнееврейскими именами, ставшими благодаря присутствию в Библии именами христианской культуры и составляющими уже две тысячи лет основу именника народов христианского мира: *Мария, Иосиф, Анна, Иоанн*. При этом последнее имя стало безусловным фактом русской культуры, обросло производными и паремиями, не говоря о коннотативных значениях, как показано в словарных статьях Е. С. Отина.

Практический результат изучения этого раздела книги хотелось бы видеть в том, чтобы, располагая общими представлениями об устройстве русской антропонимии, читатель хорошо ориентировался в антропонимической лексикографии, получив таким образом возможность найти любую нужную ему конкретную информацию.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Переведите древнерусское выражение «из варяг в греки» в современные топонимы. Объясните с картой в руках, как проходил это путь.

2. Найдите в словаре А. В. Суперанской своё имя и имена своих близких. Из каких языков они происходят? Сколько языков звучит в именах вашей семьи?

3. Вычислите, что означает имя *Филипп*, если известно, что такое *филология, философия, библиофил*, с одной стороны, и с другой – *ипподром, иппотератия*.

4. Вычислите, что означает имя *Афанасий*, если нам известно слово *эвтаназия*, имя греческого бога *Танатос* и греческая приставка *а-*.

5. Чем антропоним *Любовь* отличается от абстрактного существительного *любовь*, кроме написания первой буквы? Просклоняйте оба слова, чтобы обнаружить разницу.

6. Что мы можем сказать об именах предков людей с фамилиями *Перваков, Третьяк, Третьяков*?

7. Познакомьтесь с историей славянского имени *Людмила*, чтобы ответить на вопросы: каково его происхождение? Когда оно стало популярным у русских?

8. Почему имени *Вячеслав* нет в православных святцах?

9. Как вы думаете, к какому мифологическому греческому имени (очень известному!) восходит имя французского литературного сыщика Эркюля Пуаро?

10. Суперанская сообщает, что православные святцы включают около 900 мужских и 250 женских имён [58, с. 33]. Её Словарь, как указывается

на обложке, включает более 7500 имён. За счёт чего создаётся такая разница?

11. Как бы вы квалифицировали обращение, которое можно услышать иногда: *Танечка Петровна, Оленька Александровна*?

12. В словаре Даля есть слова *дворянич, государич*. Каково их значение, по-вашему? Как с учётом этих знаний можно истолковать значение слова *родич*?

13. Как вы оцениваете произносительный вариант женских отчеств типа *Андревна*? В каких ситуациях допустимо такое произношение? Приведите стилистический аналог произнесения мужского отчества.

14. Приведите случаи, когда отчество становится единственным наименованием персонажа в литературных произведениях или художественных фильмах. Какая семантика стоит за таким наименованием?

15. Иногда форма отчества служит моделью образования прозвища от имени или фамилии. Такие факты приводятся в Словаре Вальтера-Мокиенко: *Геныч, Графидич*. Есть ли такие в вашем ономастическом опыте?

16. Вспомните прозвища вашего класса. Какие типы прозвищ окажутся в таком «словарике»?

17. Найдите свою фамилию в книге Унбегауна. К какому типу она относится?

18. В поисках этимологии фамилии *Бутенёв* находим в Словаре Даля два слова: *бутень* (растение) и *бутеня* ('творог с топлёным молоком' и 'толстяк' в разных говорах). Какое из них следует предпочесть по грамматическим соображениям?

19. Приведите примеры фамилий, этимология которых приводит к названиям растений. Как можно объяснить их наличие в антропомиконе?

20. Как объясняется наличие в нашем антропомиконе множества фамилий, этимологией которых оказываются названия животных?

21. Что можно сказать о предках человека с фамилией *Целовальников*? Где это можно уточнить?

22. В книге Унбегауна есть ряд фамилий, образованных от имени *Тарас*: *Тарасёнок, Тарасик, Тарасиков, Тарасов, Тарасьев, Тарасюк*. Квалифицируйте каждую из них в «национально-грамматическом аспекте», то есть определите, какому языку принадлежат фамильные форманты, и дополните ряд таким образом, чтобы были представлены все восточнославянские типы фамилий.

23. Какие варианты имени *Тарас* представлены в анализируемых фамилиях?

24. Какова исконная семантика имени *Тарас* и когда отмечали именины православные Тарасы? Где вы нашли эти сведения?

25. Сравните толкование фамилии *Вешняков* в словарях Федосюка и Никонова. Какая из версий вам кажется более убедительной? Почему?

26. Переведите на «русский ономастический» украинские фамилии

Супрун и *Панасенко*. К какому типу они относятся? Какие знания об украинском языке необходимы для таких «переводов»?

27. Переведите на «русский ономастический» белорусские фамилии *Ходасевич* и *Мицкевич*, определив их тип. Какие специфические черты белорусского языка и белорусской ономастики в них проявляются?

28. Переведите на «русский ономастический» фамилию шведского актёра *Эрланда Юзефсона*.

29. Приведите примеры литературных произведений, где имя героя становится заголовком текста. Что это означает для понимания самого имени?

30. Познакомьтесь со Словарём личных имён и найдите в нём статьи об упомянутых именах: *Иштар* и *Иуда*, *Конрад* и *Констан*, *Коперник* и *Коперфильд*. Какие «точки» в пространстве мировой культуры символизируют эти имена? Найдите в Словаре другие имена с богатым культурным звучанием.

2. Зоонимия, или Имена братьев наших меньших

Как в реальности рядом с человеком оказываются животные – его любимцы и помощники, так и в ономастическом пространстве рядом с антропонимией – зоонимия, или клички животных. Подтверждения такого естественного соседства находим в Словаре Даля, где есть паремии об обязательности кличек: *Корова без клички – мясо; У всякой собаки своя кличка*.

Разумеется, в ономастическое пространство попадает не любое живое существо: условие для получения имени собственного – его участие в жизни человека. Формы такого участия известны, а значит, можно говорить и о животных, оказавшихся в ономастическом пространстве.

Во-первых, это домашние животные, которые, как и все, кто живёт в доме или рядом, получают собственное имя – кошки и собаки, в деревне, кроме того, лошади, коровы, козы, свиньи. Список этот открыт: кого бы ни завели в семье, ему непременно дадут имя.

Во-вторых, это животные, с которыми у человека складываются «производственные» отношения: коровы на ферме или лошади на конезаво-

де и ипподроме, в спортивной школе; обитатели зоопарков, дрессированные «артисты» цирка; служебные собаки в милиции или таможне.

Итак, обращаясь к новому фрагменту ономастического пространства, мы будем иметь дело с новыми терминами: **зооним** (имя собственное, или кличка животного; термин вполне прозрачный, поскольку хорошо известны слова *зоопарк, зоология, зоотехника*); **зоонимия** (совокупность таких оноимов) и **зоонимика** (наука о зоонимах как часть ономатологии).

Практическая зоонимика, если под этим термином иметь в виду практику наименования животных с её традициями и правилами, входит в образование и повседневную деятельность зоотехников, располагающих специальными инструкциями по образованию кличек животных – коров, коней. Существуют и правила создания кличек породистых собак.

Теоретическую зоонимику не относят к развитым дисциплинам ономатологии, работы, связанные с этой проблематикой, в библиографии ономастических публикаций занимают скромное место. Тем не менее основное из этой проблематики можно представить, опираясь на общетеоретические работы [59], статьи в ономастических словарях [51] и публикации последних лет [33; 25].

Поскольку очевидно, что клички разных животных отличаются друг от друга в языковом плане, намечена типология зоонимов. Она включает:

•**иппонимы** (*гиппонимы*) – клички **коней**, от греческого слова *hippos* 'лошадь', которое в русском языке имеет две огласовки: ср. *ипподром* (место для соревнований по конному спорту; буквально 'место для бега коней'); *иппотерапия* (лечение с помощью верховой езды) и *гиппотам* (буквально – речная лошадь), *гиппология* (наука о лошадях, впрочем, в Интернете встречается и написание *иппология*); первый вариант термина представляется предпочтительным; в статье словаря «Русская ономастика...» о кличках лошадей (Щетинин 1994) автор обходится без этого термина;

•**кинонимы** – клички собак (ср.: *кинология* – наука о собаках, от греческого *kypos* 'собака', и *кинолог* – специалист по собакам, например в милиции или пограничных войсках);

•**фелинонимы** – клички кошек (ср.: *фелинология* – наука о домашних кошках, от латинского *felinus* 'кошачий', и популярные в Интернете слова *фелинофил* (котолоб, котовод), *фелинофоб*).

При необходимости могут быть образованы термины для обозначения других кличек, например: птиц – *орнитонимы*, бизонов – *бизонтонимы* и т.д. [12, с. 59].

Специалисты считают, что говорить о едином русском зоониме не стоит, и разделяют деревенские и городские зоонимы. Кажется более важным различать индивидуальные хозяйские клички (кошек или собак) и стандартные клички лошадей и коров в условиях ферм и заводов: массовое наименование требует особых приёмов, к нему особые требования.

По отношению ко всем видам зоонимов интересны прежде три во-

проса: чем мотивируются клички, откуда черпаются лексические ресурсы и какая языковая техника при этом используется?

В результате мотивационного анализа установлена зоонимическая универсалия – именование животного по внешним признакам, в первую очередь по цвету, или, как чаще говорят о животных, по масти: *Гнедой, Вороная, Черныш, Серко, Белянка, Рыжик*. Этот вид мотивации зафиксирован в паремиях: *По псу и кличка; По шерсти собаке кличка дана* [5]. При этом важно, что работает как прямая номинация, так и метафорическая; например, отмечена кличка *Берёза* для собак и коров черно-белой масти или кличка белого кота *Ландыш*, а серого – *Туман*. Из «нецветовых» кличек, отражающих иные внешние признаки, метафорические преобладают: *Пушок, Шарик*.

В поисках мотивации приходится проявлять изобретательность. Так, зоотехникам рекомендуют давать коровам клички по месяцам их рождения (*Январка, Февралка, Апрелька, Декабрик*) или хотя бы выбирать апеллятивы, начинающиеся на ту же букву: в январе – *Яшма, Янтарь*; в феврале – *Фиалка* [58, с. 179]. Родство как основание мотивации широко практикуется в иппонимии: в одних случаях это оборачивается повтором элементов морфемной структуры родительской клички (*Добытчица* от матери *Добычи*, *Рындёнок* от *Друга* и *Рынды*), синонимической заменой (*Ворожея* от *Колдуна* и *Победы*), в других – повтором буквенного состава (*Вулкан* получает такую кличку, потому что его родители *Ваза* и *Курган*). Считается правильным начинать кличку жеребёнка с инициала имени отца и включать в него инициал клички матери: *Прима* – от *Прометей* и *Магдалины*, *Жемчужина* – от *Жребия* и *Аварии*. В таком подборе смысловые связи слов практически не учитываются, мотивация оказывается чисто внешней (буквенной).

Однако надо отметить, что возможности мотивации в зоонимии – даже при столь широком её толковании – невелики, поэтому – особенно в массовой зоонимии – велика доля условной номинации: *Фея, Аккорд, Спутник, Ракета, Жребий, Авария, Победа, Ваза, Курган*.

Вопрос об источниках зоонимов рассмотрен в ономастических работах довольно подробно. Безусловно, первым из них должен быть назван апеллятивный лексикон: все уже приведённые примеры иллюстрируют именно этот случай.

Если проанализировать тематические группы апеллятивной лексики, вовлекаемой в зоонимию, то среди них оказываются в первую очередь существительные с семантикой **цвета** (*Чёрный, Белый, Серый*). Так, цветное прилагательное *бурый*, которое в Словаре Даля толкуется как обозначающее «цвет кофейный, коричневый, ореховый, смурый», широко используется в кличках животных: *Бурка* или *Бурко* – это собака или конь бурой масти, вспомним сказочную *Сивку-Бурку*; *Бурена, Буренушка, Буреха, Бурешка* – так называли бурых коров; *Буришка* – кличка поросят.

Стоит отметить, что в языке есть такая цветовая лексика, с помощью

которой описывают только масти животных, в первую очередь лошадей: *Каурый, Пегий, Вороной*. Этот языковой факт еще раз подчёркивает важность цветовых характеристик при обращении с животными.

Далее в зоонимах обнаруживается **характеристическая** лексика – прилагательные *Быстрый, Верный, Грозный*.

Находит своё место среди ресурсов зоонимии и **предметная** лексика: киноним *Юла*, клички коров *Флейта, Ракета, Комета*, быка – *Аспирин*. Она привлекается в ситуациях косвенной характеристики (быстрый, вертлявый → *юла*) или немотивированного выбора имени: *флейта, ракета, аспирин*.

Наконец, большое место занимают такие имена, которые относятся к человеку (*Недотрога, Кокетка, Задира* – клички коров и лошадей). Интересно, что из «человеческой» лексики в зоонимию регулярно вовлекаются слова с семантикой высокого социального статуса: киноним *Рекс* – царь, король на латыни; фелинонимы *Маркиз, Лорд* и *Мурзик* (от тюркского *мурза* – княжеский сын, знатная особа, ср. фамилии *Кара-Мурза, Карамзин* и *Мурзин*).

Отметим, что в кличках домашних животных часто отражается актуальная в данный момент лексика; так, в начале 1990-х, когда все обсуждали ваучеризацию и её последствия, *Ваучерами* стали называть котом. Один из участников телешоу (2001) рассказал, что у него есть кот *Братан* – популярное в 90-е годы слово из криминального жаргона.

Многие из приведённых примеров говорят также и о том, что в зоонимии может рекрутироваться как собственная, так и заимствованная лексика, из которой освящены традицией кинонимы *Рекс* и *Трезор* (от французского – 'сокровище').

Таким образом, при формировании зоонимии продуктивно работает **онимизация** – перевод слова из апеллятивов в онимы, что характерно для разных типов онимов. Наряду с этим механизмом, действует и **трансонимизация** – перевод слова из одного вида онима в другой. При этом можно указать два вида онимов, которые переживают такие трансформации: это **топонимы** и антропонимы.

Первые используются в кличках собак – это *Байкал, Валдай, Волга*; коров – *Висла, Двина*, быка – *Алтай*.

Вторые, безусловно, преобладают, хотя в Словаре Даля зафиксировано речение *Собаку грешно кликать человеческим именем*. В противоречие с ним входит тот факт, что царственное византийское имя *Василевс* стало не только одним из распространённых личных имён у русских, но и «возглавило рейтинг» популярных кошачьих кличек. Благодаря басне Крылова «Кот и повар» мы можем судить о возрасте этой бытовой традиции, и фраза *А Васька слушает да ест* вошла в состав популярных афоризмов.

Кроме него, в зоонимию втянуты такие обиходные имена человека, как *Машка, Мишка, Борька*. Например, на Урале имя *Мишка* зарегистрировано в качестве клички быка, барана, коня, кота, собаки, поросёнка, козла,

гуся и петуха [51, с. 80]. Неудивительно встретить кошек *Мурку* и *Мусю*, кота *Кешу* или *Стёпу*. Для собак выбирают имена заграничные: *Джим*, *Бим*, *Джекки*, *Ральф*. В бегах на ипподроме Шантильи под Парижем участвовала русская лошадь по кличке *Вован* (Известия. – 2005. – 6 июня). Среди фелинонимов можно встретить и человеческие отчества: *Кузьмич*, *Роныч*, кличка кролика *Тёныч*, при этом они выступают вне своего патронимического значения.

Антропонимы как ресурс используются при назывании не только таких по-настоящему домашних животных, которые обитают едва ли не в каждом доме, как кошки или собаки, но и экзотических – таких, как, например, крокодилы. Так, в газетной статье о том, что участились случаи появления крокодилов на улицах наших городов оттого, что хозяева плохо следят за опасными рептилиями, фигурируют крокодилы с кличками *Васька*, *Феликс* и *Гена* (Новые известия. – 2008. – 31 июля).

Как и в случае с апеллятивной лексикой, в зоонимах оказываются антропонимы, которые у всех на слуху; так, кот *Киссинджер* появился, когда политик с этой фамилией был госсекретарём США, рыжие коты *Чубайсы* – когда Анатолий Борисович реформировал нашу экономику, а *Черномырдины* – когда Виктор Степанович возглавлял правительство.

Зоонимия обнаруживает не только родство, но и сходства с антропонимией, из которых обозначим три.

Первое: у животного могут быть две клички – официальная (паспортная) и неофициальная (обиходная). Так, в конно-спортивном клубе коня *Гиацинта* во время тренировок называют *Геша*, *Ракету* – *Рая*, *Капитала* – *Кана* [58, с. 180]. Кота, названного в честь рыжего приятеля Гарри Поттера *Рональдом*, потом стали звать по-домашнему – *Роня* или *Роныч*.

Второе: среди зоонимов, главным образом домашних, выделяют частотные и даже модные. Как частотные воспринимаются фелиноним *Муся* или кличка попугая *Кеша*; кинонимы *Шарик*, *Бобик*, *Буран*, *Тарзан* популярны, скорее, в деревне, у городских собак модны клички *Чарли*, *Джим*, *Джесси*. Иногда такие популярные (типовые) клички выходят за пределы зоонимикона, становятся апеллятивами (такой процесс называется *апеллятивизация*) и начинают метонимически обозначать вообще животных этой породы. Так, типовая кличка коровы *Бурёнка* стала обозначать корову вообще. Даль приводит загадку: *У нашей у буренушки на боку жбан* (печь и казёнка). В городах *Бурёнкой* называют молочные магазины – опять метонимия: 'тот, кто даёт молоко' → 'место, где его продают'. Это явление обнаруживает параллель с апеллятивизацией антропонимов: *Иван* → 'русский', *Фриц* → 'немец'.

Третье сходство с антропонимией заключается в том, что наряду с реальной существует **литературная зоонимия**. Крыловский кот *Васька*, чеховская *Каштанка* или *Белый Бим* чёрное ухо Троепольского, кот *Бегемот* и собака *Шарик* Булгакова, кот *Матроскин* и крокодил *Гена* Эдуарда Успенского – это только крохотная часть поэтических зоонимов. Иногда животные стано-

вятся главными героями литературных произведений, а клички – их заглавиями: *Муму, Капитанка, Белый клык*. Изучение литературной и кинематографической – в широком смысле поэтической – зоонимии еще только начинается [33], словарь поэтических зоонимов можно только вообразить, зоонимическую лексикографию с антропонимической поставить рядом нельзя, её пока ещё нет. Но и сейчас понятно, что не только реальная зоонимия служит источником поэтической (крыловский кот Васька явно заимствован из жизни), но и поэтическая оказывается ресурсом для реальной (именно так надо понимать упомянутую кличку крокодила Гены – как дань памяти о персонаже Эдуарда Успенского). В работе, посвященной этой культурно-ономастической проблеме, называются десятки зоонимов, обязанных своим происхождением литературе, кинематографу, телевидению [33].

В завершение анализа этого фрагмента ономастикона рассмотрим вопрос о языковой **технике**, используемой при образовании зоонимов.

Из **морфемной техники** выявлен круг суффиксов существительных, активно используемых при образовании зоонимов: *-к (а/о) (Январка, Зорька, Нежданка, Ночка, Серко), -ик (Рыжик, Декабрик), -ок (Ледок), -уха (Карюха)*.

Кроме того, широко вовлекаются в зоонимы прилагательные в форме мужского и женского рода: *Верный, Грозный, Буйный, Быстрая, Лихая* – это характерная для русского языка техника транспозиции, точнее **субстантивации прилагательного**, ср.: *выходной, мороженое, сборная*.

Кинонимы допускают отглагольность: *Бушуй, Хватай* (императивные клички) или *Будило, Звонило*. Этот вид транспозиции – **субстантивация глагольных форм** – в апеллятивной лексике практически не действует, но отмечен в прозвищах, которые сейчас сохраняются в фамилиях типа *Гуляев, Покусаев* [63, с. 125]. Значит, этот вид языковой техники можно считать специфически ономастическим.

К специфическим же следует отнести технику **буквенной комбинаторики**, применяемой при создании иппонимов, мотивированных кличками родителей: *Прима* – из *Прометей* и *Магдалины*. Как минус этой техники исследователи отмечают появление искусственных кличек, не соотносимых с реальным лексиконом, составляющих сложность для произнесения и запоминания: *Дида, Дивиза, Ракула, Лухинор* [25]. В этом неудобстве видится принципиально разное отношение русского человека к личным именам, которые по определению не соотносятся с национальным лексиконом, и кличкам, от которых ожидается, что они должны представлять собой какую-то периферийную, но всё же соотнесённую со словарём часть ономастикона.

Таким образом, мы видим, что языковая техника зоонимии включает и активно работающие в апеллятивной лексике, и специфические виды преобразований исходного слова.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Как зовут кошку в вашей семье или семье ваших соседей, друзей? К какому типу фелинонимов можно отнести её кличку? Какова история этого зоонима?

2. Вспомните известные вам кинонимы и попытайтесь проанализировать их с позиций зоонимики. Найдутся среди них клички разных типов?

3. Составьте свой словарь зоонимов, разделив в нём клички на *кинонимы* и *фелонимы*. При необходимости образуйте нужные термины для обозначения кличек других животных.

4. Перечитайте рассказ А. Чехова «Каштанка» и проанализируйте его зоонимикон. Какого типа зоонимы его составляют?

5. Как вы думаете, есть «вклад» фелинонима *Бегемот* в популярность именуемого им персонажа романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова? Дайте его ономастическую характеристику по той схеме, которая представлена в данном разделе книги.

3. Топонимия, или География в именах

Человек со всеми своими именами и кличками близких ему животных не может существовать иначе как в пространстве, где ему необходимо ориентироваться, о чём ему надо помнить и рассказывать. А это означает, что важнейшим фрагментом ономастического пространства оказывается **пространство реальное**, для обозначения которого, согласно традициям, используется греческое слово *топос* 'место', как в словах *топография* и *топология*.

Итак, напомним термины, с которыми придётся иметь дело при обсуждении этого фрагмента ономастикона: имя собственное какого-то участка пространства – **топоним**, совокупность топонимов – **топонимия**, или **топонимикон**, а раздел науки, их изучающей, – **топонимика**. Этот терминологический ряд уже должен восприниматься как привычный, ср. уже известные: *антропоним* – *антропонимия* – *антропонимика*; *зооним* – *зоонимия* – *зоонимика*.

Приступая к рассмотрению топонимики, необходимо обратить внимание на то, что, в отличие от уже предыдущих разделов ономатологии, она теснейшим образом связана с **географией** и **историей**.

Действительно, география, описывая, как ей предназначено её названием, землю, не может обойтись без названий, которые и называются географическими. История же, работая с историческими документами, интересуется топонимами настолько, насколько они позволяют соотнести исторические события с пространством, в том числе и современным. Но заметим, что названия мест для географии и истории – только инструмент

описания и объяснения, тогда как для топонимики представляют интерес они сами: их состав и типология, происхождение и мотивированность, связь с историей и культурой именуемого места, взаимодействие с апеллятивной лексикой и другими видами онимов. Так и будет построен этот раздел книги, начать который следует с краткой истории топонимики как особой науки.

Публикацией, которая в русской филологии привлекла внимание к проблемам топонимики, считается уже упоминавшаяся статья А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии», вышедшая в 1812 году в журнале «Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств». Утверждая сравнительно-исторический метод в языкознании, он подчеркивал, что наилучшим материалом для такого изучения оказываются «названия земель, городов и естественных урочищ», которые хранят черты языков тех народов, которые впервые дали названия этим местам. Рассматривая имена русских рек и озёр, он обращает внимание на их финали, в частности на финаль *-га*: *Онега, Ладога, Пинега, Луга, Ветлуга, Свияга*. Так русской топонимике сразу же было задано историческое направление и подход с учётом данных иных языков.

Интересно, что в дальнейшем инициатива в топонимических исследованиях принадлежала не филологам. Так, в 1837 году в «Библиотеке для чтения» выходит «Опыт исторической географии русского мира» Н. Н. Надеждина, а через 10 лет в Русском географическом обществе складывается программа собирания географических названий, изложенная в специальном обращении. Как отклик на это обращение начался сбор географических названий, представление которых сложилось в словарные описания. Так сложился жанр топонимического словаря, иначе говоря, зародилась **топонимическая лексикография**, которая сегодня может быть признана самой богатой и разветвлённой из всех видов ономастографии.

Представляется важным дать читателю хотя бы самое общее представление об этой лексикографии, не настаивая на дальнейшем знакомстве со всеми названными словарями: некоторые из них давно относятся к библиографическим редкостям.

В типологии таких словарей важно, во-первых, противопоставить словари **фиксирующие** и **объясняющие**.

Первый тип описания представляет «Географическо-статистический словарь Российской империи» под редакцией П. П. Семенова, вышедший в Петербурге сначала в 1863 — 1867 гг., а затем в 1873 — 1885. Эта традиция получила развитие в советских справочниках: «Словарь географических названий» М. С. Боднарского (2-е изд. М., 1958); «Словарь географических названий СССР» (М., 1968; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983), включающий 17 000 названий. Их адресаты — географы, картографы, работники издательств и почты. «Географический энциклопедический словарь. Географические названия» (М., 1986) отличается большей информативностью за счёт собственно энциклопедических сведений.

Объясняющие словари получают названия, как правило, с упоминанием термина *топонимический*: «Географические имена. Топонимический словарь. Пособие для учителей» М. Н. Мельхеева (М., 1961); «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова (М., 1966), где представлено 4000 географических названий; «Школьный топонимический словарь» Е. М. Поспелова (М., 1988), где описаны 1250 топонимов, примерно половина из которых – зарубежные; «Географические названия мира: Топонимический словарь» Е. М. Поспелова (М., 1998; 2-е изд., стереотип. М., 2001). В этих словарях, часто обращенных к школе (см.: школьный, для учителей), сильнее выражено лингвистическое начало: комментарии касаются не только географического объекта, но и судьбы топонима – его этимологии и этиологии.

Приведём для сравнения статьи из «Словаря географических названий СССР» и «Школьного топонимического словаря» Г. М. Поспелова:

<p>ТАРТУ, гор., центр Тартуского р-на Эстонской ССР.</p>	<p>ТАРТУ – город, р.ц. в ЭССР. В 1030 г. киевский князь Ярослав Мудрый на месте эстонского городища заложил крепость, которая по его христианскому имени Юрий получила название <i>Юрьев</i>. Но в народе за крепостью сохранялось эстонское название. Так, в хронике XIII в. указывается «Юровград, крепость Георгия, в народе называемый Торпатум». Здесь <i>Торпатум</i> – латинизированная форма эстонского названия (др. формы – <i>Торбата</i>, <i>Тарбатум</i>, <i>Дарпетен</i>), значение которого не установлено.</p> <p>От известных латинских форм образовалось название <i>Дертт</i>, которое в качестве официального употреблялось вплоть до 1893 г. В 1893—1919 гг. было восстановлено старое русское название <i>Юрьев</i>, заменённое затем на современное эстонское <i>Тарту</i>.</p>
---	---

Как мы видим, первый из словарей сообщает только о характере географического объекта (город), о его расположении и месте в административном делении республики. Второй, безусловно, более лингвистичен: вместе с характеристикой города (дата основания, расположение, статус в административном делении) даётся история его имени, точнее, ряда имён. Приводимые сведения относятся не к этимологии, а к этиологии имени: информации о его появлении, соотношении с другими. Большая часть статьи отведена ономастической информации – истории топонимов.

Наряду с общими топонимическими словарями – страны или мира – создаются и специализированные, при этом по разным линиям. Первая линия специализации – определённая территория, в результате чего появляются **локальные или региональные** топонимические словари: «Списки населённых мест Российской империи. **Рязанская губерния**»

(СПб., 1862); «Географическо-статистический словарь **Амурской и Приморской** областей» А. Кириллова (Благовещенск, 1894); «Краткий топонимический словарь **Камчатской** области (Из истории происхождения географических названий)» В. П. Кускова (Петропавловск-Камчатский, 1967); «Знаете ли вы?: Словарь географических названий **Ленинградской** области» С. В. Кисловского (Л., 1968); «От Абы до Яи: Географический словарь **Кузбасса**» А. А. Мытарева (Кемерово, 1970); «Местные названия на карте **Чукотки**. Краткий топонимический словарь» Г. А. Меновщикова (Магадан, 1972); «Вся **Воронежская** земля. Краткий историко-топонимический словарь» В. А. Прохорова (Воронеж, 1973); «Географический словарь **Амурской** области» Н. К. Шульмана (Благовещенск, 1978); «Географические названия **Урала**: Краткий топонимический словарь» А. К. Матвеева (Свердловск, 1980); «Географические названия **Верхнего Прикамья**: С кратким топонимическим словарем» А. С. Кривошековой-Гантман (Пермь, 1983); «Топонимический словарь **Северо-Востока СССР**» В. В. Леонтьева, К. А. Новиковой (Магадан, 1989); «**Кувандыкский** край в географических названиях» С. М. Стрельникова (Златоуст, 1994); «Тайны имен земли **Кузнецкой**: Краткий топонимический словарь Кемеровской области. 3000 названий» В. М. Шабалина (Кемерово, 1994); «Топонимический словарь **Центральной России**» Г. П. Смолицкой (М., 1998); «Топонимический словарь **Селигерского** края» В. Ф. Иванова (Тверь, 2003).

Среди региональных словарей, как видно даже из приведённого списка, есть как фиксирующие, так и объясняющие. В последнем случае в названиях словарей появляется слова *происхождение, тайны, загадки*, вопросительные местоимения *почему, откуда и как*. Так, вопрос: «Почему так названы/о?» – фигурирует на обложках словарей, изданных в Ленинграде К. Горбачевичем и Е. Хабло (1962; 1967), в Нукусе К. Абдимуратовым (1970), в Красноярске Ю. Р. Кисловским (1999).

Вторая линия специализации в описании топонимии – определённый исторический отрезок. Традицию таких описаний, предполагающих работу с историческими документами, летописями и другими источниками, начинают «Материалы для историко-географического словаря Древней Руси до XIV в. включительно» Н. П. Барсова (Вильно, 1865). Её продолжение можно видеть в «Кратком историко-географическом словаре» Н. Веригина (Тверь, 1895) и «Названиях древнерусских городов» В. П. Нерознака (М., 1983).

Надо сказать, что линии специализации топонимических словарей не разделяют издания на неперекрещивающиеся группы, часто проблемы описания топонимии (особенно региональной) совмещаются с этимологическими и историческими.

Итак, представить читателю массу топонимических словарей необходимо для того, чтобы показать материал, на котором сложилась современная топонимика. Происходит это, как уже говорилось во введении, в XX веке. В 1945 году публикуется статья С. Б. Веселовского «Топонимика на

службе истории», в 1947 – «Топонимика как историческая наука» А. И. Попова. С этого времени начинается систематическое изучение топонимии, о чём говорят названия работ уже названного А. И. Попова: «Топонимическое изучение Восточной Европы» (1948), «Топонимика Белозерского края» (1948), «К вопросу о мордовской топонимике» (1948), «Материалы по топонимике Карелии» (1949).

В 1959 году создаётся Топонимическая комиссия при Московском филиале Географического общества, начинающая издавать регулярные сборники статей и проводить конференции топонимистов (о работе комиссии см. в Русской ономастике [14, с. 229–234]).

В 1962 году выходит книга В. Н. Топорова и О. Н. Трубочёва «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», в названии которой присутствует важнейшее для нас слово *лингвистический*. Её можно считать началом собственно лингвистической топонимии, основанной на историческом осмыслении топонимии одного региона с учётом его географии и истории, с обращением к материалам других языков: славянских, балтийских, финно-угорских, иранских.

О том, что именно в это время складывается лингвистическая топонимика, говорит выход двух трудов уже известного нам Владимира Андреевича Никонова: «Введение в топонимику» (1965) и «Краткий топонимический словарь» (1966).

При изучении топонимии происходит осознание того факта, что топонимы нуждаются не только в фиксации и объяснении, но и в нормализации их произношения и написания. Задача унификации написания топонимов возлагалась на справочники типа «Словарь географических названий СССР» (М., 1968; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983), о чём прямо говорится в его предисловии; обязательность ударения делает его и справочником по акцентуации топонимов. Тем не менее для нормирования произношения изданы особые словари, где топонимы помещаются вместе с другими онимами, например Словарь Агеенко*.

Располагая данными словарей и теоретических работ, определим те знания о топонимии, которые должны входить в профессиональный багаж современного человека с филологическим образованием. Но прежде надо сказать о том, что такое русская топонимия. К этому массиву лексики относятся **совокупность топонимов, освоенных русскими и присутствующих в разных русских текстах, в том числе на картах, схемах, чертежах**. Из этого следует, что русская топонимия не ограничена *ни русским языком*, поскольку она адаптировала иноязычные топонимы народов, с которыми пришлось сосуществовать в разное время, *ни территорией России*, так как в русских текстах говорится не только о России, и какой-нибудь *Париж* или *Баден-Баден* – факт русского ономастикона и русского культурного созна-

---

*Напомним, что сначала он выходил как «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (1960–1985 гг.).

ния (бардовская песня «*Ну что, мой друг, свистишь? Мешает жить Париж?*» — тому подтверждение).

Здесь же надо сказать, что топонимия постоянно меняется, какие-то точки мирового пространства и даже территории нашей страны, известные только небольшому числу людей, вдруг становятся предметом всеобщего внимания, в медиа появляются всё новые и новые тексты об этих местах — и топоним входит в ономастикон многих языков, в том числе в интересующий нас русский. Знание современного актуального топомикона, а также его историзмов и разнообразных топонимических перифраз входит в речевую и общую культуру человека хотя бы уже потому, что обеспечивает понимание русских текстов; так, человек, не подозревающий, что топоним *Англия* может быть заменён таким, как *Объединённое Королевство*, *туманный Альбион*, *родина Шекспира*, испытывает серьёзные коммуникативные затруднения; подобное может случиться с человеком, который не держит в памяти все имена Петербурга: *Петроград*, *Ленинград*, *Питер*, *город на Неве*, *Северная Венеция*, *Северная Пальмира*, *Северная столица*, *колыбель трёх революций*.

Прежде всего, необходимо познакомиться с **типологией** топонимов, которая является своеобразным «отпечатком» представлений современной науки об окружающем нас пространстве.

Для этих представлений существенно противопоставление **природного и культурного ландшафта**, известное географической науке с начала XIX века. При очевидности первого понятия второе можно, вслед за В. Л. Каганским, автором многих статей и книг по ландшафтоведению, понимать как «*всякое земное пространство, жизненную среду достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически*». И географам, и филологам давно ясно, что природный и культурный ландшафт взаимосвязаны и взаимоопределяющи. Впечатляюще просто говорил об этом Д. С. Лихачёв: «*Русский крестьянин своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. Он пахал землю и тем задавал ей определённые габариты. Он клал меру своей пахине, проходя по ней с плугом. Рубежи в русской природе соразмерны труду человека и лошади, его способности пройти с лошадьёю за сохой или плугом, прежде чем повернуть назад, а потом снова вперёд. Приглаживая землю, человек убирал в ней все резкие грани, бугры, камни. Русская природа мягкая, она ухожена крестьянином по своему. Хождение крестьянина за плугом, сохой, бороной не только создавали «полосыньки» ржи, но ровняли границы леса, формировали его опушки, создавали плавные переходы от леса к полю, от поля к реке или озеру» [42, с. 17].*

Именованье элементов пейзажа — один из способов его освоения, поэтому можно сказать, что исключительно природный ландшафт имеет

место только там, где не только не ступала нога человека, но и где его глаз не обозначал элементов пространства, а язык не давал им словесные «метки». Тем не менее мы понимаем разницу между природным ландшафтом и культурным, рукотворным, создаваемым человеком. На этом основании мы будем разделять топонимы природного ландшафта и культурного ландшафта, постоянно обращая внимание на их взаимодействие, взаимовлияние и последствия этих факторов.

Топонимы природного ландшафта

Гидронимы

Гидронимы – имена собственные водных объектов, или, более научно, акваторий; термин этот прозрачен: греческий корень *гидро-*, означающий 'вода', знаком по словам *гидростанция, гидрология*.

По мнению историков, гидронимы – самые древние топонимы, что объясняется особой ролью воды в жизни древнего человека: у рек и озёр селились, по рекам и морям ориентировались в пространстве, передвигались и сообщались с соседями.

Древность гидронимов объясняет тот факт, что большая часть их для современных русских людей непонятна: *Волга* и *Волхов*, *Москва* и *Непрядва*, *Пинега* и *Тобол*. Это оттого, что они сложились у народов, которые жили на этих землях до славян и говорили на неизвестных нам языках.

Но есть в нашем топонимиконе и прозрачные гидронимы, относящиеся к небольшим водным пространствам, они-то и позволяют ответить на вопрос: «Чем мотивируются гидронимы?». Обратившись к книге Р. А. Агеевой о происхождении имён рек и озёр, мы можем узнать, чем названия рек мотивируются (в книге идёт речь о самых разных языках, но мы ограничимся русским).

Один из первых мотивирующих признаков – **цвет** речной воды, что легко объясняется визуальными впечатлениями именуемых; отсюда множество *Чёрных* и *Белых* рек и речек. В «Словаре географических названий СССР» (М., 1983) находим 8 рек с названием *Белая* – это притоки Камы, Ангары, Кубани и других менее известных рек на востоке страны. *Чёрные речки*, видимо, как более мелкие, в этом справочнике не отражены, но материалы Интернета дают возможность узнать, что в Петербурге и его окрестностях шесть рек носят такое название, самая знаменитая из них – место дуэли Пушкина, этот гидроним вошёл в массу поэтических и литературоведческих текстов. В далёкой от Петербурга Томской области тоже

шесть рек названы *Чёрными*, среди них есть и *Большая Чёрная*, и *Малая Чёрная* – её приток (материалы Википедии и томского её филиала Товики). Кроме того, находим информацию о *Чёрных речках* в Дубне, Новгородской области (неподалеку от Малой Вишеры), на Южном Урале, в Перми, Крыму и Казахстане.

Интересно, что если о петербургских речках сообщается, что они так названы по цвету своей болотной застойной воды, то о реках Карельского перешейка говорится, что эти русские гидронимы являются переводом карельских (финских) названий типа *Mustajoki*. *Чёрные речки* на территориях тюркских языков оказываются переводом с названий типа *Карасу*. Но переводы в топонимии скорее редкость, чем правило. Так, название новгородской реки, впадающей в озеро Ильмень, *Мста* – не переведённое с чудского 'чёрная', значит, её «чернота» – не основание мотивации, а этимон.

Две реки – притоки Великой и Лены – носят названия *Синяя*; с этим же цветом, видимо, связаны и названия рек *Синюха* в Краснодарском крае и на Украине.

Вообще можно заметить, что цветовая мотивация – это гидронимическая универсалия. В названной книге Р. А. Агеевой приводятся десятки рек с такого рода названиями, вспомним только приток Амазонки *Риу-Негру* (буквально 'чёрная река') и китайскую *Хуанхэ* ('жёлтая река'). Специальные работы посвящены этой универсалии в тюркологии: **Кононов А. Н.** О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии (Изв. Отд. общественных наук Таджикской ССР. № 5. 1945); **Койчубаев Е.** Цветовая сущность топонимических элементов *ак*, *кара*, *кок*, *сары* (Всесоюзная конференция по топонимике. Л., 1965); **Конкашпаев Г. К.** Цветовые слова в тюркских топонимах (Географические науки. Алма-Ата, 1969) – библиография из Словаря Мурзаева.

Другой мотивирующий признак для гидронимов – **растения**, окружающие реку. Так, по данным Р. А. Агеевой, среди новгородских и псковских гидронимов есть *Березна*, *Дубёнка*, *Крапивна*, *Липна*, *Ореховня*, *Сосенка*, из них мы «вычитываем» названия растений: берёзы, дуба, крапивы, ореха и сосны. К ним из справочника географических названий, уже использованного в этом разделе, мы можем добавить гидронимы других регионов: *Березина*, *Берёзовая*, *Дубна*, *Ореховка*, *Сосна*. На юге России в гидронимах фигурирует камыш – реки *Камышная* и *Камышеватка*.

Отражается в гидронимии и **животный** мир. Так, реки, напоминающие о бобрах, есть в Беларуси – *Бобр*, *Бобровая*, на Кольском полуострове таких гидронимов не меньше 20: *Бобровые ручьи* и река с названием *Мальвайтьок*, что означает 'река бобрового владения'. В бассейне Днепра о когда-то обитавших там турах напоминают река *Турья*, правый приток Припяти, и озеро *Турское*. Как этимоны выступают для нас названия животных в эвенкийских названиях рек в бассейнах Нижней и Подкаменной Тунгусок: *Дюкунда* – 'выдра', *Хороки* – 'глухарь', *Джелинда* –

'таймень', *Хаканагда* – 'большая щука'. Список этот выглядит как путеводитель для эвенков – охотников и рыболовов, а гидронимия оказывается одним из средств хранения в памяти информации об окружающем мире.

Остановившись на рассмотрении трёх мотивирующих признаков гидронимов: цвет, растение, животное, рассмотрим характеристику нескольких гидронимов, помещённых в «Русской ономастике», чтобы показать, как сложен бывает их лингвистический анализ. Так, *Енисей* возводят к эвенкийским словам *ионеси*, *иондеси*, означающим 'большая вода, большая река'; интересно, что один из коренных сибирских народов, селькупы, называет эту реку *Рушиль-Кволоты*, что значит 'русская река'. Русское название реки *Обь* считают иранским словом *об* со значением 'река', что подтверждается таджикскими гидронимами: *Варзоб*, *Сурхоб*, *Ягноб*.

Рассуждая о гидронимах, их мотивированности и этимологии, мы брали в качестве примеров только названия рек. Между тем понятие гидронима может быть конкретизировано за счет различения водных объектов. Так, рассмотренные имена рек терминологически обозначаются как **потамонимы** (от греческого *потамос* 'река', мы уже встречались с этим словом в слове *гиппотам*, или 'речная лошадь').

Кроме них, среди гидронимов выделяются **лимнонимы** – названия озёр, с тем же греческим корнем, что и название науки об озёрах – *лимнология*. Остановимся на анализе двух лимнонимов – *Чудское* и *Ильмень*, широко известных в связи с тем, что их объекты играют большую роль в русской истории, при этом они не могут быть отнесены к мотивированным и прозрачным названиям.

Грамматическая форма относительного прилагательного лимнонима *Чудское* указывает на связь с этнонимом *чудь* – название одного из финно-угорских племён – древних эстов, предков нынешних эстонцев, населявших земли, которые сейчас относятся к Эстонии и Северо-Западу России. Этот этноним зафиксирован и в других топонимах: город *Чудово*, деревни *Чудини*, *Чудинцово*, *Чудинково*, *Чудско*, *Чудля* [26, с. 355].

Второй лимноним требует более обширных этимологических справок, которые мы можем найти, например, в книге А. И. Попова «Следы...». *Ильмень* (в летописях *Ильмер*; сейчас ударение на первом слоге) возводят к чудскому *Итаjarvi*, где это сложное слово: его вторая часть *-ярве* значит 'озеро' (встречается в топонимах, скажем, названии эстонского города *Кохтла-Ярве**), а первая *илма* 'воздух, погода' (встречается в финских гидронимах типа *Илмайоки*), следовательно, семантика лимнонима – 'озеро, определяющее погоду'. Конечно, эта иноязычная, этимологическая семантика современными новгородцами не осознаётся, хотя иногда от них можно

---

*О значимости этого чудского термина для русской топонимии говорит тот факт, что ему посвящена особая статья: **Матвеев А. К.** Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере // Изв. АН СССР. Серия географ. – 1965. – № 6.

услышать высказывания типа «дождь собирался, да туча в озеро ушла» или «озеро тучу притянуло».

Здесь нужно сделать два отступления.

Первое о географической терминологии. Дело в том, что топонимы часто включают наряду с собственно онимом слово, обозначающее характер географического объекта, например: *Чёрная речка*, *Москва-река*. Иногда такие термины сливаются с онимами и составляют одно наименование. Именно это произошло с формантом 'ярве', который входит в финские названия озёр: *Куккляярви*, *Онтоярви*. При освоении этих территорий русские переводили либо последнюю часть таких лимнонимов (такие слова называют полукальки), либо обе части (тогда мы имеем дело с кальками). Так появились на карте Карелии *Сегозеро*, *Шотозеро*, *Елмозеро*, а в Вологодской области *Белоозеро*, которое по-вепски называется *Воугедарь* (*воугед* 'белый', *арь* — вепсская огласовка *-ярвь* 'озеро'). Географические термины, в том числе народные, или диалектная терминологическая лексика изучаются ономастикой, важнейшие знания об этих лексических единицах систематизированы в Словаре Мурзаева, откуда взяты приведенные здесь примеры.

Материалы словаря показывают, что собственно топонимическая и терминологическая лексика перетекают друг в друга. Так, среди народных географических терминов мы находим рассмотренный лимноним *Ильмень* в таких значениях: 'мелкое озеро, заросшее камышами', 'старица, заполненная водой', 'пойменный залив' и др. Такие значения слова *ильмень* зафиксированы на Волге, Урале, Дону и Днепре. Их считают производными от новгородского лимнонима, поскольку все они представляют собой модификации смысла 'озеро'. Впрочем, существует и точка зрения, допускающая происхождение термина *ильмень* от греческого слова *лиман* (от которого образованы термины *лимнология* и *лимноним*), и тогда с новгородским *Ильменем* они не более чем омонимы.

Второе отступление касается топонимической морфематики. Изучая топонимы, давно заметили сходства их финальных частей. Именно с такого наблюдения А. Х. Востокова, как уже было сказано, и началось лингвистическое изучение топонимии (напомним, что это были потапонимы с финалью *-га*). Такие элементы топонимов стали называть **топоформантами**, поскольку аффиксами назвать их сложно: они принадлежат не лексической системе в целом, а только топонимии. В наших рассуждениях о лимнонимах мы встретились с топоформантами *-арве* и *-озеро*; в дальнейшем нам встретятся десятки других топоформантов. **Топооснова** — это та часть топонима, которая соответствует основе апеллятивной лексики, но не поддержана лексиконом. Так, мы уже имели дело с топоосновой *берез-*, которая сочетается с топоформантами *-на*, *-ина*, *-овая*.

Итак, на примере двух лимнонимов мы расширили терминологические познания в области ономастики и убедились в том, что эта часть гидронимов представляет большой интерес в связи с проблемой взаимодей-

ствия русского языка с языками коренного населения обширных областей севера и востока страны.

Из других видов гидронимов остановимся на **пелагонимах** – именах собственных морей, которые по численности явно уступают потамонимам и лимнонимам, поскольку число морей уступает именуемым ими водным объектам. Интересно, что морями стали называть и искусственные водохранилища, создаваемые для работы гидростанций, – например *Красноярское море*.

Особенностью этого вида гидронимов оказывается построение по модели, включающей термин: *Белое море, море Лаптевых*. Хотя известны именованья типа *Каспий* (=Каспийское море), но это неофициальное наименование, напоминающее, скорее, прозвище.

Интересно, что хотя в гидрологии моря чётко отличаются от озёр, в топонимии (особенно народной) часто большие озера именуются морями. Общеизвестный пример: Каспийское море на самом деле озеро. В поэтических текстах морем называют озеро Байкал: «славное море, священный Байкал...». Озеро Ильмень, о котором уже шла речь, в древности именовали *Словенским морем*, а Чудское озеро – *Чудским морем*.

Среди пелагонимов есть вполне прозрачные: *Северное, Средиземное*; именование некоторых связано с их открытием, например *море Лаптевых*; есть создающие иллюзию прозрачности, например с цветовыми прилагательными: *Белое, Чёрное, Красное, Жёлтое*. Наконец, часть пелагонимов непонятна русскому человеку, хотя и хорошо знакома: *Балтийское, Каспийское*.

Итак, рассмотрев гидронимию на примере трёх типов онимов: потамонимов, лимнонимов и пелагонимов, мы могли убедиться в том, что это весьма значительная часть ономастикона. Далее мы увидим, что она служит основой для других топонимов, обеспечивая мотивированность топонимической системы. В первую очередь это относится к хоронимии.

Хоронимы

Этот термин относится к большим и малым территориям, как теперь говорят, регионам (от греческого *хора* 'край, страна'). Конечно, есть хоронимы немотивированные, например *Сибирь*, их этимология уводит к языкам коренного населения. Однако в большинстве случаев их мотивация вполне ощутима. Покажем несколько типов хоронимов разной мотивированности.

Как главные пути передвижения, реки становились и первыми основаниями для мотивации именованья территории. Так гидронимы получили второе значение, которое проявлялось в формах с пространственным значением: *на Дону, на Волге, на Кубани*. Надо отметить, что отнюдь не любой потамоним может развивать такое значение, необходимо условие его значительности для региона и страны.

Наряду с таким семантическим словообразованием, хоронимы ис-

пользуют и морфемную деривацию: *Поволжье, Приднестровье, Причерноморье*. Такая словообразовательная модель работает и в апеллятивной лексике: ср. *побережье*, но активность её в топонимии очевидно выше.

Огромное число хоронимов мотивируется культурными топонимами, поэтому мы рассмотрим их в соответствующем разделе. Здесь же обратим внимание на такие хоронимы, как *Урал, Кавказ*, они мотивированы природными топонимами – названиями гор, иначе говоря, оронимами, рассмотреть которые кажется уместным именно сейчас.

Оронимы

К оронимам относят имена собственные любых элементов земного рельефа: гор, возвышенностей, впадин, оврагов; это важно подчеркнуть, так как термин оказывается шире своего этимологического корня – греческого *орос* 'гора'.

Характеристика оронимии в «Русской ономастике» начинается с перечисления народных географических терминов, часто входящих в состав оронимов: *вал, камень, курган, мыс, скала, сопка, холм, хребет; балка, котловина, лог, ущелье, яма; кряж, обрыв, яр, берег, пещера* и многие другие. Этот список, даже в сокращении, даёт представление о разнообразии оронимических объектов.

Отмечают интересную особенность русской оронимии: самые значительные из оронимических объектов непонятны русскому человеку ввиду своего неславянского происхождения: *Урал, Кавказ, Валдай, Хибинь, Алтай, Саяны, Кузнецкий Алатау*; зато менее значительные – часто их элементы – оказываются прозрачными по смыслу: гора *Каменник* на Валдае и в Хибинах; горы *Магнитная, Ежовая, Дикарь, Тёплая, Чёрная* на Урале; *Быстухинский Шпиль, Бийская Грива, Колыванский хребет* на Алтае; пики *Заоблачный* и *Грандиозный* в Западном Саяне. Как видно даже из этого небольшого списка, в состав оронимов активно входит географическая терминология и многие из них носят описательный, аналитический характер.

При этом одно и то же прилагательное может сочетаться с разными терминами: *Каменный – Пояс, Белок, Гребень, Зуб, Рог, хребет*, и напротив, один и тот же термин может сочетаться с серией прилагательных: *яр*, означающий крутой берег (заимствование из тюркских), сочетается с прилагательными: *Красный* (отсюда *Красноярск*), *Белый, Чёрный, Сухой, Тихий, Боевой, Разбойничий, Караульный, Почтовый, Высокий, Берёзовый*; кроме того, в этот список надо включить и тюркские оронимы: *Кызыл-джар, Караяр, Акжар, Кокджар*. Ряд получается внушительный (таким он предстает в статье «Яр» Словаря Мурзаева), особенно если учесть производные от этих оронимов, о которых речь пойдёт позже.

Описательные оронимы часто включают ориентирующие определе-

ния: *Восточно-Сибирское нагорье; Полярный, Северный, Средний и Южный Урал; Западный и Восточный Саян.*

Иногда в качестве определений выступают производные от этнонимов, что мы уже наблюдали, анализируя лимнонимы: *Мещерская низина, Юкагирское плоскогорье, Корякский хребет, Тунгусское плато, Русские горы.*

Есть среди оронимов и однословные названия, полученные за счёт средств словообразования, но они не так многочисленны, как, скажем, потапонимы: *Двугорбая, Магнитная, Кедровка, Белуха.* Последнему орониму посвящена особая статья в «Русской ономастике», где характеризуется эта самая высокая вершина Катунского хребта Алтая и сообщается, что по этой словообразовательной модели построен целый ряд алтайских оронимов: *Мохнатуха, Каменуха, Толстуха, Кремлюха, Мокруха, Воструха, Козлуха, Щебенюха.* Специалисты считают, что эта модель была принесена на Алтай южнорусами и использовалась ими и для именованя рек.

Как и в пелагонимах, среди оронимов встречаются наименования, включающие личные имена: хребты *Вернадского, Обручева;* горы *Крашенинникова.* Особенно часты такие меморативные оронимы в полярных широтах, см. об этом в книгах: Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики (Л., 1972); Попов С. В. Берега мужества (Красноярск, 1982).

Итак, подводя итог рассмотрению природных топонимов, из которых мы отобрали *гидронимы, хоронимы и оронимы,* нужно предупредить читателя, что это далеко не исчерпывающий и не самый детальный очерк топонимии. Вместе с тем он может дать представление о том, как ономастика отражает реальное пространство и как устроены разные типы топонимов. Стоит подчеркнуть, что по отношению к природной топонимии существенно разграничение макро- и микротопонимии, этот признак можно назвать масштабом онима.

К первой группе относят географические объекты национального и даже мирового масштаба, например *Чёрное море* или *Антарктида;* вторая может быть известна небольшому кругу людей, но её значимость для топонимики от этого не уменьшается. К микротопонимии относятся названия ручьёв, покосов, участков речного берега и других «миниатюрных пространств». К сбору микротопонимов, часто вместе с местной географической терминологией, призывали ещё в XIX веке, публикации, в названии которых фигурирует термин *микротопонимия,* насчитывают сотни единиц. Поскольку микротопонимия изменчива, процесс этот кажется бесконечным. Человек, проникнувшись ощущением ценности собирания самых малых топонимических фактов и вооружившись хотя бы представленными здесь знаниями о топонимах, может внести свой вклад в эту топонимическую работу.

Топонимы культурного ландшафта

Топонимами культурного ландшафта мы условились называть именованья таких географических объектов, которые созданы трудом и творчеством человека, которые понимаются как освоение территории.

Важнейшими из них по праву считаются ойконимы. Термин *ойконим*, как и большинство ономастических терминов, образован от греческого слова *ойкос* 'обиталище, жилище, дом' с помощью общего для всех таких терминов форманта *-оним*. Его значение можно сформулировать как *имя собственное пространства обитания человека*. Кстати можно отметить, что от этого же греческого корня образованы всем известные термины *экономика* и *экология*, а их несколько иные звучание и соответственно написание связаны с тем, что к нам они пришли через немецкий язык (*Ökologie, Ökonomik*).

К ойконимам приложимо понятие масштаба: к микроойконимам можно отнести названия **хуторов, заимок**, более масштабны названия **деревень** и **сёл**, далее следуют имена малых и больших **городов**, а далее – названия **стран и континентов** (вспомним понятия *Старый Свет, мир*). Всё это мы будем иметь в виду, рассматривая ойконимы, главным образом русские, и обращая внимание на интересующие нас вопросы мотивированности топонима и языковой техники его образования.

Ойконимы в семантическом плане оказываются между мирами природы и человека и при этом объединяют эти два мира пространственно и семантически. Поэтому они чаще всего представляют собой вторичные онимы, и рассмотрение их в плане мотивированности хорошо терминологически привязать к прилагательным с приставкой *от-*: *оттопонимные, отантропонимные*.

Начнём рассмотрение с оттопонимных ойконимов, мотивированных разными видами топонимов.

Самым популярным мотиватором ойконимов оказываются **гидронимы**, что не требует особых объяснений в связи с той огромной ролью рек в жизни человека, о которой мы говорили в соответствующем разделе. При этом их связь может быть метонимической: имя реки переносится на сложившееся не её берегах поселение. В этом смысле и *Москва*, и деревня *Мишага* на реке *Мишаге* в Новгородской области представляют собой один тип ойконима. В этот список мы должны включить *Воронеж, Нарву, Ишим* и другие имена.

Второй в нашем перечислении, но, может быть, более массовый случай представляет собой деривация названий городов от гидронимов с помощью суффикса *-ск*. Таких городов можно привести десятки. Интересно, что этот тип массово представлен в Сибири, где русские строили города в XVI–XVII веках и пользовались понятными и апробированными моделями: *Омск, Бийск, Тобольск, Томск, Енисейск, Иркутск*. Для тех, кто не так хоро-

шо знает географию Сибири, в названиях этих городов информация о том, что там текут реки *Омь, Бия, Тобол, Томь, Енисей, Иркут*. Конечно, есть такие города и в европейской части страны: *Северодвинск, Уральск, Волго-донск*. Аналогом этого суффикса в новой ойконимии мог бы стать топоформант *-град*, использованный в имени *Волгоград*, но таких названий в заметных количествах не образовалось.

Работают в ойконимии и словообразовательные модели с префиксом *за-* в сочетании с суффиксом *-ск* и флексиями существительного или прилагательного мужского рода: город *Задонск* (Липецкая область), посёлки *Забайкальск* (Читинская область) и *Заокский* (Тульская область), а также с суффиксом *-j-* и флексиями существительного среднего рода: *Замоскворечье*, город *Заволжье* (Нижегородская область), посёлок *Задонье* (Тульская область), деревня *Закибье* на реке Кибе (Новгородская область). Такие имена, помимо простого указания на связь с рекой, включают смысловой элемент ориентированности, так сказать, точку зрения, с которой видится объект, что говорит о его непервичности: сначала должны были возникнуть поселения на одной стороне Дона, чтобы последующие воспринимались как расположенные за рекой.

Гидронимы присутствуют в составе сложных названий городов типа *Ростов-на-Дону, Славянск-на-Кубани, Комсомольск-на-Амуре*. Назначение такой модели – различать одноимённые города (*Ростов* есть ещё Великий, стоящий на озере Неро; *Славянск* – в Донбассе; *Комсомольски* – в Ивановской, Кемеровской, Томской областях), однако громоздкость ограничивает её массовое использование и проблему омонимии ойконимов не решает.

Показательны ойконимы, в составе которых фигурируют термины *река, речка*. Здесь надо вспомнить про «цветовые» потамонимы, они часто появляются в названии населённых пунктов: посёлок *Белоречка* на Урале, города *Белореченск* в Краснодарском крае и Кировской области, *Белорецк* в Башкирии и *Большерецк* на Камчатке; посёлок *Чернореченский* в Кировской области и село *Чернореченское* в Красноярском крае. К ним примыкают названия города *Сестрорецка* под Петербургом – от потамонима *Сестра*; посёлка *Волгореченск* в Костромской области; города в Кемеровской области и посёлков в Коми и Самарской области *Междуреченск*; в Тюменской области есть посёлок *Междуреченский, Заречье*.

Гидроним может присутствовать в названии населённого места не своим прямым наименованием, а каким-то параметром. Так, *Великие Луки* названы по излучинам реки *Ловати*, в которых они расположены: «Ловать именно здесь делает совершенно необычайные излучины, во многих местах как бы поворачивает в обратном направлении» [14, с. 45]. Первое название города, как можно прочесть там же, было простым «повтором» географического термина *Луки (Луки)*, то есть тот же метонимический тип, как в случае с *Москвой*. В конце XV века об этом значительном городе уже пишут

как о *Луках Великих*, центре Великолуцкой волости.

Нельзя не отметить и тот факт, что люди часто селились в устьях рек, отсюда множество ойконимов типа *Устье* в Вологодской области, но часто это сложные слова с первой частью *Усть-* — таких в словаре географических названий более 70, самые известные из них, может быть, *Усть-Илимск* в Иркутской области, *Усть-Луга* в Ленинградской и *Усть-Лабинск* в Краснодарском крае. Кроме того, в этом ряду оказываются названия, где термин *устье* скрыт или слегка затемнён: *Великий Устюг* — это *Усть-Юг*, он стоит при слиянии рек *Юга* и *Сухоны*, то есть в устье Юга; в Новгородской области есть деревни *Устрека* (устье реки) и *Усполюнь* (устье Полоны — информация В. Л. Васильева).

Из гидронимов, как уже можно было убедиться, в мотивации ойконимов активно используются потамонимы, однако нельзя думать, что это их исключительная роль.

Лимнонимы часто служат основой для наименования поселений. В Словаре Мурзаева сообщается: «Бесконечны топонимы со словом *озеро*: *Озерная, Озерное, Озерный, Озерье, Озерец, Заозерье, Озерница, Озерки, Озерище, Озерна, Озерово, Озеровка, Озерск, Озерская, Озерцы, Озеряны*». К ним нужно добавить такие ойконимы, где корень *озер-* сочетается с префиксами (*Заозёрный, Заозёрное*) и оказывается в составе сложных слов, например: город *Белозерск* в Вологодской области, село *Белозерское* в Курганской и посёлок *Белозёрка* на Украине.

От пелагонимов образованы названия посёлков *Черноморский* в Краснодарском крае и *Черноморское* на Украине, города *Беломорск* в Карелии, *Североморск* в Мурманской области и *Балтийск* в Калининградской.

Термин *болото* присутствует в названии города *Болотное* в Новосибирской области и села *Болотнино* в Молдавии.

Даже ручей может послужить основанием для названия села, в чём убеждает село *Ручьи* в Архангельской области.

Итак, можно убедиться в том, что гидронимы последовательно используются в образовании ойконимов, при этом употребляется различная техника — от метонимического переноса, что создаёт омонимические ряды в ономастиконе «река / город», до синтаксических конструкций, как в случае *Ростов-на-Дону*. Из морфемной техники наиболее активным нельзя не признать суффикс *-ск (-цк)*.

Оронимы также выступают мотиваторами названий населённых мест. При этом часто в ойкониме прямо присутствует *гора* или производные от неё: *Белая Гора, Высокая Гора, Лысая гора, Лысые Горы* (посёлки в Якутии, Татарии, Саратовской области), *Горка, Горки* или *Подгорное* — сёла в Архангельской, Воронежской, Томской областях и Казахстане. Шесть посёлков в разных областях носят название *Горный*; есть и двусловные наименования с прилагательным: *Горные Ключи* (Приморский край). Включается корень *гор-* и в сложных топонимах со второй частью *-горье*: села *Бе-*

логорье в Воронежской и Тюменской области, *Синегорье* – посёлок в Магаданской области и село в Кировской; *Загорье* под Красноярском. Здесь, конечно, нельзя не вспомнить пушкинские места: *Тригорское* и *Святогорский* монастырь в Псковской области.

В поздней ойконимии сложился тип с топоформантом *-горск*, прямо указывающий на мотивированность оронимами: *Пятигорск* на Северном Кавказе (калька тюркского *Бештау* 'пять гор'), *Магнитогорск* в Челябинской области, *Дивногорск* под Красноярском, *Черногорск* и *Саяногорск* в Хакасии, *Белогорск* в Амурской и Кемеровской области; *Синегорск* на Сахалине; *Железногорск* в Курской и Иркутской областях, *Медвежьегорск* в Карелии, *Каменногорск* под Выборгом, *Светлогорск* под Калининградом. Обратим внимание на четыре *Лесогорска* – в Ленинградской, Нижегородской, Иркутской областях и на Сахалине, мы еще вернёмся к ним.

Из менее масштабных активно используются оронимы с формантом *яр*, о котором уже шла речь. Так, *Красноярск* получил своё название по красному (и сегодня это можно видеть своими глазами) яру – крутому берегу реки Качи, на слиянии которой с Енисеем и основан город. Отражается он и в других ойконимах: село *Красноярка* в Омской области; станицы *Красноярская* на берегу Цимлянского водохранилища и *Черноярская* в Северной Осетии; посёлки *Заярск* в Иркутской области, *Белоярск* в Алтайском крае, *Белоярский* в Тюменской области, *Белый Яр* в Красноярском крае и Томской области, *Капустин Яр* в Астраханской.

Широко используется и *камень* (кстати, *Камнем* называли раньше Урал). На территории России шесть *Каменных* районов в разных областях и восемь городов и посёлков с названием *Каменка*. Кроме того, «каменный ряд» российских ойконимов пополняют *Каменск-Уральский* и *Каменск-Шахтинский*, *Каменское* на Камчатке, *Каменник* на Кольском полуострове и на Валдае, *Каменногорск* под Выборгом. В качестве самого молодого названия этой серии приводят *Нефтяные Камни* неподалёку от Баку. Характерны такие названия городов и для Украины, где находятся *Каменка*, *Каменск-Днепровский*, *Каменец Подольский*, *Каменка-Бугская*, *Каменица-Волынская*.

Итак, мы видим, что оронимия оказалась включённой в создание названий городов и сёл, посёлков. При этом мы анализировали только наиболее прозрачные названия с русскими языковыми элементами; между тем известно, что *Саратов* – это «обрусевшее» тюркское название, буквально означающее 'жёлтая гора' (*сары тау*), значит, и это имя мы должны отнести к неявным для нас оторонимическим образованиям. Приведенные данные убеждают и в том, что оронимия представляет интерес не только сама по себе как часть природных топонимов, но и своим участием в наименовании заселённого пространства.

Сопоставляя данные об участии гидронимии и оронимии в образовании ойконимов, нужно отметить случаи, когда разграничение этих типов

мотивации затруднительно; так, на основании только языковых данных невозможно определить, что мотивирует название города *Уральск* – имя реки или гор. Обратившись за справкой в Интернет, узнаём, что нынешнее имя городу повелела носить специальным Указом Екатерина II в 1775 году. Причина переименования *Яицкого городка*, как его до этого называли, уникальна: здешние яицкие казаки составили ядро войска Пугачёва, и, подавив восстание, императрица стремилась стереть память о нём, убрав с карты название городка, а заодно и реки, которую велено было именовать с тех пор *Уралом*. С учётом этих исторических данных устанавливаем направление мотивации: ороним → гидроним → ойконим. Кстати отметим, что переименование рек — явление редкое, тогда как переименований населённых пунктов, напротив, было очень много, о чём мы ещё будем говорить подробно.

Завершить характеристику типов отприродных ойконимов можно такими, которые мотивированы растительностью, назовём их условно **ботаническими**. Мы уже могли видеть, что названия растений, в первую очередь деревьев, мотивируют гидронимы. И уже поэтому среди ойконимов можно ожидать большое количество ботанических имён, метонимически перенесённых на близлежащие селения. Именно такой случай представляет собой подмосковный город *Дубна*, стоящий на месте впадения реки *Дубны* в Волгу. Косвенно подтверждает мотивированность названия словом *дуб* и осознание этого современными жителями города – присутствие дуба в гербе города.

Что касается собственной «ботаничности» ойконимов, то стоит отметить регулярность их мотивации словами с семантикой леса. Вспомним четыре *Лесогорска*, которые мотивированы одновременно оронимически и ботанически. К ним можно присоединить *Лесосибирск* в Красноярском крае. Прилагательное от *лес* выступает в качестве ойконима во всех грамматических родах: посёлок *Лесной*, село *Лесное*, деревня *Лесная*; кроме того, оно входит в составные наименования типа *Лесная Волчанка* (посёлок в Свердловской области), *Лесные Поляны* (посёлок в Кировской области).

Не менее активен в ойконимии *бор*, который при всём разнообразии своих значений, показанных, например, в Словаре Мурзаева, связан со словом *лес* и признаётся его синонимом. В этом словаре приводятся такие данные: в Нижегородской области от слова *бор* образованы названия 30 населённых пунктов. И в других регионах России можно встретить *Боровск* (города в Калужской области и Пермском крае), *Борок*, *Борки*, *Боровая*, *Боровое*, *Боровой*, *Заборье*, *Подборовье*, *Сосновоборск*, *Сухоборка*.

В меньшей степени опознаваемы современным городским человеком, но не менее очевидны для специалистов, а иногда и для знатоков диалектной лексики ойконимы, мотивированные существительными, обозначающими разные виды леса. Так, в Словаре Мурзаева находим термины *елань* – 'редкий светлый лиственный лес с луговой флорой' (в Западной Сибири);

елец – 'дубовый или еловый лесок, поросль'; тогда становятся понятными ойконимы *Елань* в Самарской, Тюменской, Кемеровской и Читинской областях; название города *Елец*, нескольких сёл *Ельцовка* в Новосибирской области и на Алтае. Этот же случай мотивации можно видеть в названиях посёлков *Хвойная* в Новгородской области, *Тайга* в Кемеровской, Архангельской областях, Приморском крае, на Сахалине; *Тайгинский* в Иркутской области.

Если говорить о конкретных породах деревьев, зафиксированных в ойконимах, то мы обнаружим примерно тот же список, что и в гидронимах:

• **берёза** (*Берёза, Берёзовая, Берёзово, Берёзовский/ая/ое, десяток Берёзовок, Подберезье*);

• **сосна** (*Сосница, Сосенский, Сосновец, Соснова, Сосновское, семь Сосновок, Сосновый Солонец, Сосновый Бор, Сосноборск, Сосноборск*); три последних топонима оказываются ботанически мотивированы дважды: и корнем *бор-*, рассмотренным выше, и корнем *сосн-*, можно сказать, «ботанизмы» в квадрате;

• **дуб** (десять названий: *Дубки, Дубцы, Дубовка, Дубовое, Дубовский, Дубовское, Дубовый Умёт, Дубовязовка, Дубосеково*); сюда же приходится отнести и ойконимы, мотивированные словом *дубрава* – 'дубовый лес' (или лиственный лес): *Дубрава, Дубравка, Дуброва, Дубровка, Дубровина, Дубровня, Дубровное*; чтобы напомнить о важности дуба для Европы, можно назвать «жемчужину Адриатики» хорватский *Дубровник*;

• **липа** (*Липки, Липицы, Липня, Липово, Липовцы, Липовая Долина*); в этот ряд можно включить *Липецк*, хотя история этого онима сложнее, чем простая деривация от слова *липа*, но связь эта осознаётся горожанами и приезжими, недаром изображение липы входит в герб города, а в прессе можно встретить такие пассажи: *Название Липецку дали тенистые липовые аллеи, которые в своё время удачно дополняли облик города-курорта* (Карьера. – 2001. – № 7). Стоит заметить, что имя немецкого города *Лейпциг* – не что иное, как германская огласовка славянского названия *Липск*, которое поляки используют по сей день.

Не так часто, но встречаются ойконимы, мотивированные названиями таких растений, как ель (*Ельня, Ельники*), ольха (*Ольховка, Ольховатка, Ольшанка*), орех (*Ореховка, Орехово, Ореховск, Орехово-Зуево*), осина (*Осинки, Осиновка*), калина (*Калинино, Калиновка*), малина (*Малиновка*), мох (*Моховая, Моховое, Подмошье*) и даже капуста (*Капустин Яр*).

Итак, подводя итоги анализа той части ойконимов, которые отражают природный ландшафт, мы ещё раз убеждаемся в неразрывной связи природного и культурного ландшафтов. Встраиваясь своими поселениями в природный ландшафт: течение рек, расположение гор и холмов, лесов и зарослей, человек не только учитывает все особенности этого ландшафта, но и отмечает его значимые элементы в именах своих сёл и городов. В этом сказывается «природоцентрическая» тенденция в ономастической деятельно-

сти человека.

Противоположная ей **антропоцентрическая** тенденция проявляется в наличии таких названий населенных мест, которые образованы от обозначений человека.

Самым выразительным образом эта тенденция проявляется в **отантропонимных** ойконимах, мотивированных личными именами. Традиции такого именования мы можем видеть ещё в Византии, где император Константин назвал столицу империи в свою честь *Константинополем*. Видимо, славянам такая модель еще была чужда, потому что они именовали этот город *Царьградом*. Отметим, что в дальнейшем сама морфемная модель именования городов сложными словами со второй частью *-поль*, от греческого *полис*, прижилась в России; количество таких топонимов столь значительно, что позволило Б. Унбегауну написать работу под характерным названием «Имена русских городов: греческий мир» и опубликовать её на французском языке в 1936 году.

Традиция толковать название Киева как притяжательное прилагательное от имени Кия – одного из братьев, основавших город, воспринимается современными учёными как результат бытования легенды, которой свойственна своеобразная «обратная перспектива»: толкование имён героев по местности, а не наоборот. Аргументация такого понимания изложена в статье: **Успенский Ф. Б.** Новый взгляд на этимологию древнескандинавского названия Киева KÖNUGARDR (по поводу статьи Э. Мелин) // Вопросы языкознания. – 2008. – № 2. – С. 73—81.

Русская традиция отантропонимных названий городов начинается, как можно предположить, с города *Владимир*, основанного в 990 г. великим князем Владимиром и названного им в свою честь по мирскому имени (его христианское имя, как уже говорилось, Василий). Как говорится в любом учебнике по исторической грамматике, имя города представляет собой притяжательное прилагательное с суффиксом *-j-* и первоначально писалось *Володимирь*, позднее мягкость последней согласной утратилась и слово обобщили с исходным существительным.

Два десятилетия спустя – в 1010 году — сын Владимира, князь Ярослав, известный нам как Мудрый, основал первый русский город на Волге и так же, как его отец, велел называть его в свою честь – по мирскому имени Ярослав. Так появился город *Ярославль*, имя которого хотя и воспринимается сегодня как существительное, всё-таки отличается от исходного имени благодаря звуку [л'], появившемуся под воздействием на конечный губной согласный посессивного суффикса *-j-*. То есть вначале этот топоним имел вид *Ярославль город*, а затем «сократился» до *Ярославль*.

Еще два десятилетия спустя, в 1030 году, Ярослав отправляется в чудскую землю и там закладывает город, которому присваивает имя *Юрьев* – в

честь своего небесного покровителя святого Георгия (уже говорилось о том, что в русской огласовке это греческое имя произносилось как *Юрий* и *Егор*).

Таким образом, уже в первой половине XII века в русской ономастике сложились две традиции названия городов по имени человека: первая в честь персоны, основавшей город, вторая – в честь православного святого. Надо сказать, что обе эти традиции живы по сей день. Только в рамках первой исключается собственное решение основателя-именователя. Можно сказать, что этот принцип сместился в сторону мемориальную: имя основателя города присваивают в память об этом человеке. Такой случай представляет *Хабаровск*, названный в 1893 г. в память о землепроходце Ерофее Павловиче *Хабарове*, принимавшем участия в освоении Дальнего Востока в середине XVII века. Тут, кстати, можно заметить, что в память об этом человеке названа и железнодорожная станция, только использована при этом не фамилия, что стало обычным для поздних наименований, а сочетание имени и отчества, что в традицию не сложилось, и станция *Ерофей Павлович* остается в русском ономастиконе уникальным фактом.

Что касается второй традиции, то она в XVIII—XIX вв. дала серию названий типа *Георгиевск*, *Георгиевское*, *Георгиевка*, *Павловск*, *Петропавловск*, *Петропавловское*, *Петропавловка*.

Обратим внимание на то, что этой традиции не принадлежит название города *Петропавловск-на-Камчатке*. Он назван по названиям двух кораблей экспедиции командора Беринга, стоявшей в 1740 году в Авачинской бухте, где расположен город, – «Св. Пётр» и «Св. Павел» (Мурзаев 1982, с. 72). Однако совсем отрицать связь имени города с агнионимами *Пётр* и *Павел* нельзя: ведь корабли-то названы в честь святых. Однако непосредственная мотивация ойконима отсылает нас к названиям кораблей.

Одним из самых значимых географических объектов такого типа стал *Петербург*, названный в честь небесного покровителя Петра I – святого *Петра*, переживший смену этого агнионима на фамилию-псевдоним *Ленин* и вновь вернувшийся к первоначальному варианту в конце XX века. При анализе имён менее значительных и менее известных населённых мест бывает трудно различить, агнионимом или чьим-то личным именем мотивирован данный топоним. Так, если мы читаем, что в деревне *Васильевское* Новгородской области есть церковь *Василия Великого*, то с очень большой долей вероятности можем предположить, что и название деревни связано с этим святым. Так же можно рассуждать о городах с именем *Никольск* и поселках с названиями *Никольское* и *Никольский* (их только в Словаре географических названий указано семь), предполагая, что их названия мотивированы обозначением Никольских храмов, а значит, связаны с именем святого Николы.

Важно подчеркнуть, что мотивировать название населённого места могут имена не только сильных мира сего, будь то великий князь, император или землепроходец. В нашем ономастиконе тысячи топонимов, мотивированные именами сейчас уже никому неизвестных людей. Более того, большинство употребляющих этот топоним людей даже не подозревают, что ежедневно упоминают имя какого-то неизвестного им человека. На такие факты обращают внимание топонимисты. Например, в книге Суперанской [60] приводятся данные, подтверждающие антропонимическое происхождение селений, принадлежащих людям с прозвищами, зафиксированными в документах: *Борису Кузьмичу Крюку Сорокоумову-Глебову* принадлежало в XV веке имение *Крюково*; *Ивану Владимировичу Подушке* тогда же – *Подушкино*; а предку А. С. Пушкина *Григорию Александровичу Пушке Морхиниу* – *Пушкино* [60, с. 66]. Такой вид мотивации личным именем (прозвищем!) называют *владельческим*.

Это важно подчеркнуть, так как данное обстоятельство открывает пути для поиска правильного мотиватора: анализируя ойконим *Кашин*, не стоит искать объяснений, связанных с кашей, стоит искать человека с прозвищем *Каша*. Вспомним, что дворянские фамилии иногда давались от топонима, и убедимся, что отношения принадлежности лежат в основе своеобразных ономастических конверсивов: возможны мотивации как топоним → антропоним, так и обратные – антропоним → топоним.

Однако чаще всего обнаружить документальное подтверждение существования владельца с мотивирующим именем или прозвищем не удаётся, и лингвист может довольствоваться тем, что устанавливает отантропонимное происхождение ойконима и имя, от которого он образован. Это уже проливает свет на семантику топонима. Огромный и интереснейший материал такого рода содержится в монографии В. Л. Васильева, из которой мы возьмём только один пример, чтобы представить это ономастическое явление.

Как показало проведённое автором исследование, отымённых ойконимов оказывается гораздо больше, чем это ощущает современный человек. Дело в том, что мотивированы архаичные топонимы именами, ушедшими из антропомикона. Так, название новгородской деревни *Менюша* ни о каком имени не напоминает, между тем автору удаётся установить, что оно производное от личного имени *Менюх* и первоначально мыслилось как *Менюша деревня*, то есть перед нами йотовое притяжательное прилагательное, как в случае с *Владимиром* и *Ярославлем*, и чередование [x//ш] подтверждает это. Такое предположение вступает в противоречие с уже высказанными гипотезами о происхождении топонима от названия рыбы налим, который по разным говорам именуется *мень*, *менёк*, *ментуз*, *мёнух*, *ментюг*.

Какие же аргументы автор приводит в защиту своей гипотезы? Во-первых, маловероятно называние деревни притяжательным прилагательным от названия рыбы – что вроде *налимья*. Во-вторых, название рыбы могло мотивировать прозвище: в новгородских говорах слово *мень* зафиксиро-

вано не только в его прямом значении, но и в переносных по отношению к человеку – 'неповоротливый, неуклюжий', отмечены переносные смыслы и в других говорах, что служит доводом в пользу возможности такого прозвища. Наконец, есть два антропонимических подтверждения: в Словаре Тупикова зафиксирован *Менюк* Гаврилов, целовальник (середина XVI века), а среди фамилий современных новгородцев есть *Менюховы*. Все эти аргументы и приводят к заключению, что в названии деревни *Менюша* сохранилось имя владельца или первопоселенца *Менюха*.

Важно отметить, что топонимы существуют серийно, и это, в частности, служит доказательством их топонимичности, реализации определённых моделей, характерных для ономастической деятельности в определённый период. И в рассмотренном случае автор приводит одноимённые названия деревень и рек на Северо-Западе. В других случаях поиск расширяется до границ Славии, для чего приходится изучить сотни описаний, словарей, карт.

Итак, исследование архаической топонимии Новгородской земли не только выявило круг отымённых топонимов, но и восстановило большой список имен, которые носили первопоселенцы, владельцы или просто жители этих сёл. С общетеоретических позиций полученные данные важны тем, что показывают, что антропоцентрическая тенденция русского топонимикона последовательно действует более тысячи лет, если отсчитывать от 990 года, когда был основан Владимир.

Однако основания для прикрепления имени человека месту не оставались неизменными, можно выделить два типа отымённых ойконимов: **меморативы** призваны увековечить память человека независимо от того, сам он распоряжается об именовании города или это делают другие много лет спустя, а **поссессивы** фиксируют имя владельца и таким образом как бы закрепляют его имущественные права.

Понятно, что вторые возникали на раннем этапе землевладения, позднее новый владелец получал имение уже названным, и мы не располагаем сведениями о практике регулярного переименования «под владельца»; с отменой частного землевладения этот тип именованья ушёл из актуальных, фиксируя имя того, кто когда-то владел этой землей; теперь о продуктивности такого способа именованья говорить не приходится.

Зато первый тип – **меморатив** — с течением времени завоёвывал ономастическое пространство. Менялись претенденты на увековечивание на карте: князей сменили русские императоры, так появились *Екатеринбург*, *Новониколаевск*, *Елизаветград*, *Мариинск*; им на смену пришли революционеры, герои. Эта смена вызвала череду переименований, о которых будем говорить особо.

Но чтобы закончить сюжет с антропоцентризмом ойконимии, надо сказать, что помимо личных имён в образование топонимов вовлекаются ещё, по крайней мере, два типа наименования – по социальному статусу и по этнической принадлежности, поэтому будем говорить о двух типах таких ойконимов – **отстатусных** и **отэтнонимных**.

Из отстатусных ойконимов первыми появились производные от *князь* и его дериватов. До XX века сохранились (и это удивительно, как мы убедимся, рассмотрев проблему переименований) посёлки *Князьи Горы*, *Князевка*, *Княгинино*; поздние отстатусные топонимы включают упоминание царя или императора: города *Царевококшайск* и *Царевосанчурск*, *Царёво-Займище*, *Императорская гавань*. Понятно, что в XIX веке таких названий на карте Российской империи было гораздо больше. На Новгородской земле зафиксированы архаические ойконимы — деревня *Посадниче*, сельцо *Сокольниче*, для их понимания требуются знания о таких социальных статусах, как *посадник* и *сокольничий* [26].

Отэтнотонимные ойконимы нам уже приходилось анализировать в связи с *чудью*, отразившейся в названии города *Чудова*. Интересный в этом отношении пример представляют собой имена сибирских городов *Братск* и *Ачинск*. Как мы можем узнать из «Русской ономастики», первый из них мотивирован этнонимом *буряты*: еще до возведения в 1631 году Братского острога, из которого вырос современный город, в документах есть данные о походах енисейских казаков «в *Брацкую* землю», то есть *бурятскую*; второй же обязан своим происхождением *ачинским татарам* — так русские в XVII веке называли здешних обитателей хакасов.

Интересно отметить, что в ойконимии отражается и такая человеческая характеристика, как **религиозность**. В силу этого ономастического принципа мотиватором русских ойконимов выступает христианская лексика, в первую очередь ономастическая. Мы уже говорили о том, что среди русских городов рано появляются такие, что названы в честь православных святых (*Юрьев*, *Санкт-Петербург*); кроме того, сёла и города называли **по церквям**. Так надо понимать имена городов: *Архангельск*, *Благовещенск*, *Богородск*, *Богословск*, *Воскресенск*, *Иваново-Вознесенск*, *Никольск*, *Покровск*, *Спасск*, *Троицк*, *Троицкоозёрное*; сёл и деревень: *Архангельская*, *Архангельское*, *Богородское*, *Рождество*, *Богорождественка*, *Воскресенское*, *Покровка*, *Троицкое*, *Успенская*, *Успеновка*.

Этот круг ойконимов проанализирован в статье Горбаневского [31], где приводятся такие важные факты: подобные названия населённых мест появляются в России со второй половины XV века и становятся особенно массовыми в XVIII—XIX вв., когда их доля среди ойконимов Московской губернии достигает 10–12 %. Даже в современной Московской области такие названия составляют 7 %; есть данные и по другим центральным областям — 5—9 %. Автор обращает внимание на сложность различения некоторых таких названий и отантропонимных; так, сопоставляя названия двух подмосковных сёл *Ивановское*, автор устанавливает, что одно названо по фамилии владельца, помещика Автамона Ивановича *Иванова*, а другое — по церкви *Иоанна Предтечи*, построенной в 1831 г. на средства владельца села, графа Орлова [29, с. 19]. Таким образом, на основе этиологических данных удаётся установить, что первый ойконим — отантропонимного происхожде-

ния, а второй – отцерковного; на основании собственно языковых данных это сделать невозможно.

Не рассматривая детально проблему отражения религиозных мотивов в топонимии, отметим только, что этот принцип не относится к специфически православным, о чём говорят бесчисленные христианские названия с первой частью *Сан-*, *Санта-*, означающей 'святой', и различными именами святых (*Пауло*, *Барбара*, *Франциск* и т.д.), американский *Лос-Анджелес* и чилийский *Лос-Анхелес*, а также имя столицы Пакистана *Исламабад*, которое без всякой специальной подготовки прочитывается как 'мусульманский город, город ислама'; второй элемент ойконима – тюркское и иранское – *абад*, 'населённое место', встречаем в таких именах, как *Хайдарабад* (в Индии и Пакистане), а также на советской карте: *Ашхабад*, *Кировабад*, *Ленинабад*.

Итак, можно сказать, что отражение религиозных моментов в ойконимии – ономастическая универсалия, однако её проявление в разных национальных ономастиконах не совпадает: множество испанских и португальских ойконимов в Латинской Америке дано по дню их основания – в честь католического святого, чья память отмечается в этот день.

В особую группу следует выделить «**ойконимические**» **ойконимы**, в семантике которых присутствует информация о населённом пункте как таковом, без обращения к географическим или человеческим факторам. В состав таких имён, обычно сложных или составных – двусловных, входят термины, обозначающие тип населенного пункта (город, село, деревня), и определение.

Одно из самых частых определений – *новый*, отсюда многочисленные *Новгороды*, *Новые деревни*, *Новая Заимка*, *Новое Село*. Однако чаще вторую часть такого наименования составляет уже известный ойконим, что говорит о более позднем появлении именуемого объекта: *Новая Ладога* и *Новозыбков*, *Новый Оскол*, *Новоалександровск*, *Нововязники*, *Новокубанск*, *Новокузнецк*, *Новомосковск*, *Новошахтинск*. При этом, как можно заметить, отношения первичного и вторичного ойконимов складываются по-разному:

- а) первичный повторяется в «новом» (*Вязники* → *Нововязники*);
- б) первичный служит основой для суффиксальной деривации (*Москва* → *Новомосковск*);
- в) в актуальном топонимиконе присутствует только вторичный ойконим, первичный же утрачивается, как, например, произошло с именем города на юго-западе Брянской области *Новозыбков*: оно появилось после перенесения центра уезда из *Нового Места* в *Зыбкое* и наименования нового центра «слившимся» именем *Новозыбка*, из чего и получилось современное *Новозыбков*.

Особый случай представляет собой имя города *Новороссийск*, являющееся производным от неизвестного современным россиянам топонима *Новороссия*, который со второй половины XVIII века закрепился за южны-

ми губерниями Российской империи, вошедшими в её состав в результате войн с турками. Эти новые территории – степи Северного Причерноморья и Крым – именовались с помощью этого термина вплоть до революции 1917 года, в составе Советского Союза они были разделены на южные области и края Российской Федерации и южные области Украины. Кстати можно отметить, что университет в Одессе первоначально назывался Новороссийским университетом.

Столь же нестандартным оказывается и ойконим *Новосибирск*, который появился в результате переименования: царский элемент в дореволюционном имени города *Новониколаевск* требовалось заменить на что-то менее монархическое, и воспользовались нейтральным для региона корнем *сибир-*, оставив корень *нов-* и прежний суффикс. Разумеется, *Новосибирск* не самый старый сибирский город, но и отнюдь не самый новый.

Кстати говоря, имя *Новгород* носит самый древний в России город, как любят писать журналисты. Вечно новый город, новизна же его не абсолютная, а относительная – относительно предыдущего поселения, место которого именуется Рюриково Городище. Впервые упомянутый в летописи под 859 годом *Новгород* готовится отметить своё 1150-летие.

Новизна поселения как основание для его наименования может быть отнесена к ономастическим универсалиям: топонимы с корнем *нов-* можно найти на карте любой страны; примеры может привести каждый: *Нью-Йорк* и *Нью-Дели*, *Нови-Сад* и *Нойбург*. Здесь можно отметить, что таким образом именуются не только населённые пункты, но и природные объекты – острова, территории: *Новая Гвинея*, *Новая Зеландия*, *Новая Каледония*, *Нью-Джерси*.

Другая линия различения ойконимов с одним и тем же «ядерным» элементом – размер, величина – порождает пары ойконимов с прилагательными *малый* → *большой/великий*: *Малая Вишера* и *Большая Вишера* в Новгородской области, при этом первая – районный центр и больше *Большой*. Часто «размерные» ойконимы существуют в одиночку, то есть их параметры выявляются не относительно других, а в истории одного населённого пункта: *Великий Устюг*, *Великие Луки*, *Великий Новгород*. По данным Словаря географических названий, составных и сложных ойконимов с корнем *велик-* типа *Великодворский* или *Великие Луки* почти 50; а с корнем *больш-* – более 70 (*Большая Ижора*, *Большое Козино*, *Большие Березники*, *Большеотроцкое*). В то же время с корнем *мал-* находим полтора десятка ойконимов (*Малоярославец*, *Малое Козино*). Казалось бы, в этот ряд нужно поставить ойконимы с корнем *средн-*, которых в Словаре географических названий находим чуть меньше десяти, однако их «срединность» оказывается чаще всего перенесённой с природных топонимов: имя города *Среднеуральск* – производное от оронима *Средний Урал* (часть Уральских гор между реками Осянка и Уфа).

Третью линию различения ойконимов с одним «ядерным» элементом можно назвать вертикальной: по этой линии ойконимы дифференцируются

с помощью прилагательных *верхний* / *нижний*. Понятно, что эта линия основана на ориентации по течению рек, на которых чаще всего поселялись люди. В истории разных городов можно прочесть примерно такие строки, как в истории Ачинска: «*Ачинский острог... был построен тогда у Сызырима, к востоку от реки Июса, примерно в 60 верстах к северу от большой Красноярской дороги и перевоза на этой реке. Нападение киргизов в 1682 году, во время которого Ачинский острог был полностью разрушен и сожжен, явилось причиной того, что новый острог был поставлен уже ниже по течению Июса, на его восточном берегу, на расстоянии приблизительно 100 верст от Мелесского острога*» [14, с. 29]. Если бы второй острог был поставлен не вместо, а наряду с первым, вполне возможно, что появился бы ойконим *Нижний Ачинск*.

По данным Словаря географических названий, на нашей карте более полусотни ойконимов с корнем *верх-* (*Верхний Тагил, Верхнеуральск*) и чуть больше сорока с корнем *нижн-* (*Нижний Ингаиш, Нижневартовск*). При этом обнаруживаем пары типа *Верхнебаканский* и *Нижнебаканский* – посёлки в Краснодарском крае; сёла *Верхнеимбатское* и *Нижнеимбатское* в Туруханском районе Красноярского края; *Верхние Серги* и *Нижние Серги* в Свердловской области, *Верхний Тагил* и *Нижний Тагил* там же.

Реальное содержание ориентирующих определений может быть не всегда ясно не только нашим современникам, но и специалистам. Показательный пример – *Нижний Новгород*, имя которого, по мнению одних топонимистов, связано с *Великим Новгородом*, по отношению к которому он находится «в понизовье»; по мнению других, *Нижний* был и нижним, и новым по отношению к поселению, которое известно в исторических документах как *Городец Радилев* [14, с. 143].

Подводя итоги рассмотрения типов ойконимов по их мотивированности, можем сказать, что они обращены с трём фрагментам ономастического пространства: природным топонимам, антропонимам и примыкающим к ним пластам лексики, а также к собственно ойконимии. Нельзя не отметить тот факт, что при высокой степени мотивированности, даже с учётом исторических данных, часть ойконимов оказывается загадочной и таинственной, привлекая внимание этимологов и часто становясь предметом так называемой «народной этимологии». Недаром у фольклористов принято в экспедициях интересоваться прозаическим жанром, который получил название топонимическая легенда.

Интересно отметить, что такие легенды возникают иногда прямо на наших глазах: совсем недавно после того, как неподалёку от новгородской деревни *Велёбицы* разбился самолет, стали говорить о том, что это неспроста: ведь само название говорит о том, что здесь «Бог велел биться». На самом деле имя этой известной в истории деревни (неподалёку от неё в 1471 году новгородцы потерпели поражение от войска Ивана III, что означало падение Новгородской республики и присоединение новгородских земель к Москве) происходит от антропонима *Велеба* и означает 'поселение рода *Велебичей*'; подтверждения такой интерпретации обнаруживаются в

славянской топонимии и антропонимии [36, с. 248–249].

Задаваясь вопросом, что ещё составляет топонимию культурного ландшафта, кроме ойконимов, мы распределим их по масштабам, рассматривая сначала населенные территории, то есть единицы более крупные, чем населенный пункт, а затем – менее крупные.

Из топонимов, обозначающих территории более крупные, чем населенный пункт, следует рассмотреть **хоронимы** от названий городов, чаще всего с помощью суффикса *-щина*: *Орловщина, Рязанщина*. Надо сказать, что этот суффикс воспринимается как украинский (ср.: *Полтавщина, Киевщина*), и не всем нравятся образования типа *Новгородчина, Вологодчина*. Более приемлемыми русским людям кажутся аналитические образования типа *Новгородский край, Вологодский край* или дериваты типа *Подмосковье, Поволжье*. В хоронимах, как мы видим, пересекаются природное и культурное пространства.

Хоронимы еще более крупного масштаба – государства – мотивируются, как правило, этнонимами. Первоначально этнонимы метонимически именовали и занимаемые этносом территории; вспомним уже упоминавшийся «путь из варяг в греки»: *варяги* – это территория варягов, то есть нынешняя *Скандинавия*, а *греки* – страна греков, или *Византия*. Позднее названия стран получали форму чаще всего с финалью *-ия*, отсюда *Турция, Румыния*.

Интересно, что эта модель для обозначения стран до сих пор работает в польском языке: на польских картах находим страны с названиями *Niemcy* и *Włochy* – это Германия (буквально 'немцы') и Италия (буквально 'влохи' – так поляки называют итальянцев); говоря об этих странах, используют формы *w Niemciach*, *wo Włochach*.

Конечно, не всегда здесь наблюдаются формальная регулярность и смысловая прозрачность. Так, топоним *Польша* по-русски не совсем типичен (ср. латинское наименование страны *Полония*), а название *Россия* оказывается предметом споров среди историков языка и этимологов.

Иногда для понимания внутренней формы названия страны необходимы знания об исторических реалиях, так, жителей современной *Германии* мы называем немцами, а название страны пониманием как мотивированное древним этнонимом *германцы*.

В плане современных отношений иногда название жителей страны оказывается мотивированным названием страны; так обстоят дела с *Данией* (датчане), *Норвегией* (норвежцы), *Испанией* (испанцы), *Италией* (итальянцы).

В целом можно сказать, что между названиями страны и её жителей практически всегда существуют деривационные связи, хотя и разной направленности: «жители→страна» или «страна→жители». Поэтому естественно, что после исчезновения с карты мира страны СССР и появления России как отдельного государства стали говорить о *россиянах*, содержание

этого обозначения предлагалось понимать шире, чем этноним *русские*: все, кто живёт в России. Однако этот неологизм вызывает, скорее, неприятие своей искусственностью и отсутствием традиции его использования.

Важно отметить связь между хоронимами и названиями государств. Так, названия регионов Российской империи: *Украина (Малороссия)* и *Белоруссия* – стали сначала административными хоронимами – названиями республик, а затем названиями государств. В самом конце XX века на карте Европы появились государства *Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина*, названия которых представляли собой именованья республик (регионов) *Югославии*. Иначе говоря, они тоже из хоронимов перешли в названия стран. Конечно, за этими топонимическими изменениями стоят серьёзные политические события, часто трагические, но мы сейчас обращаем внимание на изменение ономастического статуса имени территории.

Если говорить о топонимах культурного ландшафта более мелких, чем населённый пункт, то следует сказать в первую очередь о церковных сооружениях, которые составляют важную черту культурного ландшафта России. Во-первых, как уже было сказано при рассмотрении ойконимов, доминантой пространства часто оказывалась часовня или церковь, по которой получало имя поселение, отсюда множество *Троицких, Покровских, Благовещенских*. Во-вторых, культурный ландшафт России нельзя представить без монастырей, которые вносили в ономастикон агионимы (*Антониев* и *Юрьев* монастыри *Великого Новгорода*), иногда повторяли ойконимы, как *Хутынский* монастырь там же – близ деревни *Хутынь*. Кстати, имя основателя последнего монастыря *Варлаам Хутынский* показывает, что и ойконимы иногда оказывались отражёнными в агионимии.

Особый тип топонимов культурного ландшафта составляют именованья путей сообщения. Мы уже говорили о «пути из варяг в греки», можно вспомнить *Великий шёлковый путь*, но чаще всего именованье получают дороги между двумя городами, поэтому названия путей чаще всего образованы от ойконимов: *Смоленская дорога, Муромская дорога, Московский тракт, Рижское шоссе*. С появлением железных дорог появились такие топонимы, как *Транссибирская магистраль, Октябрьская железная дорога*. Интересно, что и названия дорог могут выступать мотиваторами ойконимов, о чём говорят такие топонимы, как *Задорожье, Дорожный, Придорожное*, а также *Железнодорожный* – название подмосковного города и четырёх поселков в разных областях.

Благодаря дороге возникали новые типы поселений и соответственно новые типы ойконимов; так, в Словаре Мурзаева указывается, что лексема *дворики* имела значение 'небольшие поселки по дорожным трактам', и приводятся топонимы: *Дворики, Орловские Дворики, Высокие Дворики, Чернореченские Дворики*, а также *Великодворский* и *Великодворье*.

При организации почты возникли специальные обеспечивающие её работу селения, получившие названия *ям* (из тюркского 'почтовая станция,

почтовые лошади', известно в русских текстах с 1267 г.), что отразилось в ойконимии: см. сёла *Ям, Ямское* в разных областях, а также сложные топонимы *Николо-Ям, Ям-Ижора*; тут нельзя не вспомнить и знаменитую *Тверскую-Ямскую* улицу в Москве и менее знаменитую *Николо-Ямскую*.

Самыми многочисленными и разнообразными по мотивации и языковой технике оказываются наименования малых пространств внутри города, например улиц, о которых только что зашла речь. Им будет посвящен особый раздел книги, а в завершение этого необходимо сделать несколько итоговых замечаний.

Как можно было убедиться, знакомясь с разными типами топонимов, их совокупность представляет собой сложное и многократно пересекающееся пространство, отражающее как природный, так и культурный ландшафт огромных территорий со сложной историей. Это позволяет нам, наряду с терминами *природный* и *культурный ландшафт*, ввести понятие **ономастический ландшафт**, имея под ним в виду совокупность всех онимов в их сложном взаимодействии, образующем неразрывную ткань, отражающую природный и культурный ландшафты и определённым образом формирующим их восприятие, видение. Ономастический ландшафт обеспечивает членение реального ландшафта, иерархизацию его элементов, их связи и переклички. Для восприятия ономастического ландшафта важны такие параметры, как соотношение понятного и иноязычного, архаического и нового, типичного, естественного и странного, экзотического, наконец, эстетически приемлемого и сомнительного. Чтобы ощутить инакость ономастического ландшафта, достаточно в незнакомом городе подойти к расписанию пригородных автобусов: вы окунётесь в массу новых и таинственных имён, вызывающих странное чувство любопытства и удивления. Такое же ощущение может вызывать изучение карты неизвестной местности или простое чтение дорожных указателей в далёком путешествии.

Понятие ономастического ландшафта необходимо нам для того, чтобы увидеть, как он изменился в течение последнего столетия. Иными словами, в завершение этого раздела мы рассмотрим проблему **переименования** ойконимов.

В целом надо сказать, что ойконимии придаётся большое символическое значение: имя воспринимается как знак принадлежности, как некий идеологический манифест. Это обстоятельство вызывает множественные переименования как попытки перекроить ландшафт, переосмыслить его в новых реалиях. Как один из исторических прецедентов можно вспомнить ономастическую судьбу поселения на побережье пролива *Босфор*: его первоначальное имя *Византий* было заменено на *Константинополь*, когда он превратился в столицу империи с императором *Константином*, а затем в результате завоевания Византии турками – на *Стамбул*, имя которого, согласно Фасмеру, происходит из греческого выражения «ис тон полис» 'в город, то есть в Константинополь'. Второй прецедент из русской истории

XVIII века приводился в связи с анализом ойконима *Уральск*: это имя было присвоено городу Екатериной II, чтобы стереть память о *Яицком городке*, как он именовался до этого, и живших в нём яицких казаках, составивших основу войска Пугачёва; заодно и река *Яик* была переименована в *Урал*.

Ономастический ландшафт России XX века пережил серию потрясений, получивших отражение в особом словаре – Словаре Пospelова. Материалы этого словаря – 2500 имён! – позволяют судить о масштабах этих процессов, а вступительные замечания автора – извлечь информацию об их причинах и принципах.

Главный из таких принципов – идеологический: оказавшись у власти, большевики решительно и последовательно изменяли не только социальную реальность в стране, но и её ономастический ландшафт. В 1923—1936 гг. было принято 12 декретов и постановлений, определявших правила переименования населённых пунктов. Несмотря на то, что выходит постановление о прекращении переименований с 1 июня 1936 г., они продолжают с прежней интенсивностью. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1957 г. запрещал присвоение географическим объектам имен исторических деятелей при их жизни, что несколько замедлило темпы переименований, но не исключило их.

Как же происходило планомерное изменение ономастического ландшафта страны?

Во-первых, на карте были ликвидированы все отстатусные ойконимы, что должно было восприниматься как ономастическое подтверждение изменения социальной структуры общества. Так, отменены все топонимы, в состав которых входили корни *цар-*, *император-*, *князь/ж-*: *Царевококшайск*, *Императорская гавань*, станция *Великокняжеская*. В ходе искоренения монархических онимов с карты было стёрто всё, что было связано с династией Романовых: *Романов-на-Мурмане*, *Романовский Хутор*, *Романово-Борисоглебск*. Интересно, что последний не имел никакого отношения к августейшей фамилии, а получил название в XIV веке по имени князя Романа Васильевича.

Уничтожению подлежали и ойконимы, образованные от имён представителей царствующих фамилий: *Екатеринбург*, *Екатеринодар*, *Новониколаевск*. Удивительно, но некоторые из таких наименований сохранились: *Александрия*, *Александровск-Сахалинский*, *Мариинск*, *Николаевск-на-Амуре*, *Павловск*.

Объявив себя атеистическим государством, Советский Союз старался освободить свой ономастический ландшафт от религиозных ойконимов: *Воскресенск* переименован в *Истру*; *Богородск* – в *Ногинск*. Однако здесь что-то зависело от степени атеистичности местных властей, иначе как объяснить то, что сохранились названия городов: *Архангельск*, *Благовещенск*, *Троицк*, *Спасск-Рязанский* и *Спасск-Дальний*, а также десятков деревень типа *Архангельское*, *Благовещенское*, *Воскресенское*, *Спасское*, *Никольское*?

Наконец, особую линию переименований составила замена неэстетичных названий, которых среди деревенских имён было немало. В особом приложении к словарю Пospelова приводятся такие ойконимы, как *Безобразово*, *Большое Сукино* и *Кобелево*, *Водопьяново* и *Пьяный Рог*, *Вшивка*, несколько *Голодаевок* (в том числе *Княжья*), *Грязнух* и *Грязнуш*, *Дураково*, *Матюки*, *Мошонки*, *Свинолуповка* и т.п. Не согласовывались такие топонимы с тем, что людям внушалось, будто они живут в самой прекрасной стране. В порывах эстетизации топонимии предлагалось переименовать даже *Херсон*.

Чем же заменялись неподходящие новой власти топонимы? Здесь можно обнаружить, по крайней мере, три случая.

В первом ойконимы переориентировались с антропосферы на природу, что можно считать наименьшей из потерь, которые понёс ономастический ландшафт. Город *Воскресенск* переименован в *Истру* по названию реки, на которой он расположен, так ойконим из религиозного превратился в гидронимный, что весьма характерно для русской топонимии. То же можно сказать о переименовании *Романова-на-Мурмане* в *Мурманск*: *Мурманом* еще в XIX веке называли северное побережье Кольского полуострова, что специалисты толкуют как искажение слова *норманны*, которые эпизодически появлялись здесь с грабительскими набегами. Название *Мурман* уже было использовано для наименования *Мурманской железной дороги*, благодаря которой и возник город как её конечный пункт.

Во втором случае в ономастикон настойчиво вводили ключевые понятия новой идеологической системы: *пролетариат*, *труд*, *свобода*, *советы* – и главный цветовой символ революции – *красный*. Так, *Императорская гавань* стала *Советской гаванью*, станция *Великокняжеская* – *Пролетарской*, а *Царевококшайск* превратился в *Краснококшайск* (сегодня это *Йошкар-Ола*). Вообще масштабы «покраснения» карты страны поражают воображение: даже совершенно не идеологические *Белые Струги* были заменены на *Красные Струги*, а *Белый Ключ* – на *Красный Ключ*. Прилагательное *красный* прибавлялось к уже известным топонимам, в итоге появились *Красный Лиман*, *Красные Баки*, *Красный Сулин*. Заново были сконструированы такие ойконимы, как *Красный Луч*, *Красный Маяк*, *Красное Эхо*. Корень *красн-* звучал в десятках названий типа *Краснодар*, *Краснодон*, *Красноармейск*, *Красногвардейск*, *Красномайский*, *Краснооктябрьский*. 'Красный' звучало не только по-русски, это же значение имеют тувинское *Кызыл*, бурятское *Улан-Удэ*, марийское *Йошкар-Ола*, ненецкое *Нарьян-Мар*.

Обратите внимание: Красноярск нельзя включать в этот ряд. Красный Яр называется так не из идеологических, а вполне реалистических соображений: обрыв действительно красноватый, к тому же русским не пришлось придумывать своё название, а только перевести тюркское Кызыл Джар, и было это в XVII веке.

В третьем случае на карте появилось невиданное доселе количество **меморативов** – названий, увековечивающих революционеров, а в дальнейшем советских государственных деятелей. Так, *Романовский Хутор* стал *Кропоткином* – в память анархиста П. А. Кропоткина, *Романово-Борисоглебск* стал *Тутаевом* – в память о красноармейце И. П. Тутаеве, погибшем в 1918 г. во время Ярославского мятежа.

Меморативы, о которых уже приходилось говорить, вполне могут быть отнесены к ономастическим универсалиям. В Словаре Пospелова приводятся такие факты: при Александре Македонском – а это IV век до нашей эры – имя *Александрия* получили 18 городов; имя *Цезаря* августа при его жизни было дано 22 городам. Мы уже вспоминали русские города: *Владимир*, *Ярославль*... Однако есть важное отличие: до большевиков имя человека давалось городу, если он имел к нему какое-то отношение: основал, построил, побывал, наконец; они же ввели в практику чистую меморативность, безразлично к именуемому месту.

Так, многие деревни *Романово* были переименованы в *Ленино* – как отражение смены правителя. В результате к 1954 г. на карте имя *Ленина* повторялось 16 раз, *Сталина* – 12, *Кирова* – 23 [13]. Понимая, что такая практика ведёт к появлению массы одноимённых населённых пунктов, использовали разные топонимические модели (ср.: *Ленин*, *Ленино*, *Ленинск*, *Ленинский*, *Ленинское*, *Ленинские Горки*, *Ленинград*, *Лениногорск*, *Ленинполь*, *Ленинабад*, *Ленинаван*, *Ленинакан*, *Ленингори*, *Ленинкент*, *Ленин-Джол*), кроме того, обращались не только к его партийной кличке, но и к его фамилии (*Ульяновск*), отчеству (*Ильичёвск*). Однако это не устраняло однообразия карты, если вспомнить, что на ней были ещё и каналы, водохранилища, пики, колхозы *имени Ленина*. Предполагалось и Москву переименовать в *Ленинск*, но по каким-то причинам это решение не было осуществлено.

Стоит отметить, что присутствие имени Ленина на карте страны воспринималось (преподносилось?) как позитивный момент, нуждающийся в изучении и пропаганде. Об этом говорит факт публикации специальных работ: **Ерофеева И. А.** Имя Ленина на карте Родины (М., 1977. – 224 с.); Имя Ленина на карте Москвы (Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. – М., 1985. – С. 24–32), а также цикл статей **Е. М. Пospелова**: Имя В.И. Ленина на географической карте (География в школе. – 1960. – № 2. – С. 2–4); Названо именем Ленина (Природа. – 1961. – № 4. – С. 43–48); Лениниана в топонимии городов мира (Топонимика. Вып. 5. – М., 1971. – С. 5–6); Лениниана на карте Советского Союза (География в школе. – 1977. – № 6. – С. 87 – рец. на книгу И. А. Ерофеева); Крушение мифа: создание и крах топонимической Ленинианы (Топонимия России. – М., 1993. – С. 3–9).

Вот последние отголоски «крушения Ленинианы»: в 2006 году по случаю 15-й годовщины независимости Республики Таджикистан ре-

шением президента Э. Рахмонова *пик Ленина* (7134 метров над уровнем моря) назван *пиком Независимости Таджикистана*.

Меморативный принцип ойконимии, безусловно преобладающий в практике советских переименований, приводил к тому, что некоторые города многократно меняли свои названия – вслед за переменной оценок того или иного деятеля:

Пермь в 1940–1957 гг. побывала *Молотовом*, затем после разоблачения культа личности *Сталина* имя одного из его ближайших соратников было снято, и городу вернули прежнее название, отэтнонимное по своему происхождению — так именовали предков нынешних коми и удмуртов. *Рыбинск* в 1946 г. переименован в *Щербаков* – в память о советском государственном деятеле А. С. Щербакове, в 1957 г. ему вернули прежнее имя, а в 1984 г. вновь переименовали в *Андропов* – в память о Ю. В. Андропове, чтобы через пять лет вновь вернуть прежнее название; посёлок *Иващенко* в 1918 г. переименовывается в *Троцк*, а затем в *Чапаяевск*.

Е. М. Поспелов приводит такие красноречивые факты: «При Сталине село *Блюхерово* (Еврейская авт. область) после ареста «врага народа» получило название *Ленинское*; в ходе разоблачения Сталина посёлок *Нижний Сталинск* (Якутия) был переименован в *Ленинский*; при ликвидации названий, присвоенных в честь сталинских подручных, Московский метрополитен, носивший имя Кагановича, стал *имени Ленина*» [13, с. 5].

Оборотной стороной меморативного принципа оказались массовые переименования, целью которых было не насадить память о том или ином лице, а стереть память о целых народах. Как продолжение репрессий военных лет прошли сплошные переименования в Поволжье, Крыму и Калмыкии, откуда были депортированы поволжские немцы, крымские татары и калмыки. О размерах этих репрессивных переименований можно судить по материалам статей И. Н. Голубевой «Переименования в Калмыкии» и Р. А. Комаровой «Из истории немецкой топонимии в Поволжье» в сборнике «Топонимика и межнациональные отношения» (М., 1992). Так, в Калмыкии, которая была упразднена как автономная республика с распределением территории между Ставропольским краем, Астраханской и Ростовской областями, сохранились названия только двух населенных пунктов, остальные были обозначены на картах после 1943 года именами типа *Степной* (столица Калмыкии Элиста), *Свободный*, *Огородный*, *Грейдерный*. После того, как в 1957 году автономия была восстановлена, столице и части сёл были возвращены прежние названия, но в целом ономастический ландшафт не вернулся к довоенному – калмыцкому – состоянию, и степень его русифицированности выросла весьма значительно.

Полностью была переименована отвоёванная у Германии Восточная

Пруссия, ныне Калининградская область. Понятно, что цель этого переименования – полная русификация и советизация топонимии как способ «стереть с земли» следы немецкого присутствия. Так, столица Восточной Пруссии *Кёнигсберг* ('королевская гора') была переименован в Калининград в память о «всесоюзном старосте» *М. И. Калинин*, который к этому времени умер и в честь которого ещё при его жизни уже были переименованы *Тверь* в *Калинин* и подмосковные *Подлипки* в *Калининград*. Остальные города новой области получили названия *Светлогорск* и *Зеленоградск*, *Советск*, *Славск*, *Гвардейск*, *Правдинск*, *Балтийск*, *Багратионовск*, *Черняховск*, *Гусев*.

Последнее массовое переименование было предпринято в 1972 году на Дальнем Востоке – для ликвидации китайских топонимов.

В результате этих процедур новая топонимия отличается унифицированностью, искусственностью, безликостью и перегруженностью идеологическими названиями типа *Правдинск*, *Победа*, *Советское*, *Первомайское*.

Как же можно охарактеризовать русский ономастический ландшафт к концу 1980-х годов?

Во-первых, это был совершенно другой ландшафт, чем, скажем, в начале XX века, что нельзя интерпретировать иначе, как ситуацию культурного разрыва. Так, читая русскую классическую литературу, трудно соотнести описываемые там события с реальным пространством.

Во-вторых, карта страны стала не столько национальной, сколько идеологической; при этом объективно топонимия разных территорий оказалась унифицированной и русифицированной, национальный компонент «заглушён». При этом новые идеологические названия часто оказывались «не топонимичными»: практически непроизносимые сложные и составные наименования типа *Демьянобедновск*, *Карло-Либкнехтовск*, *Кирово-Чепецк*, *Ежово-Черкесск*, *Красногвардейск*, посёлок *Памяти тринадцати борцов*; масса прилагательных среднего рода типа *Приозёрское*, *Первомайское*; множество числительных (*первый*, *второй*). Всё это препятствовало выполнять топонимии её главную функцию – адресную, различать территории и их отдельные точки.

В-третьих, карта оказалась «заселённой» массой имён людей, ежедневно и многократно упоминать которых казалось не только неестественным, но и морально неприемлемым. Эта неприемлемость усиливалась с каждой новой публикацией о неизвестных фактах советской истории: репрессиях, стратегии революционных преобразований и военных действий в разные периоды, цене, которую пришлось заплатить народу за все успехи социалистического строительства и военные победы.

В целом эта ситуация всё настоятельнее воспринималась как форма языкового насилия, отрицания исторических связей и насаждения идеологии, состоятельность которой таяла с каждым годом.

Эти обстоятельства в контексте социальных перемен, которые остались в истории нашей страны под названием перестройка, обусловили вол-

ну переименований, которая буквально захлестнула страну в начале 1990-х. Словарь Поспелова содержит впечатляющие материалы о переименованных городах, сёлах и улицах, предисловие автора заканчивается словами о том, что добиться полного восстановления исконных названий – наш долг. В этой ситуации повысилась ценность топонимических и исторических знаний, пресса заполнилась публицистическими статьями с требованиями вернуть старые имена городам и сёлам.

Переименование в сентябре 1991 года *Ленинграда* в *Санкт-Петербург* (ему предшествовал референдум горожан, 54 % которых высказались за возвращение названия) стало знаковым событием в этом процессе и своеобразным катализатором массового возвращения старых имён. Вернули себе старые имена *Рыбинск*, *Самара* (переименованная в *Куйбышев*), *Ижевск* (переименованный в *Устинов*), *Шарыпово* (переименованное в *Черненко*) и десятки городов на пространстве «ближнего зарубежья», получившие возможность вернуться к национальным, а не унифицировано-коммунистическим топонимам, как *Бишкек*, отказавшийся от фамилии революционера *Фрунзе*.

В ходе этого топонимического возрождения происходит десоветизация и, как неизбежное следствие, дерусификация даже в плане орфографии и морфемной структуры ойконимов. Так, эстонцы предпочитают видеть написание своей столицы с двумя парами согласных – *Таллинн*, что нехарактерно для русского правописания; Татария, Башкирия желают иметь в составе своих названий восточную морфему со значением 'страна' – *-стан*: *Татарстан*, *Башкортостан*; а Киргизия, кроме того, настаивает на орфографическом варианте *кыргыз*, что для русского произношения и правописания просто невозможно. Отказывается от унифицирующего суффикса *-ия* и Молдавия, предпочитая назваться *Молдовой*. Как мы видим, топонимия оказывается средством национального самоутверждения и расчётов с прошлым, что ещё раз подчёркивает её важнейшее символическое значение наряду с практическим.

Надо сказать, что этот процесс не завершён и на исходе первого десятилетия XXI века. Так, ведутся дискуссии о возвращении исторического имени *Краснодару*, ведь имя *Екатеринодар* было значимым: Екатерина II **даровала** запорожским казакам кубанские земли, а *Краснодар*, по сути, ничего не означает, кроме идеологической «красноты» (это даёт повод для шутиwego переименования его в *Краснодыр*). Как шаг к переименованию можно расценивать восстановление в *Краснодаре* памятника *Екатерине II*, однако жители столицы Кубани не так активно поддерживают эту инициативу, чтобы переименование состоялось.

Подводя итоги рассмотрению топонимии, нужно ещё раз подчеркнуть, что собственно языковые проблемы здесь оказываются тесно переплетёнными с вопросами географии, истории и идеологии. Именно поэтому представления о природе топонима и его семантических и семиотических возможностях, типах топонимов и их языковых моделях входят в современ-

ные филологическое образование и имеют как теоретическое значение для понимания ономастических проблем, так и прикладное – при решении вопросов о наименовании и переименовании различных элементов природного и культурного ландшафта. Ономастический ландшафт может доставлять культурному человеку эстетические и языковые удовольствия, он служит одним из средств культурного комфорта при осмыслении себя в пространстве – незнакомом или родном.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Найдите известные вам топонимы в разных топонимических словарях и сопоставьте их данные, соотнося различия с характером словаря. Какие выводы вы можете сделать?

2. На примере родной для вас местности объясните различия природного, культурного и ономастического ландшафта. Приведите факты изменений культурного и ономастического ландшафтов, произошедших на вашей памяти.

3. Можете вы привести топонимы культурного ландшафта вашей местности, известные вам только по рассказам людей старшего поколения?

4. Известен ли вам топонимический словарь вашего региона? Когда и кем он был издан? Каков его объём? Удалось ли вам найти в нём интересные сведения о топонимах вашего края?

5. На примере известного вам топонима покажите отличие его этимологии и этиологии. Откуда черпаются сведения для того и другого?

6. В чём различие понятий *русская топонимия* и *топонимия России*? Приведите примеры топонимов, включаемых в состав первой и не входящих во вторую.

7. Правильно ли говорить, что имена городов *Рим* и *Париж* входят в русскую топонимию? Чем это можно доказать?

8. Чем гидрология отличается от гидрономики?

9. Приведите знакомые вам гидронимы и попытайтесь сделать их лингвистический анализ. Что у вас получилось или не получилось? Почему?

10. Гидроним *Каспийское море* имел десятки названий: *Хвалынское, Хорезмское, Гирканское, Хазарское, Хорасанское, Дербентское* [44, с. 7]. Как вы думаете, с чем это связано? Воспользуйтесь данными Словаря Фасмера.

11. Почему *Чёрное море* называется чёрным? Какие другие «цветные» моря вам известны? Можно ли этому найти объяснения?

12. Приведите имена известных вам рек. Какие из этих потамонимов мотивированы? Известны ли вам этимологии речных имён?

13. Знаете ли вы потамонимы «цветной» семантики? Какое толкование она может получить в каждом известном вам случае?

14. Если мы видим пары потамонимов *Дон/Донец, Волхов/Волховец*, то что мы можем сказать об отношениях именуемых ими рек?

15. Если мы встречаемся с ситуацией одноименности реки и города на её берегах, какое из имён первично? Чем это можно доказать?

16. Какому из русских суффиксов можно приписать значение 'город на реке, названной корнем'? Приведите ойконимы, подтверждающее такое его значение.

17. Если нам известно, что название немецкого города *Дюссельдорф* мотивировано потамонимом, то можем мы сказать, на какой реке стоит город? Знание какого немецкого апеллятива поможет в этом?

18. По данным Э. М. Мурзаева от потамонима *Волга* образовано 23 топонима. Попробуйте вспомнить известные вам. На основе полученных знаний о топонимии попробуйте гипотетически вывести все возможные топонимы, мотивированные этим гидронимом, а затем поискать их на карте.

19. Почему названия самых значительных русских оронимов – *Кавказ*, *Валдай*, *Урал* – непонятны русскому человеку?

20. Чем мотивирован ороним *Юкагирское плоскогорье*? Приведите оронимы подобной мотивации.

21. Почему топонимы полярных широт мотивированы чаще всего антропонимами?

22. Что означает перифрастическое наименование Петербурга *Северная Венеция*? Какие элементы природного ландшафта города мотивируют эту перифразу?

23. Что означает перифрастическое наименование Петербурга *Северная Пальмира*? Где находится «южная» Пальмира? Какие её свойства позволяют сравнивать с ней Петербург?

24. Возвращению Ленинграду имени *Санкт-Петербург* предшествовали напряжённые дискуссии и референдум жителей города. А. И. Солженицын предлагал не восстанавливать немецкое название, а переименовать город в *Свято-Петроград* или *Невоград*. Как вы думаете, почему это предложение не было поддержано?

25. Существуют ли перифрастические именованья вашего города? Объясните их семантику.

26. Приведите примеры известных вам городов с разными топоформантами, охарактеризуйте их в плане лингвистическом и историческом.

27. Названия русских городов с топоформантом *-поль* Б. Унбегаун проанализировал в своей работе 1936 года с подзаголовком «греческий мир» (*la monde grecque*). Сколько таких городов вы можете вспомнить?

28. Какие типы топооснов соединялись с греческим формантом? Когда эта модель была наиболее активна? Что даёт нам основания сделать такие заключения? Какой русский топоформант может быть признан аналогом греческого *-поль*?

29. Относится ли к «греческому миру» название города *Чистополь*?

30. Приведите примеры названий городов с топоформантом старославянского происхождения *-град*. Какие факты убеждают в том, что он при-

надлежит к общеславянским топонимическим средствам?

31. Что можно сказать о природном ландшафте вокруг города *Пятигорск*? Приведите другие названия городов с этим новым русским топонимическим формантом?

32. Город *Калининград* немцы называют *Кёнигсберг*, поляки *Крулевец*. Как это связано с его исторической судьбой?

33. Послевоенная топонимия Калининградской области включает название города *Зеленоградск*. Докажите, что это имя следует считать «топонимической ошибкой».

34. Как вы понимаете топоним *Пруссия*, на территории которой находится нынешняя Калининградская область? К какому типу хоронимов он относится?

35. Какому городу обязана своим названием латиноамериканская страна *Венесуэла*? Каковы мотивы такого наименования?

4. Ономастикон современного города (урбанимиа пространства, сооружений, социальных институций)

Выделяя в современном ономастическом пространстве город как особую сферу, хотелось бы ввести понятия, с помощью которых ономастический ландшафт города может обсуждаться, изучаться и, возможно, формироваться. Сначала, как это уже сделано в предыдущих разделах, немного истории.

Именно в рамках ономастики совершается открытие города как лингвистического объекта. Естественно, разные города России изучены в этом отношении в разной степени, и столь же естественно, что наиболее изученным и описанным городом оказывается Москва. В этом разделе книги будут использованы примеры из топонимии Москвы.

Традицию её изучения ведут от книги с названием *«Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извожиков и прочая, собранное в 1755 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем описания Санкт-Петербурга г. н. с. В.Г. Рубаном»*, изданной тем не менее в 1782 г. (Вопросы географии. – 1985. – С. 180). Уже в названии книги дается интересный перечень городских объектов ономастического наименования: ворота, мосты, улицы и переулки, монастыри и церкви, дворцы и казенные места (учреждения, или офисы, если использовать современный язык). С позиций ономастики понятно, что мы имеем дело с городскими микротопонимами, и их множество говорит о том, как сложно устроен городской культурный ландшафт. Представляя собой первый опыт собрания таких городских топонимов, книга всё

же не стала научным описанием.

Историю научного описания московской топонимии открывают работы историка И. М. Снегирева «Памятники московской древности» (1842–1845), «Московские урочища, древние и новые» (1852), «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (1865, 1873). Даже названия публикаций говорят о том, что топонимический аспект в них был не главным: топонимы вовлекались в изучение истории города и представляли интерес как свидетельства этой истории.

Начиная с книги А. А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями» (1878) основными, если не единственными, героями ономастических описаний становятся улицы.

Своеобразным итогом (предварительным!) изучения московской топонимии Москвы в XX веке можно считать один из выпусков «Вопросов географии» (далее – «Вопросы»), изданный редакцией географической литературы издательства «Мысль» в 1985 году. Его основу составили материалы конференции «Топонимия Москвы», проведённой в марте 1981 г. Сразу после этой конференции вышла книга Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского «Топонимия Москвы» (М., 1982).

Опираясь на данные московской топонимии, не станем однако ограничиваться ими, а включим в наше рассмотрение проблем городского ономастикона материалы и таких городов, как *Красноярск*, *Новосибирск*, *Омск*, *Великий Новгород*, *Калининград*. Сведения об их ономастике почерпнём из личных наблюдений, опубликованных лингвистических работ, словарей городского сленга и справочников типа «жёлтые страницы» – с указанием наименований и адресов городских учреждений (вспомним, что одна из лучших книг по антропонимике – «Русские фамилии» Б. Унбегауна – создана на основе адресной книги «Весь Петербург» за 1910 год). Подчеркнём, что такого рода информация сейчас в огромных объёмах располагается на интернет-ресурсах, что сокращает время поисков и практически исключает такую преграду, как расстояние. Обращавшись к этому новому для ономастики источнику и в предшествующих разделах книги, считаю важным именно здесь подчеркнуть это особо, так как городские объекты широко представлены в Интернете в информационных и рекламных целях.

Как же можно представить себе ономастикон современного города в теоретическом плане? Первое, что необходимо отметить: в науке осознана специфика городских онимов, создана ономастическая терминология для их обозначения.

В Словаре Подольской находим специальный термин *урбаноним* (от латинского *urbanus* 'городской'), которым обозначается имя любого городского топографического объекта. Производные от этого термина образуются по уже знакомой нам схеме: *урбанонимия*, *урбанонимика*, *урбанонимизация*. Судя по данным этого словаря и других источников, термин *урбаноним* впервые используется Н. В. Подольской в 1972 году на совещании

«Топонимия Центра», материалы которого изданы в 1974 году. Хотя он под-
держан в фундаментальной монографии по ономастике [58, с. 167, 187,
196], широкого распространения тогда не получил, о чём говорят материалы
«Вопросов»: ни во вступительной статье «Изучение московской
топонимии» [57, с. 9–11], ни в названии статей он не встречается, рабочие
же термины: *топонимия*, *гидрономия Москвы* или *наименования московских
улиц*.

Этот термин становится популярным в самом конце XX века, когда во
многих городах практически одновременно начинается изучение языка го-
рода и его ономастической составляющей. Сегодня этот термин входит в
словарь не только лингвистов, изучающих язык города, но и краеведов, жур-
налистов, а также городских чиновников, определяющих языковую полити-
ку в разных городах.

Надо сказать, что наряду с термином *урбаноним* в литературе встре-
чается его вариант *урбоним*. Их различия состоят в том, что первый об-
разован от латинского прилагательного *urbanius* 'городской', а второй –
от существительного *urbs* 'город'.

Учитывая это грамматические различия, можно было бы предло-
жить дериват от слова *город* закрепить за названиями городов, однако
для этого в Словаре Подольской предлагается термин *астионим*, менее
выразительный, как кажется, поскольку не поддерживается другими
лексическими единицами, что мы всегда старались обнаружить при
введении ономастических терминов.

Для онимов, именующих городские объекты, кажется оптимальным
термин *урбаноним*, он будет использован в этой книге, тем более что он
«поддерживается» такими терминами, как *урбанистика*, *урбанизация*,
урбанистический.

Располагая данными об урбанонимии разных российских городов,
можно говорить об общих свойствах и о специфике разных типов урбанони-
мов. Представления о типологии урбанонимов могут быть выведены из ти-
пологии городских объектов, совокупность которых можно представить сле-
дующим образом: а) пространства; б) сооружения и в) социальные институ-
ции, то есть объединения людей по их деятельности различной направлен-
ности. Рассмотрим каждую из этих составляющих, обращая внимание на то,
какие термины оказываются в нашем распоряжении для обозначения разных
типов урбанонимов.

Пространственные городские объекты делятся на территориальные и
линейные. Для первых хорошо подходит уже знакомый нам термин *хоро-
ним*; в Словаре Подольской отмечено специально его особое значение, *го-
родской хороним*, с примерами московских хоронимов: *Зарядье*, *Лужники*,
Сокольники – и петербургских: *Петроградская сторона*, *Васильевский
остров*. Для вторых предлагается два термина: *годоним* – имя улицы, ли-
нии, переулка, проезда, бульвара, набережной и *агороним* – имя площади.

Противопоставление понятное, и называют их неодинаково. Только если в толкование первого термина вводить все возможные линейные объекты в современном городе, то в перечень нужно будет добавить *проспект, тупик, шоссе* в его городской протяжённости. Таким образом, типы пространственных урбанонимов позволяют вполне адекватно представить городское пространство и имена собственные его фрагментов. В целом же всю эту группу урбанонимов именуют городской топонимией, как это было сделано на уже названной конференции и в указанной книге Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского.

Для второй группы урбанонимов, именующих сооружения, общего термина не предложено. В Словаре Подольской [12] есть два термина, которые можно отнести к этой группе: это *ойкодоним* – имя собственное здания (от греческого *ойкодом* 'здание, строение'), например *Дом Пашкова* в Москве или *Поганкины палаты* во Пскове и *экклезионим* – имя собственное церкви, часовни, монастыря – словом, места религиозного общения (от греческого *эκκλεσιον* 'собрание, церковь', ср. *эκκλεσιология* – раздел богословия, посвященный Церкви (Словарь Крысина), «Книга *Экклезиаста*» – одна из книг Ветхого Завета, написанная царём Соломоном, буквально '*проповедник*'), примеры: церковь *Покрова на Нерли*, *Данилов монастырь*, *Оптина пустынь*. Не вводя термин, мы уже рассматривали этот вид сооружений как элемент культурного ландшафта; для города они значат не меньше, чем для сельской местности, очень часто служат ориентирами и массово мотивируют топонимы и другие урбанонимы.

Однако очевидно, что описать значимые и поименованные городские сооружения с помощью этих двух терминов невозможно. Явно не хватает термина для названий **мостов**, теснейшим образом связанных с улицами, но всё-таки образующих особый класс городских имён.

С транспортными артериями города связаны **вокзалы**, как правило, это серьёзные сооружения, получающие имена, если их в городе несколько, как в Москве или Петербурге. **Станции метро** в больших городах составляют особый тип урбанонимов, видимо, самых молодых, но встроенных в городскую топонимию.

К особым городским сооружениям необходимо отнести **рынки, кладбища, парки, городские сады**. Все они именуется по определённым принципам. Для имени **рынка** в Словаре Подольской предлагается тот же термин, что и для имени **площади**, что вряд ли можно признать удачным, хотя первоначально городская площадь была и торговой, но сейчас такая связь может быть обнаружена только в плане историческом: *Сенная площадь* – место, где раньше торговали сеном. Сейчас площади и рынки – разные городские объекты и именуется они по-разному. Для названий **кладбищ** в Словаре предлагается термин *некроним*, который кажется удачным и потому, что в нашем лексиконе есть слово *некрополь*.

Как же быть с названиями мостов, вокзалов, станций метро, парков,

рынков? Ответа на этот вопрос нет, так как никто не ставил задачи полного описания городского ономастикона. Поэтому мы обнаруживаем дефицит ономастической терминологии с общим значением 'городские сооружения'.

Для третьей группы урбанонимов в словаре Подольской предлагается общий термин *эргоним* – имя собственное делового объединения людей, в том числе **союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка**. Представляется, что понятие **социальной институции**, уже использованное при общей характеристике типов урбанонимов, охватывает все перечисленные в Словаре типы объединений и подчеркивает их социальную природу. Понятно, что эти социальные институции где-то локализуются в городе, и потому часто имя сооружения и разместившейся там социальной институции совпадает. Этот факт в Словаре Подольской отмечается в примечании к термину ойкодоним: «... обычно это имя здания в городе, которое известно не только как памятник зодчества, но и как учреждение, в этом случае это вид эргонима» [12, с. 88]. Однако это не всегда так: упомянутый *Дом Пашкова* (ойкодоним, в московском разговорном обиходе *Пашков дом*) – одно из зданий *Российской государственной библиотеки* (бывшей *Ленинки*), в котором до этого помещались начиная с XVIII века *Дворянский институт Московского университета, Московская 4-я гимназия, Московский публичный и Румянцевский музеи* (это всё эргонимы); кстати, как название издательства *РГБ Пашков дом* – эргоним. В *Поганкиных палатах* (ойкодоним) располагается Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (официальный эргоним).

Что касается типологии эргонимов, то общепринятые ономастические термины назвать нельзя, хотя понятно, что **рестораны и стоматологические клиники** называются по-разному. Этот факт можно объяснить тем, что ономастическое именование различных городских заведений сложилось в последние два десятилетия, вызвав мощный рост городского **ономастикона**. Если в 70–80-е гг. в каждом городе собственного имени из **магазинов** удаивались буквально единицы, как их именовали, «флагманы советской торговли», то в 90-е каждый **ларёк** обзаводился именем собственным в соответствии с притязаниями и вкусами владельца.

Появление частной собственности привело к тому, что количество **именующих субъектов** возросло в невероятных масштабах. Онимически стали именовать **аптеки и лечебные заведения**, в первую очередь стоматологические, **детские сады и школы**. Кроме того, появились новые городские объекты: **турфирмы, ночные клубы, дискотеки, салоны красоты и массажные салоны, фитнес-клубы и солярии**. Всё это повлекло за собой **расширение ономастического пространства** города и его, если можно так сказать, **уплотнение** (число онимов на единицу городского пространства возросло, как теперь говорят, в разы). Эти обстоятельства социальной и языковой жизни русского города позволили говорить об **онимиче-**

ском взрыве как одной из характеристик эпохи.

На фоне этого взрыва сложились принципы именования различных заведений, что предполагает, как кажется, и усложнение ономастической терминологии. С 1990 г. в моих работах и публикациях моих красноярских коллег используется термин **эмпороним** для имён собственных торговых заведений, от греческого *эмпория* 'торговля' (консультация Е. В. Широ-ниной). Параллельно с кировскими коллегами мы пришли к мысли о необходимости термина **фирмоним**, см.: Тайна именования: Словарь фирмонимов – новейших наименований коммерческих предприятий Вятского края в конце XX века (Киров-на-Вятке, 1998). Однако этот термин не включает смысла предназначения фирмы, рода её деятельности.

Если же иметь в виду именно этот смысл, то надо располагать терминами для обозначения:

- 1) торговых заведений (эмпороним);
- 2) «заведений еды», тех, что в советскую пору называли общепитом;
- 3) «заведений красоты»: парикмахерских, салонов красоты, имидж-студий, соляриев;
- 4) медицинских учреждений;
- 5) образовательных: школ, детских садов и т.д.;
- 6) культурных заведений: музеев, галерей, библиотек, издательств;
- 7) производственных: фабрик, заводов, мастерских, включая ремонтные.

Конечно, этот список не исчерпывает всех городских институций. Так, за его пределами остаются, скажем, многочисленные сегодня **турфирмы** и немногочисленные **прачечные** и **химчистки**, **фитнес-клубы** и другие спортивные заведения, но всё-таки он даёт возможность обозреть эргонимы с достаточной полнотой.

Для представлений об ономастиконе современного города важно рассмотреть каждый из этих типов заведений в ономастическом аспекте. Это даст нам возможность представить круг терминов, конкретизирующих понятие *эргоним*. Конечно, можно соорудить такие термины, опираясь на известные нам латинские или даже русские корни, но это не решит проблему, ведь терминология должна вырабатываться и приниматься научным сообществом в ходе исследований и обсуждений. Пока мы только обозначаем ситуацию терминологического дефицита и пытаемся понять её причины.

Следует подчеркнуть, что все эти урбанонимы формируются и бытуют на фоне и при участии топонимов природного ландшафта, в котором расположен город, что увеличивает сложность ономастикона и взаимодействия его отдельных фрагментов.

Попытаемся представить современный городской ономастикон в его сложной системе, но прежде необходимо сформулировать несколько общих положений о специфике городских онимов.

Прежде всего нужно отметить, что урбанонимия существуют одновременно в устной речевой стихии города и множестве письменных текстов,

совокупность которых именуют **городской эпиграфикой**, или письменностью городской среды: **вывески, таблички, рекламные щиты, городская пресса и специальные рекламные издания**. Это отличает их от топонимов, которые бытуют в устной речи и в документах, в том числе в географических картах. Сопоставление говорит о том, что бытование городских топонимов в большей степени визуализировано: они не только у всех на устах, но и на виду, буквально на всеобщем обозрении.

Такая двойственность существования приводит к тому, что едва ли не каждая реалия городской среды получает два наименования — **официальное** и **неофициальное**. Так, в статье О. Б. Сиротининой (1988) о саратовских урбанонимах последовательно сообщаются две, а то и три версии: говоря о том, что имеет официальный адрес *проспект Кирова*, большинство горожан произносят *на Кировском*, старшее поколение — *на Кировской*, молодежь — *на Проспекте*. Эта ситуация напоминает, скорее, антропонимию с её официальными и обиходными именами человека (*Николай / Коля*) и его прозвищами. Нечто подобное бывает и с названиями городов: Петербург по-свойски звали *Питером* и во время *Ленинграда*. Но такие случаи единичны, для урбанонимов же подобные «прозвища» регулярны.

Сфера их бытования — городской сленг, словари которого уже входят в литературу о языке города; в Словаре Пскова находим, что *улица Карла Маркса* в молодежной среде известна как *Карлуха, Карлуша, Карлушка, Кырла-Мырла, Папы Карло* [8, с. 351], кафе «Метелица» — как *Метла, Метель* [8, с. 351]. В *Красноярске* проспект имени газеты «*Красноярский рабочий*» в устной речи называют *Красраб*, а улицу Крупской — *Крупой*; больница скорой медицинской помощи (при обозначении маршрутов городского транспорта — БСПМ) в обиходе зовется *тыщекоечной*, а у студентов-медиков, часто работающих там на практике, — *тыщей*. Языковая техника образования неофициальных урбанонимов проанализирована в докладе Н. И. Николиной на конференции «Язык современного города», где показаны её разнообразие и общность для разных городов.

Как и все топонимы, городские наименования строятся по формуле «термин+оним»: *улица Льва Толстого, шоссе Энтузиастов, ресторан «Проходимец», кафе «Остров сокровищ», суши бар «Ямакаси», аптека «Витаминка»*. Обязательная для официальных урбанонимов, эта формула практически недействительна для сленговых, тем не менее термины городских онимических объектов очень важно учитывать и изучать, так как в них можно увидеть специфику разных городов и изменения во времени. Так, в последние годы у нас появился такой тип заведений, как *кофейни*; небывалые прежде *солярии* выработали русские версии термина — *загар-клуб* и *загар-студия*; совсем недавно появился новый тип торгового заведения — *каскет*. Терминология такого рода — это своеобразные условные значки на карте культурного ландшафта города, они многое говорят о социокультур-

ных изменениях в городской жизни.

Из общих свойств городского ономастического пространства, или современной урбанонимии, следует назвать её **динамичность**, что отражает динамичность развития современного города, городской среды. Вообще говоря, мы имеем дело с тремя типами городских ономастиконов: дореволюционными, советскими и постсоветскими.

Дореволюционные российские города с их вывесками типа *Колониальные товары* или *Скобяная лавка* можно увидеть теперь на старинных открытках, издавать которые стали в разных городах в 90-е годы. По имеющимся у нас данным, многие вывески содержали фамилию владельца, некоторые были на родном для владельца языке. Поэтому дореволюционный русский город был многонационален (это относится к большим городам, в первую очередь к Петербургу и Москве, конечно) и, так сказать, персонализирован: *купец Годолов*, *Зингер* или *братья Pathé* были известны всем и смотрели на горожан со своих вывесок различных размеров и степени украшенности.

Советская власть внесла в городскую среду два взаимосвязанных момента: стандартность, полное отсутствие реальных персон и идеологическую выдержанность, исключив тем самым присутствие в ней сколько-нибудь живого и оригинального слова. Ономастикон советского города был практически один на всех: повсюду главная улица носила имя *Ленина*, парк культуры и отдыха – имя *Горького*, кинотеатры – «*Родина*», «*Победа*», книжный магазин – «*Прометей*». При небольшом количестве городских объектов, названных официально и помпезно, основная их масса – магазины, аптеки, школы, детские сады – были пронумерованы, что делало город бессловесным и безличным. На фоне суровой официальности можно было встретить «точки сентиментальности»: кафе УЮТ или магазин ИВУШКА. «Большой монументальный стиль» советского ономастикона казался неизменным и вечным.

Но социальные перемены конца 1980–1990-х годов коснулись и этой стороны культуры города. Постсоветская городская среда пережила несколько процессов, с разной скоростью и интенсивностью проходивших в российских городах. Прежде всего, **расширилось пространство** городской письменности: если двадцать лет назад оно ограничивалось табличками на стенах и лозунгами на фасадах зданий, то теперь текст можно прочесть на растяжках и рекламных щитах, которые видны издали; на бортах автобусов, трамваев и троллейбусов; по обе стороны от эскалатора и в вагоне метро; на маркизах, без которых не позволит себе открыться приличное «заведение еды», на специальных выносных щитах, стоящих перед магазином. Тексты буквально преследуют горожанина, стараются захватить и удержать его внимание, иногда, кажется, превосходя возможности восприятия.

Городской ономастикон – самая подвижная часть языка города, он **обновляется** постоянно в силу прежде всего экономических причин: меняют-

ся владельцы заведений, при этом редко оставляя неизменным их наименования, появляются новые заведения и заявляют о себе необычным и потому привлекательным именем, наконец, заведения имеют обыкновение менять наименования с целью обновить свой имидж и привлечь новых клиентов. Вот иллюстрации этого процесса из жизни городской среды Великого Новгорода: в середине 90-х появилось кафе БЛИНОК с почти домашней кухней; вскоре оно модернизировало свое имя, прибавив ему «заграничности», заставляя видеть в русском слове американское «ОКей» – БЛИН'ОК; совсем недавно одно из кафе этой фирмы после ремонта и изменения дизайна при сохранении логотипа украсилось вывеской СЛАВЯНСКИЙ БУФЕТ; кафе АЙСБЕРГ почему-то переименовали в ОСТРОВ СОКРОВИЩ, а салон телефонной связи АЛЛО! превратился в продуктовый магазинчик МАКАРОШКА. Динамичность современного городского ономастикона такова, что после недельного отсутствия в городе с неизбежностью познакомишься с новыми вывесками

Интересно отметить, что устная речевая стихия сопротивляется этой сверхподвижности городского ономастикона. Например, магазины долго именуют по-старому, хотя письменность городской среды не подпитывает этих воспоминаний. Так, в Валдае расположенный в старом здании продуктовый магазин с красивым названием ОРФЕЙ все называют КЕРОСИНКА: в незапамятные времена здесь действительно продавали керосин (информация К. Бужова). Города, где в начале 90-х переименованы улицы, до сих пор живут в двойной системе координат (об этой проблеме ещё будет сказано).

В стремлении к обновлению городской ономастикон переживает освобождение от советского официоза, или **дезофициализацию**. Так, появляются магазины с вывесками ОБУВКА и ОДЁЖКА, ОДЁЖКА ДЛЯ ОКОШКА, уважаемый ресторан ПИВНУХА, сеть ресторанов ЁЛКИ-ПАЛКИ, ВИЛКА ЛОЖКА. При этом ощутимо расширяются языковые и графические возможности: если в советские времена в наших городах можно было увидеть исключительно кириллицу, то сейчас она вынуждена делить городское пространство письма с многочисленными надписями на латинице и даже в иероглифике (об этом можно почитать в книге Т. М. Григорьевой об орфографии). Эта черта проявляется в таком свойстве современной урбанистики, как **многоязычие**.

Наконец, нельзя не сказать о том, что городская среда стала пространством языковых **экспериментов**, под которыми можно иметь в виду неканоническое использование языковых средств. Так, если все магазины в городе называются ПРОДУКТЫ, то, выбрав для своего магазина того же профиля имя **ПРОВИАНТ**, владелец (неважно, насколько осознанно) решается на эксперимент. Лингвист увидит в нём попытку вернуть в культурный оборот, казалось бы, безнадежно устаревшее слово (помета об этом есть в словаре Ожегова). Если на вывеске одной из гимназий в городе написано **Гимназія**, то это тоже эксперимент – иной по своей направленности и ожи-

даемым результатам. Как показывают приведённые примеры, одно из направлений таких экспериментов – возвращение языковых средств, которые недавно воспринимались как устаревшие, иначе говоря, **архаизация** городского ономастикона. Рассматривая разные виды урбанонимов, мы будем обращать внимание на экспериментальные «экземпляры», пытаюсь увидеть разные направления поисков и средства их осуществления.

Итак, ограничившись такой общей характеристикой, попытаемся представить ономастический ландшафт современного российского города, неизбежно возвращаясь к недалёкому прошлому, полемика с которым тоже может считаться одной из черт современного городского ономастикона.

Важнейшим элементом этого ландшафта нужно считать **имя города**. Это системообразующий элемент городского ономастикона: оно встречает приезжающего в город на въезде, многократно повторяется в городе, отражаясь в вывесках, звучит в устной речи – от практических вопросов до городских легенд и анекдотов.

Так, в *Красноярске* множество названий повторяют имя города: гостиница «*Красноярск*», газета «*Вечерний Красноярск*», универсам «*Красноярье*»; включают производное от него прилагательное (*Красноярский театр оперы и балета*, газета «*Красноярский рабочий*») или абброморф *Крас-*, как в официальных наименованиях типа *КрасТЭЦ*, так и в сленговых типа *Красраб* (= проспект имени газеты «*Красноярский рабочий*»).

Подобным образом в *Великом Новгороде* топоним *Новгород* повторяется в названиях кинотеатра, журнала «*Весь Новгород*», присутствует в виде прилагательных в названиях разных учреждений, университета, газет «*Новгородские ведомости*» и «*Новая новгородская газета*» и абброморфа *нов-* в названиях фирм, например: *Новобанк*, *НовДента*, *Новдог* (киоск, торгующий хотдогами, но по-новгородски). Интересно, что его прозрачная семантика (что характерно совсем не для любого города) обыгрывается в фирменах *Старый город*, *Старгород*.

Называя имя города его **ономастической доминантой**, И. Т. Вепрева указывает, что это особенно существенно для городов, переживших переименования, как это произошло с *Екатеринбургом*, получившим своё имя в 1723 году в честь *Екатерины I*, затем в 1924 г. переименованным в *Свердловск* и в 1991 вновь обретшим исконное название. При этом переоценки персон, дискуссии вокруг их роли в истории, а заодно и вокруг имени города создают коммуникативное напряжение, высвечивают полярные позиции горожан и не утихают долгие годы и после смены имени.

Всё это относится и к Петербургу, в исторической памяти которого три имени: *Петербург*, *Петроград*, *Ленинград*. Можно сказать, что они существуют и в ономастиконе города: *Петроградская сторона*, *Ленинградская область*; в названиях учреждений абброморф *Лен-* соседствует с *Пет-*, ср. *Ленфильм* и молокозавод *Петмол*. Перифрастические наименования Петербурга – *Северная столица*, *Северная Венеция*, *Северная Пальмира* – тоже повторяются в его ономастиконе, что подтверждает мысль об имени города как ономастической доминанте.

И невозвращённое имя присутствует в городском ономастиконе: так, в *Краснодаре*, о дискуссиях вокруг смены имени которого уже шла речь, есть ресторан «*Екатеринодар*» и кафе «*Маленький Париж*» (так любили называть свой город казаки в эмиграции, что отражено в названии романа Виктора Лихоносова «*Ненаписанные воспоминания (Наш маленький Париж)*» (1986)).

Таким образом, имя города как его ономастическая доминанта присутствует в ономастиконе в своих настоящих и прошлых ипостасях, перифразах и переключках.

Вокруг ономастической доминанты формируется урбанонимное ядро – круг городских **хоронимов**, или имён городских районов: фрагментов, кусочков городского пространства, из которых оно складывается, как мозаика. Здесь лучше иметь дело не с административным делением города советской эпохи с унифицированной номенклатурой: практически в любом большом городе были *Ленинский, Свердловский, Фрунзенский* районы. Речь идёт о естественных наименованиях частей города, формировавшихся по мере его роста, опиравшихся в первую очередь на природный ландшафт и позволяющих и сегодня ориентироваться в городе. Терминология такого естественного «районирования» складывалась в каждом городе, и сами эти термины многое говорят о его истории.

Так, Москва, разраставшаяся кольцами (неудивительно, что в её топонимии есть *Бульварное кольцо, Садовое кольцо*), именovala эти «кольца» городами: Кремль назывался *городом*, затем *каменным городом*, затем *старым каменным городом* и только после 1589 года получил современное название. Московская урбанонимия сохраняет память о *Китай-городе* (этимология неясна: слово русское, монгольское или тюркское; означает то ли 'обнесённый стеной типа плетня' – этому находят подтверждения в летописях и в диалектах, где есть слово *кит, кита* в значении 'плетень', то ли 'средняя крепость', то ли 'укрепленное место, крепость'). Исторические документы доносят сведения о *Белом городе* с цепью ворот – *Никитских, Покровских*, о них хранится память в современном ономастиконе столице. Далее возник *Земляной город*, от которого остались такие урбанонимы, как *Зацепский вал, Валовая улица*. Наконец, уже в XVIII веке было сооружено «кольцо», получившее название *Камер-Коллежский вал* по названию учреждения, которое осуществляло его строительство, – *Камер-Коллегии*; оно осталось в современной урбанонимии *заставами* – *Спасской* (сейчас *Крестьянской*) и *улицами*, в имя которых входит слово *вал*: *Крымский Вал, Бутырский Вал* [28, с. 16–18].

Второй принцип организации городского пространства Москвы – *слободской*, в XVIII веке в городе было более 140 слобод, память о которых хранят современные названия: *метро Новослободская, Кузнецкий Мост, Котельническая набережная, Хамовники*. Если одни из них понятны без разъяснений, то другие требуют комментариев; так, слова *хам* в значении 'льняное

полотно' и *хамовник* в значении 'ткач' вряд ли известны нашему современнику, поэтому топоним *Хамовники* как свидетельство расположения на этом месте слободы ткачей понятен далеко не всем [28, с. 21–22].

Таким образом, термины *город, ворота, вал, кольцо, застава* отражают рост Москвы и составляют специфику её ономастикона.

Великий Новгород с древнейших времён сохраняет своё «районирование» на две *стороны* – *Софийскую и Торговую*. Средневековый Новгород делился на пять *концов*, от которых начинались *пятины* – части огромной территории новгородской земли, но сейчас эти термины используют историки, авторы путеводителей по городу и области. Отчасти память о концах сохраняется в наименовании некоторых храмов: *церковь Бориса и Глеба в Плотниках, или Плотницком конце*. Обратим внимание на существительное в форме множественного числа как древний хороним, мотивированный ремесленными занятиями жителей: эту модель использовали и в XX веке, например московский район и станция метро *Текстильщики*.

В Красноярске главным «районирующим» термином оказывается *берег*: *Левый берег и Правый берег* – это основное деление городского пространства *Енисеем* (который в городе никогда не называют рекой, а только «по имени»), да и сам гидроним часто используется как ориентир: *ближе к Енисею, от Енисея*.

Интересно, что в современных городах хоронимами становятся ойконимы – чаще всего названия деревень, когда те входят в пространство города. Поэтому в Москве много названий типа *Останкино, Свиблово, Бутово, Бескудниково*. Близкие по грамматической структуре хоронимы в Великом Новгороде – *Антоново, Колмово* – несколько иного происхождения: это названия слободок при монастырях с производными названиями (Антониев монастырь → Антоново, Колмовский монастырь → Колмово).

Таким образом, ономастическое ядро города составляют его хоронимы, часто отражающие не современное административное, а традиционное «районирование» города, историю его формирования. При этом важно, что в таком восприятии городского пространства сохраняется память об исходной точке расширения пространства. Так, в *Москве*, начинающейся от Кремля, только так понятны хоронимы *Зарядье, Замоскворечье*. Во *Пскове*, который начинался с крепости на слиянии рек *Великой и Псковы*, два более новых района именуются *Завеличье* и *Запсковье*. Там же есть улица *Застенная*, располагающаяся за стеной городского укрепления, а в *Великом Новгороде* – *Завальная*, за *Окольным валом*, окружавшим город для его обороны и сохранённым уже как исторический памятник до наших дней.

Примыкают к ономастическому ядру урбанонимы, образованные от ключевых топонимов **природного ландшафта**. Это в первую очередь обращение к **гидронимам и крупномасштабным хоронимам**: в каждом крупном городе есть гостиницы, омонимичные реке и имени региона: «*Енисей*» в Красноярске, «*Обь*» в Новосибирске, «*Иртыш*» в Омске, «*Томь*» в

Томске и Кемерове (и во всех – «Сибирь»!), «Волхов» в Великом Новгороде, «Дон» в Ростове. В ономастиконе Краснодара есть урбанонимы, образованные от географической координаты города (это ведь один из самых южных русских городов): гостиница «Юг», кафе «Южное». Помимо прямого перенесения природного топонима на городской объект, распространено образование синтаксических конструкций с его присутствием: гостиницы «Огни Енисея» в Красноярске, «Обской мост» в Барнауле, ресторан «Южная ночь» в Краснодаре.

Вокруг этого ономастического ядра располагаются имена **городского пространства**: улиц и площадей, переулков и остановок городского транспорта. Для всех этих типов онимов принят термин **годоним** – имя улицы и любого линейного объекта в городе (Словарь Подольской), тем более что, как уже было сказано, улицы – излюбленный объект изучения краеведов и лингвистов.

Годонимия российских городов «многослойна»: она сохраняет фрагменты советской поры, восстановленной дореволюционной и новой. Надо сказать, что советская власть придавала большое значение годонимии, которая была витриной советского города при невыразительности иных витрин. Поэтому принципы советской годонимии нельзя не учитывать при исследовании современного ономастикона.

В изучении годонимии важно различить три момента: грамматический, семантический и семиотический.

Первый подход выявляет круг **языковых моделей** годонимов. Надо сказать, что таких моделей в русском ономастиконе города выработалось немного, их буквально можно перечест по пальцам, покажем их на примере московских улиц, хорошо известных и жителям других городов.

Первичная модель наименования улицы – производное существительное типа *Волхонка*, *Пречистенка*, *Петровка* – характерна для официальной годонимии Москвы и неофициальной устной годонимии в разных городах; эту – **субстантивную** – модель нельзя считать продуктивной для нашего времени, её присутствие в городе – скорее, знак архаичности его официального ономастикона. В устной же речи, и тем более в городском сленге, субстантивная модель явно преобладает: *Каширка* в Москве (Каширское шоссе), *Лиговка* в Петербурге (Лиговский проспект), *Уфимка* в Перми (улица Уфимская), *Спортивка* во Пскове (улица Спортивная).

Вторая – **адъективная** – модель в названиях типа *Тверская улица*, *Хлебный переулок*, *Ленинский проспект*, *Алтуфьевское шоссе* значительно более продуктивна, она представляет наименования разных эпох и легко приживается в устной речи горожан. Продуктивна эта модель в петербургской годонимии: улицы *Морская*, *Гороховая*, *Конюшенная*, *Кирочная* хорошо известны не только петербуржцам. Включает эта модель как относительные, так и притяжательные прилагательные (посессивы) типа *Басков* и *Мошков* переулки в Петербурге, *Михайлова* улица в Великом Новгороде.

Иногда, впрочем, смысловая относительность или притяжательность грамматическим признакам адъектива не соответствует; так, на карте Москвы находим годонимы, мотивированные именами землевладельцев и владельцев доходных домов, фабрик, они могут быть адъективами как притяжательными, так и относительными; ср. переулки *Бобров*, *Даев* и *Лаврушинский*, *Ананьевский* [28].

Две охарактеризованные модели, безусловно, составляют основу русской годонимической грамматики, которая сложилась не так давно. Ведь в конце XVIII века в путеводителе по Москве значились «*пер. К Красным Воротам, улица На Гороховом поле*» [28, с. 180], то есть в наименовании улиц повсю использовались предложно-падежные конструкции локальной семантики, они скорее описывали объект, чем ономастически обозначали его. Но наряду с ними в путеводителе фигурируют и известные нам *Петровка*, *Сретенка* и *Пятницкая*: субстантивная и адъективная модели уже действовали.

Третья – **генитивная** – модель наименований типа *проспект Вернадского*, *шоссе Энтузиастов* если и не порождена советской властью, то активизирована ею и в городской среде советской поры едва ли не подавляла все другие. В послевоенные годы получили распространение наименования с «множественным родительным»: московские улицы *Академика Варги*, *Маршала Шапошникова*, *Двадцати шести Бакинских комиссаров* имели массу аналогов по всей стране, что позволило топонимистам говорить об «экспансии родительного падежа» и о нетопонимичности таких названий [28, с. 170]. Оказываясь неудобными для использования в устной речи, такие имена редуцировались если не до одного, то до двух слов: *на Толстого*, *до Бакинских комиссаров*. См. уже приводившийся пример: улица имени газеты «Красноярский рабочий» в Красноярске фигурирует в устной речи как *Красраб*.

В ходе возвращения старых городских имен их доля несколько уменьшилась (здесь нужны точные подсчеты), но в сознании горожанина эта «генитивная травма» осталась надолго, о том, какой урон речевой культуре горожан она наносит, ещё пойдёт речь. Наиболее красноречивый факт: в *Великом Новгороде*, пережившем возвращение старых имен улиц, некоторые из них представляют собой притяжательные прилагательные *Ильина* и *Чудинцева улицы* [26, с. 335–368].

Несмотря на то, что переименованию больше пятнадцати лет, новгородцы не могут привыкнуть к новым именам и обращаются с ними как с генитивами: *Выходите на Чудинцева?*, тогда как следовало бы *на Чудинцевой*. Интересно, что восприятию адъективной модели не очень способствует и лексикализованное наименование всемирно известной церкви *Спаса Преображения на Ильине*, то есть на *Ильине* улице. Если речь идёт о другом сооружении здесь же, новгородцы говорят *на Ильина*.

Итак, грамматика улиц – один из первых, наиболее очевидных и наиболее тесно связанных с речевой культурой аспектов изучения этой части

ономастикона, она обеспечивает удобство годонимов, которое в советские времена часто приносилось в жертву другим соображениям, о которых пойдёт речь.

Второй аспект изучения годонимии можно назвать **семантическим**. У годонима в принципе две семантические задачи: дифференцирующая – отличать свой объект от других и информативная – сообщать о нем нечто. Первая задача обязательна, иначе годоним «не работает», вторая факультативна, но желательна. В этом аспекте годоним предстаёт перед нами как топоним, для которого адресная функция первична и приоритетна.

Исторически годонимия складывалась как система информативная: имена улиц служили как бы мини-путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях – главных городских ориентирах. Воспользовавшись данными «Вопросов», увидим: в начале XVII века в именах московских улиц преобладает ориентирующий принцип: одни информируют об их положении относительно церквей и монастырей: *Благовещенская, Ильинская, Сретенка* (внутренняя ориентация в пределах городского пространства); другие – в пространстве вне города: *Тверская, Серпуховская* (внешняя, в пределах страны); третьи сообщают о том, кто на этих улицах живет: *Колачная, Конюшенная, Кормовая, Певчая*, переулки *Оптекарский, Квасной, Кисельный* (и это небесполезная для горожанина информация, особенно в случае нужды в продуктах труда аптекарей, квасников или кисельников).

Подтверждают эту тенденцию и имена красноярских улиц XIX века, где находим не только *Вознесенскую*, но и *Тюремную, Гимназическую, Почтамтский переулок*, а также улицы *Большую, Узенькую, Песочную*.

Материал годонимии этих двух городов, по довольно очевидному предположению, типичный, дает возможность заключить, что информативные годонимы сообщают об именуемой ими улице либо «где она», либо «какая она». Значит, их можно определить как ориентирующие и характеризующие. Ориентировать они могли, как мы убедились, относительно соборов, монастырей, торговых и учебных заведений, театра, бань и даже тюрьмы. Характеристика же улицы, заключенная в её имени, могла касаться её размеров, ландшафтных особенностей, национальности и занятий жителей, в том числе с упоминанием предметов, связанных с этой деятельностью: см. в Москве *Большая и Малая Грузинские улицы, Татарские переулки*, а также переулки *Молошный* или *Скатертный*.

Разумеется, информативный годоним выполнял и дифференцирующую функцию, в чистом виде она получает воплощение только в Петербурге, где Васильевский остров разделен не на улицы, а на линии, каждая из которых имеет свой номер: 1-я или 9-я линия. Эта система различения городского пространства не прижилась в России, хотя, как мы знаем, она действует в американских городах. Как вспомогательное средство нумерация применяется при наличии в городе ряда одноименных улиц: *10-я Парковая* в

Москве или *26-я Рабочая* в Омске.

Советская топонимия не отвергла вовсе семантический принцип топонимии, поэтому в Красноярске есть такие улицы, как *Заводская*, *Мелькомбинатская*, *Карьерная* (имеется в виду не карьера, а карьер!), *Деповская*, *Фабричная*, *Складская*, *Лесопильная*. Однако этот принцип был явно отодвинут на второй план: даже не побывав в Красноярске, мы можем твердо сказать, что названные улицы не относятся к центральным – это индустриальные окраины города.

Потому что центральные улицы именовались в соответствии с принципом **семиотическим**. Это значит, что название улицы ничего не сообщало о ней самой, но информировало об основных идеологических ценностях государства, социально значимых реалиях. Семиотический подход к называнию улиц осуществлялся в виде двух принципов – демонстративного и меморативного.

Годонимы-демонстративы вносили в городскую среду имена *Новая жизнь*, *Новая Заря*, *Красные Зори*, *Коммунизм*, *Диктатура пролетариата*, *Революция*, *Республика*, *Свобода*, *Мир* (все эти имена присутствуют и сегодня в топонимии Красноярска и многих других российских городов). Демонстративный принцип казался советскому человеку естественным и привлекательным. Так, журналист Н. Попова с радостью рассказывает о том, что в Париже есть «улицы Свободы, Равенства, Братства, Верности, Солидарности, Истины и Надежды» (Советская культура. – 1989. – 13 мая).

Годонимы-меморативы призваны были увековечивать имя человека и тем самым быть средством хранения исторической памяти. Так, в Москве первая меморативная улица появилась в XVIII веке – *улица Буженинова* в честь архитектора И. Буженинова, строителя Преображенского дворца, расположенного неподалёку (Вопросы, с. 23); затем в начале XX века по случаю столетия Отечественной войны 1812 года в Дорогомилове появилось несколько «военных» улиц и *Бородинский мост*. В 1914 году в ознаменование столетия со дня рождения М. Ю. Лермонтова его именем был назван сквер у Красных Ворот [28, с. 33]. В Петербурге первые меморативы появились в конце XIX века: *Никольская улица* превратилась в *ул. Глинки*; *Пискаревский проспект* – в *проспект Императора Петра Великого*.

Однако массово, если не сказать тотально, меморативный принцип стал применяться при советской власти. В результате топонимия города превращается в городскую «доску почёта»: она фиксирует имена, достойные того, чтобы храниться в общественной памяти. Понятно, что отбор имен для этой «доски» производится сквозь идеологический фильтр, что создаёт неминуемые перемены для топонимии. Так, в Красноярске дореволюционный *Театральный* переулок стал сначала переулком *Троцкого*, а очень скоро – улицей *Кирова*. Главная улица города до того, как стать сегодняшним проспектом *Мира*, побывала *Воскресенской*, а затем улицей *Сталина*.

Если говорить о персоналиях меморативов, то следует отметить обще-

союзный фонд и «свой» для каждого города. Последний составляют прежде всего уроженцы города, побывавшие в нем, так или иначе связанные с ним. Поэтому в Красноярске есть улица *Сурикова* (знаменитый художник родился здесь) и *Гашека* (бывал), а в Новгороде есть улица и бульвар *Лёни Голикова*, прославившегося во время войны пионера-героя родом из Новгородской области. Знать тех, чьими именами названы улицы в городе, – значит быть своим в городе и считать город своим. В этом случае меморативность не исключает семантической: если улица носит имя того, кто на ней жил или работал, её имя начинает нести реальную информацию об улице. В Красноярске 50 из более чем 200 улиц носят имена тех, кто так или иначе связан с городом, это делает его топонимия специфичной и информирующей, вносящей свой вклад в языковой облик города.

Топонимисты обращали внимание на то, что меморативный принцип топонимии был так хорошо усвоен советскими людьми, что они воспринимали как меморативы и те топонимы, что мотивированы фамилиями землевладельцев или домовладельцев. Так, *Бабушкин* переулок москвичи воспринимают как названный в память о революционере *И. В. Бабушкине*, между тем он получил название по фамилии владельца полотняной фабрики *П. А. Бабушкина* [28, с. 120].

Помимо персон, в топонимии стали увековечивать события (*площадь Восстания*, *улица 1905 года*), даты и почему-то особенно юбилеи. Так в Красноярске появились улицы *40 лет Победы*, *60 лет Октября*, *60 лет СССР* и *60 лет образования СССР*. «Нетопонимичность» такого рода топонимов не требует доказательств.

Семиотика демонстративности и меморативности «отрывает» топонимию от именуемого ею города, делает все города похожими друг на друга – с обязательными улицами *Ленина*, *Маркса*, *Гагарина*. Как мы видим, в этом отношении топонимия обнаруживает те же черты, что советская топонимия в целом, о чём уже шла речь при рассмотрении имён городов. Понятно, что ряд городов пережил топонимические потрясения, вызванные возвращением улицам их старых имен. К ним относятся *Москва*, *Петербург*, *Великий Новгород*, *Кострома*, *Ярославль*, *Елец*. Значительность этих потрясений подтверждается изданием словарей переименованных улиц, см., например, **Городские имена вчера и сегодня**: Ленинградская топонимика / Сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др. – Л., 1990. –160 с; а также приложения «Переименование улиц Москвы» и «Переименование улиц Санкт-Петербурга» в Словаре Пospelова.

Последствия переименования можно показать на примере *Великого Новгорода*. Здесь при переименовании улиц было принято компромиссное решение соединить старые (советские) и новые (возвращенные) имена на одной табличке. Теперь фамилия героя войны *Черемнов* стоит рядом с притяжательным прилагательным *Конюхова*, и в результате школьники пишут в своих сочинениях, что улица названа в честь конюха Черемнова. Другие

предполагают, что у героя войны была сложная фамилия, как у *Салтыкова-Щедрина*. Такой эффект вполне можно было ожидать: написанное на одной табличке воспринимается как одно, пусть и составное, имя. Таким образом, годонимы разных эпох образовали невиданные гибриды, осмыслить которые современному горожанину непросто.

В других городах эту проблему решили чисто технически: на доме помещают столько табличек, сколько имен имела улица. В таких случаях, как, например, в *Ярославле* и *Ельце*, и историческая справедливость соблюдается, и принадлежность имен разным эпохам видна буквально воочию. В *Череповце* старое имя улицы сопровождается указанием *бывшая* – тоже информация о различии имён.

Итак, мы можем убедиться в том, что возвращение дореволюционной годонимии в современный российский город – процесс сложный и небезболезненный. С одной стороны, горожане готовы отказаться от ежедневного упоминания одиозных исторических деятелей – *Свердлова* или *Дзержинского*, с другой – они не могут быть рады восстановлению улиц типа *Тюремная* или *Жандармская*, да и *Дворянская* сегодня будет смотреться анахронизмом (как говорится, чай не дворяне). Изменились за прошедшее столетие не только улицы наших городов, изменилось и ономастическое сознание горожан, но от советской ономастической практики осталось пристрастие к меморативности и позитивности годонимов. Так, устраняя с уличных табличек одни имена, стремятся поместить на них другие – чаще всего идеологических оппонентов; кстати, именно так было воспринято решение властей Москвы увековечить имя *А. И. Солженицына*, переименовав в его память улицу *Коммунистическую* неподалёку от театра на *Таганке*.

Что касается новой годонимии, которая появляется в городах не на месте старой советской, а в новых районах, то в ней проявляются тенденции деидеологизации, опоры на микропонимию, историю и географию города и общую позитивную тональность. Поэтому появляются традиционные для русской годонимии *Липовые*, *Сиреневые*, *Песчаные*, *Береговые*.

Завершая рассмотрение годонимов, следует сказать, что это самые старые урбанонимы. Наряду с именами городов, они пережили серию переименований, впитали дух разных эпох и сегодня остаются важнейшей составляющей городского ономастикона.

Следует обратить внимание на то, что годонимы служат основой для образования других урбанонимов по модели «На + годоним в форме предложного падежа». В *Омске* находим более двух десятков урбанонимов такого типа: *НА БУДАРИНА*, *НА ГАГАРИНА*, *НА ДУМСКОЙ*, *НА ЗАОЗЁРНОЙ*, *НА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ*, *НА КИРОВА*, *НА КОМАРОВА* и т.д., а в *Калининграде* и *Новосибирске* ни одного. В *Красноярске* несколько магазинов на *проспекте Свободном* называются *НА СВОБОДНОМ*; магазин на *проспекте Мира* именуется *НА ВОСКРЕСЕНСКОЙ* – это дореволюционное название улицы, когда-то приводившей к *Воскресенскому собору*, ко-

торого нет с 30-х годов; вывеска магазинчика на улице Ладо Кецховели – «*На Ладушке*». Так красноярцы называют улицу с труднопроизносимой грузинской фамилией революционера. Как показывают приведённые факты, в образовании подобных урбанонимов могут участвовать и официальное действующее название улицы, и «отменённое» советской властью, и неофициальное. Иногда такие отгондонимные названия различают конкретные магазины одной торговой сети. Так, в Калининграде есть магазины «*Левша на Мира*», «*Левша на Советском*», «*Левша на Калинина*».

Всё это говорит о том, что годонимия не только «размечает» городское пространство, несёт важную социокультурную информацию, но и служит основой для образования других урбанонимов, о каждом из которых скажем особо.

Поскольку **эмпоронимы** часто повторяют имя города, образуются от годонимов, о них уже шла речь, однако принципы современной эмпоронимии заслуживают специального обсуждения.

Прежде всего стоит отметить, что именно в эмпоронимии проявился онимический взрыв 1990-х годов, имя магазина из привилегии стало обязательным атрибутом торгового заведения любого масштаба. Более того, поскольку стали появляться неизвестные нашей торговле предприятия, где под одной крышей поселяются десятки частных магазинов и магазинчиков, эмпороним становится внутренним урбанонимом, хотя реклама может выносить его и городскую среду.

Если анализировать эмпоронимы в плане мотивированности, как это было сделано с топонимами природного ландшафта, то надо соотнести их с ситуацией торговли, в которой оказываются такие участники:

субъект – тот, кто продаёт;

объект – то, что продаётся;

адресат – тот, кому продают, или тот, кто покупает;

локатив – место, где происходит торговля.

При советской власти магазины назывались преимущественно «отобъектно» – «*Хлеб*», «*Сыр*», «*Хозтовары*», и это воспринималось не как имя собственное, а как номенклатурное обозначение. Если же хозяйственный магазин именовался «*Тысяча мелочей*», то это было тоже отобъектное наименование, но не прямое и потому ономастическое. Но таких магазинов, повторяю, были буквально единицы, остальные представляли перед горожанами как унылые *хозмаги* и *продмаги*.

С наступлением частной торговли, а значит и свободы наименования, владельцы как будто вступили в состязание по оригинальности названия и потому привлекательности своего заведения. Возьмём для анализа имена магазинов, торгующих обувью. Конечно, и сегодня можно увидеть на вывеске такого магазина простую надпись ОБУВЬ, однако это не правило, а скорее исключение. Большинство владельцев таких магазинов выбирают метонимическое наименование типа *БАШМАЧОК*, *КАБЛУЧОК*, *САПОЖОК*

(Великий Новгород). Петербургские торговцы поступают изобретательнее: они называют свои магазины *ВАША ПАРА*, *ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА*, *ШАГ НАВСТРЕЧУ*, играя на многозначности вынесенных на вывеску слов: *пара обуви* и *супружеская пара*, *шаг навстречу* в плане передвижения (в обуви!) или как акт доброй воли. Такого рода названия не вводят покупателя в заблуждение, но дают ему возможность улыбнуться и войти в магазин в хорошем настроении. Так что эмпороним, помимо своей информативной функции, выполняет фатическую: настраивает на доброжелательность и плодотворное общение.

Популярны у владельцев самых разных магазинов метонимические номинации, как бы полемизирующие с советским способом именовать магазины по модели «такие-то товары»; так, магазин канцелярских товаров называется СКРЕПКА, а оптика – ПЕНСНЕ.

Решительно поступили владельцы небольшого обувного магазина в *Великом Новгороде*, вынеся на вывеску слово ШУЗ, сопроводив его рекламным слоганом ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ОБУЗ; рифмовка с русским словом должна приблизить к покупателям этот англицизм из школьного минимума и знакомый по сленговому словечку *шузы*. Об освоении этого англицизма русской торговлей говорит и реклама в Москве, состоящая из одного слова ШУЗО-ФИЛИЯ.

Таким образом, применив к анализу эмпоронимов ономаσιологический подход – от смысла, в данном случае от объекта торговли – обувь, мы увидели, что в пределах отобъектной номинации могут быть использованы прямые, метонимические, метафорические способы, а также ресурсы других языков, например английского.

Отсубъектные эмпоронимы чаще всего мотивированы именем не реального продавца, а фирмы, которая представляет товар на рынок (субъект рынка). Отсюда на вывесках обувных магазинов REEBOK, ADIDAS, ECCO, DIESEL & ARMANI (Калининград), RALF RINGER, РАЛЬФ (Новосибирск) – все они рассчитаны на то, что читателю вывесок знакомы ведущие бренды.

Иногда субъект продаж персонализируется как владелец магазина, например АДАМЧИК И АДАМЧИК (Калининград). Но этот способ персонализации не так популярен у современных собственников, они предпочитают менее официальную форму «У»+ родительный падеж имени, причем часто обиходного, но никогда фамилии: магазины У ВАЦЛАВА, У ПАЛЫЧА И К, У ТАТЬЯНЫ, У СЕРГЕЯ, У НИКОЛАЯ (Новосибирск); У МИШИ (магазин запчастей для автомобилей в Великом Новгороде); У ПЕТРОВИЧА (Калининград), булочная У ГАНСА (Омск). Эта форма может восприниматься как «свёрнутое» высказывание типа *Вы можете купить у...* или *Покупайте у...*; при этом общение с покупателем приобретает персонализированную и как бы доверительную форму, невозможную в советской урбанистике.

Интересен приём обозначения псевдосубъекта – фамилии, которая на самом деле сообщает о товаре: *БОЧКАРЁВ* – как бы продавец пива, *СТЕКЛОВ* – пластиковых окон, *МЯСОДЕЛОВ* – колбас, *МЕБЕЛЬМАН* – мебели; *МОСЬЕ БАШМАКОВ* – детской обуви. Этот иллюзорный субъект получает фамилию, сделанную по типу говорящих фамилий в литературе классицизма, как *Стародум* или *Скотинины* у Фонвизина.

Адресат, или будущий покупатель, тоже довольно часто оказывается фактором, мотивирующим эмпороним. При этом следует различать общеадресатные эмпоронимы и специализированные.

Для первых выработалась, вообще говоря, нехарактерная для ономастикона форма обозначения адреса – с помощью местоимения *вы*: магазины называют *ДЛЯ ВАС* и *ВАШ МАГАЗИН*, *ВАШ ДОМ*, *ВАШ САД*, *ВАШ СТИЛЬ*, *ВАШ ЛЮБИМЫЙ ТРИКОТАЖ*, *ВАШ РАЗМЕР*, *ВАШ ВЫБОР*, *ВАШ ДРУГ*, *ВАШ КОМПЬЮТЕР*.

Для вторых оказывается необходимой лексика с семантикой лица. Так, магазины рыболовных, охотничьих и туристских принадлежностей в *Новосибирске* называются *РЫБАК*, *НЕПОСЕДА*; в *Калининграде* – *РЫБАК И РЫБАЧОК*, *ОХОТНИК*, *СНАЙПЕР*, см. также составные эмпоронимы, в которых объединяются два мотивирующих элемента – *МАГАЗИН РЫБАКА*, или основной дополняется некоторым необязательным – *МЕЧТА РЫБАКА*. Интересен в этом отношении эмпороним *ЩУКАРЬ* (Великий Новгород): помимо актуализации прецедентного феномена – прозвища старика, «юморного» персонажа романа М. Шолохова «Поднятая целина», в нём происходит ресемантизация слова, возвращение стёртого смысла – 'специалист по щукам'; таким образом, смысловые горизонты ситуации расширяются: имеются в виду не только сама покупка, но и её цели: для чего приобретается товар – для ловли щук. Такого типа мотивация реализуется и в эмпоронимах *РЫБИЙ ГЛАЗ* (Новосибирск) и *СУДАЧОК* (Великий Новгород).

Особый адресат торговли – дети, сегодня таких специализированных магазинов становится всё больше (раньше как-то обходились «Детским миром»), и в эмпоронимию втягиваются слова с семантикой детства: *ДЛЯ МАЛЬШЕЙ*, *МАЛЫШ*, *МОЙ МАЛЫШ*, *ВАШ МАЛЫШ*, *ВЕСЁЛЫЙ МАЛЫШ*, *МАЛЫШОК*, *ЛЯЛЕЧКА*, *МАЛЫШ И ПАПА*, *МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ*, *МАЛЕНЬКАЯ ЛЕДИ*, *КРОХА*, *КАРАПУЗ*, *ЗАБИЯКА*, *ШАЛУНИШКА*, *ВУНДЕРКИНД*, *ПОЧЕМУЧКА*, *УМНИЦА*, *ЛАДОШКИ*, а также антропонимы: *АЛИСА*, *ЛЕВУШКА*, *АНДРЕЙКА*, *МИШУТКА*, *МАРИШКА*, *ИРИШКА*, *ТАНЕЧКА+ВАНЕЧКА*. Почему-то с детством у нас связан мир животных, особенно детёнышей: *АНТИЛОПА*, *БЕГЕМОТ*, *СВЕТЛЯЧОК*, *АИСТЁНОК*, *ЛЬВЁНОК*. Обозначается малолетний адресат и с помощью литературных и фольклорных персонажей: *ГНОМ*, *БУРАТИНО*, *АРЛЕКИНО*, *ТОПТЫШКА*, *БЕМБИ*, *ЭНИ-БЭНИ*, *ГАВРОШ*, *ГЕРМИОНА-МОДНИЦА*

Интересно отметить, что в последние годы появились магазины для

будущих мам или для детей и будущих мам, которые стали называться КЕНГУРУ, КОЛЫБЕЛЬ, ДВОЙНОЙ РАЗМЕР, Я ПЛЮС, МАМАМАРКЕТ.

Люди значительных размеров всегда выделялись среди покупателей, только сейчас эти магазины называются более разнообразно; ср. советское БОГАТЫРЬ и современные БОЛЬШИЕ ЛЮДИ, ПЫШЕЧКА, ЛЕДИ X – одежда для дам шикарных размеров.

Магазин, где продают очки, который неизменно именовался ОПТИКОЙ, теперь может называться по адресату – ОЧКАРИК.

Как мы видим, специализация адресата вовлекает в эмпоронию все большое число лексем с семантикой лица. Кроме того, как уже можно было заметить, в этом кругу лексики оказываются и названия животных: одна сфера их использования – детские магазины, другая – зоомагазины, по отношению к которым животные и адресаты, и объекты. Здесь можно выделить несколько излюбленных представителей фауны: попугаи (КАКАДУ, 38 ПОПУГАЕВ), рыбы (ЗОЛОТАЯ РЫБКА и БАЛТИЙСКАЯ ЗОЛОТАЯ РЫБКА), кошки и собаки (КОТ И ПЕС, КОТОПЁС, КОШКИН ДОМ). Встречающийся здесь антропоним ЛЕОПОЛЬД на самом деле, конечно же, «киношный» зооним: это имя знаменитого кота, призывающего жить дружно. Как мы видим, в названия зоомагазинов активно вовлекаются прецедентные имена, отсылающие нас к литературе и кино.

Не менее интересно, что появляются эмпоронимы, представляющие собой синтаксические конструкции. В одних адресат грамматически обозначается глагольной формой второго лица: аптека НЕ БОЛЕЙ, кафе ПЕРЕКУСИ!, парикмахерская ИЗУМИ, магазин детской одежды ВЫРАСТАЙ-КА, павильончик с пирожками СЪЕШЬ-КА. В других субъект и адресат торговых отношений объединяются: сеть магазинов РЫБАЧЬТЕ С НАМИ, магазин для будущих мам ОДЕНЕМ ПУЗИКИ.

Итак, три элемента торговой ситуации уже дают массу возможностей назвать магазин интересно и нетривиально.

Четвёртый элемент – локатив – кажется наиболее нагруженным. Здесь было несколько моделей, выработанных еще в советской торговле: ДОМ ОБУВИ и ДЕТСКИЙ МИР. Казалось бы, новая эмпоронимия должна отбросить их как отработанные, но, напротив, они приобретают необыкновенную популярность. Это относится в большей степени к «мировой» модели: сегодня в любом городе можно найти магазины с названиями МИР СПОРТА, МИР ДЕТСТВА, МИР ПАРКЕТА.

Вот какие «миры» представлены в торговле Калининграда: *автомобилей, аккумуляторов, витражей, деталей, детства, жилья, замков, звука, здоровья, инструментов, копий, красоты, лодок, металла, музыки, обуви, окон, подарков, подшипников, приключений, света, связи, техники, ткани, трикотажа, упаковки, фото*. В Новосибирске, кроме этого, обнаруживаются миры *аквариума, дверей, жалюзи, крепежа, кухни, пряжи, снабжения XXI века, тепла, чудес*; а в Омске – *ароматов, видеокамер, воды, ворот,*

зеркал и стекла, качества, красок, лимузинов, мебели, мебельной фурнитуры, мрамора, недвижимости, обоев, открыток, печати, ПК, прессы, ремней, рыболова, садоводства, фасадов, шика.

Надо сказать, что, помимо сочетания с генитивом товарного имени, «мировая» модель реализуется как сочетание с прилагательным: КНИЖНЫЙ МИР, МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР, а также как сложное слово типа КНИГОМИР, АВТОМИР.

На это обстоятельство обращают внимание не только лингвисты, журналисты, но и горожане, например саратовцы, которые звонят в «Службу русского языка», в частности, высказываются критически об эмпоронимах типа *железный мир, кожаный мир* (Куликова 2008). Иронизируя по поводу того, с каким размахом наше общество «фабрикует миры», автор газетного материала, посвященного этим названиям, предполагает, что владельцев торговых миров манит возможность чувствовать себя «властелином мира», даже если мир в этом значении – «это когда всего завались, когда богато». Безуспешность таких эмпоронимов журналист видит в том, что «бренд должен запоминаться, клишированный бренд – нонсенс. В потоке этих названий, в какофонии их значений отражаются безъязыкость и полное отсутствие слуха» (Игрунова Н. Витрина мира // Известия. – 2007. – 15 августа).

Даже если «владельцам миров» не известен суровой приговор известинского обозревателя, они и сами, видимо, ощущают «усталость модели». Интересно, что это проявляется в отказе не от такого локативного хода номинации, а от слова *мир*. Поиски его замен приводят к расширению этого лексического ряда. Хорошо смотрится в этом локальном ряду название магазина рыболовных принадлежностей КЛЕВОЕ МЕСТО (Великий Новгород, Калининград): и соответствие предлагаемым товарам, и в гигантомании не заподозришь, так что об отсутствии слуха у всех говорить, наверное, не стоит.

В большинстве случаев локальный поиск идёт «по нарастающей»:

уголок (УГОЛОК ДЕТСТВА);

город (ИЗУМУРДНЫЙ ГОРОД, СТИЛЬНЫЙ ГОРОД, ТЕКСТИЛЬНЫЙ ГОРОД);

страна (МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА, СКАЗОЧНАЯ СТРАНА, СТРАНА КОЖИ, СТРАНА ДВЕРЕЙ);

империя (ИМПЕРИЯ ДЕТСТВА, ИМПЕРИЯ МЕБЕЛИ, ИМПЕРИЯ ЛЕСА, ИМПЕРИЯ ВКУСА, ИМПЕРИЯ СТИЛЯ);

материк (МАТЕРИК НИЗКИХ ЦЕН);

планета (ПЛАНЕТА ДЕТСТВА, ПЛАНЕТА ПРИКОЛОВ, ПЛАНЕТА ИГРУШЕК, ПЛАНЕТА ОБОИ, ПЛАНЕТА ЭЛЕКТРИКА);

наконец – рай (ПАРАДИЗ, ДЖИНСОВЫЙ РАЙ, ФРУКТОВЫЙ РАЙ).

В эти поиски втягивается и иноязычная лексика, в первую очередь здесь надо отметить английское слово *лэнд*. В Новосибирске находим АВТОЛЭНД, АРТЛЭНД, ДВЕРИ-ЛЭНД, ЛИДЕР-ЛЭНД, МЕБЕЛЕНД и МЕ-

БЕЛЬ ЛЭНД, СФЕРА-ЛЭНД, ФОТОЛЭНД; в Иркутске есть БУКЛЭНД и БУКЛЕНД и тоже АВТОЛЕНД; в Омске – магазины КОМФОРТЛЭНД, НОУТЛЭНД, СТРОЙЛЕНД, ТУРЛАНДИЯ, СПОРТЛАНДИЯ; в Петербурге – ювелирный магазин ЮВЕЛЭНД.

Нельзя не отметить, что орфография слов этой серии не устоялась: Э встречается наряду с Е, пишутся они и раздельно, и слитно, и через дефис, кроме того, корень используется в оригинальном звучании и в русифицированном виде *-ландия*, знакомом по освоенным топонимам типа *Исландия, Гренландия*. Встречается этот элемент в качестве самостоятельного слова ЛЭНД (новгородская фирма ритуальных услуг) и первой части сложного слова (или сочетания слов?) – ЛЭНД СЕРВИС (омская компания, занимающаяся землеустройством).

Однако и этих пространств оказывается мало, и тогда владельцы магазинов проявляют фантазию и известную лингвистическую подготовку, сообразя новые слова: ЦИФРОГРАД и ЛАДОГРАД, ЛАС КНИГАС, ДЖИНСОДРОМ и ДИСКОДРОМ, МЕБЕЛЬВИЛЛЬ и ШИНДОРАДО. Эти факты позволяют считать эмпоронимию пространством языковых экспериментов. Греческая морфема *-дром* уже привлекала внимание лингвистов, отмечалось, что с ее помощью в 1970-е годы образовано более двух десятков дериватов литературного и разговорного языка (*Алпеева Л. В. Ипподром, аэродром, психодром // Русская речь. – 1999. – № 3*), сегодня она обретает новые силы в языке городской среды, во всяком случае в *Новосибирске* и *Новгороде* такие эмпоронимы красуются на видных местах. Восприятие новгородской вывески МЕБЕЛЬВИЛЛЬ рассчитано на знание французского языка? А в ШИНДОРАДО нельзя не узнать занявшую едва ли не все города сеть магазинов с многообещающим названием ЭЛЬДОРАДО: это, мол, Эльдорадо для шин.

Итак, сделав обзор эмпоронимов на фоне ситуации торговли, можно сказать, что широкие семантические возможности ситуации оказываются помноженными на лексические поиски имядателей, в результате словарь эмпоронимов, если бы он был кем-нибудь создан, поразил бы нас своим объемом и, наряду с массовыми названиями, настоящими находками. Приложением к такому словарю был бы список терминологической лексики, который тоже расширился на наших глазах.

Интенсивные поиски нового и эффектного затрагивают и эту часть городского лексикона. Так, маловероятно, что, открывая новое торговое заведение, его владелец вынесет на вывеску банальное МАГАЗИН, скорее это будет ГАЛЕРЕЯ, СТУДИЯ, САЛОН, БУТИК.

О последнем можно сказать несколько слов. Появившись как имя собственное отдельных магазинов, оно быстро перешло в разряд терминов, и в больших городах появились бутики в больших количествах. Будучи понача-

лу небольшим магазинчиком, торговавшим одеждой одной марки, бутик затем стал расти, и появились мультбрендовые бутики. Престижное словечко недаром оказалось в «Словаре модных слов» В. Новикова (М., 2005. С. 20–21). В статье, посвященной этом слову, автор сообщает, что на заседании Думы даже предлагали запретить законом использовать его, заменив русским словом *лавка*. У французов слово к престижным не относится, и *бутикье*, скажем, у Э. Золя – это бездуховные люди, лавочники. У нас же словом *бутик*, отгалкиваясь от неприятных ассоциаций с магазином, где очереди и унылый товар, стали называть «заведения небольшие, но роскошные и нестандартные». Удивительно, но в *Красноярске* бутики расширили свой товарный репертуар: *бутик белья «О-ЛЯ-ЛЯ»*, *винный бутик*, *бутик мебели*. Завершает этот «парад» *бутик для кошек и собак*.

Кстати о *лавке*, эквивалентом которой воспринимался *бутик* еще недавно: она тоже в моде, в разных городах есть *мясные*, *съестные* и даже *мебельные* лавки. Напомним, что в советские времена были только книжные: в Москве КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ и УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА.

Кажется, последняя новинка в терминологии торговых заведений *каскает*, который преподносят как нечто среднее между бутиком и магазином: к первому он ближе высоким качеством товара, а ко второму – демократическими ценами. Пока появились обувные каскеты ЭКРНИКА и ТАНГО, но, может быть, их ждет судьба бутиков?

Поиск новых номинаций для жанра заведения – один из способов обратить на него внимание, эта маленькая рекламная акция или рекламный трюк используются не только в торговле. Так, заурядная мастерская, на которой привычно было бы увидеть *Ремонт обуви*, останавливает вывеской *Клиника для обуви* – значит, поиск небезуспешен. Недавно появившиеся в наших городах солярии «в поисках жанра» придумали *Студия загара* и *Загар-клуб*.

Итак, эмпоронимы – один из самых многочисленных и подвижных урбанонимов, и терминология, и круг онимов постоянно изменяются, пополняются, и наблюдение за ними могут многое дать исследователю городского ономастикона.

«Заведения еды», как мы их обозначили в списке эргонимов, если и уступают эмпоронимам в современном городе, то ненамного. Начиная их характеристику с терминологии, мы можем вспомнить из исторической литературы *харчевни*, *трактиры*, *кабаки*, затем в прошлом столетии *чайные*, *столовые*, *пирожковые* и *пельменные*, *блинные*, *кафетерии*; в конце 1980-х появились бесчисленные *пиццерии*, которые сейчас уменьшились, но не исчезли. Особый раздел составляли питейные заведения, такие как *пивные* и *рюмочные*. Сегодня репертуар заведений, где, как говорится в одной рекламе, «можно вкусно провести время», таков: *кафе*, *ресторан*, *кофейня*, *бар* с разновидностями *пив-*

ной бар и суши-бар. «Поиски жанра» в этой области не прекращаются, так, например, в Красноярске есть *народный ресторан, шинок, кондитерский бар, морская таверна и дом стейков*; в Омске – *град-кафе, микс-кафе, краб-кафе, джаз-кафе, кафе-бильярд, кафе-бильярдная, трактир*; в Калининграде – *пивной двор, таверна, траттория*.

Можно говорить о тенденции «смыслового согласования» жанра и названия заведения: пиццерия РОБЕРТИНО или СИЦИЛИЯ, траттория ВЕНЕЦИЯ, таверна ДИКИЙ ДЮК. Хотя можно отметить и странные сочетания, как кафе-бар ТРАКТИР НА ИЛЬИНКЕ в Омске: уже либо кафе, либо бар, либо трактир.

Кажется, главным отличительным признаком такого заведения оказывается характер кухни, отсюда множеств таких эргонимов с топонимами: ср. ПЕКИН, НОВЫЙ ПЕКИН, ПЕКИНСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ, ПЕКИНСКАЯ УТКА или РАТУША (чешская кухня); СУЛТАН СУЛЕЙМАН (турецкая кухня в Сибири), восточный ресторан БУХАРА. Рестораны экзотических устремлений используют в своих названиях написания «на языке оригинала»: ресторан итальянской кухни в Великом Новгороде NAPOLI или мексиканский ресторан в Самаре LA CUCARACHA. Конечно, здесь возникает вопрос языковой компетенции читателей вывесок: несмотря на то, что мы уже выучили японские слова *суши, сакура, самурай, якудза, shogun* (все они уже освоены «языком вывесок» – см. многочисленные ПЛАНЕТА СУШИ, СУШИ ТЕРРА в разных городах), всё-таки нет уверенности в том, что всем понятны названия японских ресторанов ВАСАБИ и НЭКО (последнее слово означает 'кошка' – консультация И. Г. Андреевой).

Как полемика с установкой на экзотические кухни воспринимаются рестораны, обыгрывающие местные кулинарные привычки, например НИКОЛАЕВСКАЯ ТРАПЕЗА в Красноярске, где Николаевка — городской хороним, не центральная часть города, или там же ресторан сибирской кухни КУПЕЧЕСКИЙ; кафе ХУТОРОК и ресторан РУССКОЕ ЗАСТОЛЬЕ в Новосибирске. Таков, видимо, и замысел хозяев омского ресторана КУШАТЬ ПОДАНО: названием они намекают на русские традиции обслуживания посетителей.

И если одни названия стремятся произвести впечатление респектабельности и роскоши: рестораны ИМПЕРИЯ, МОДЕРНЪ, ЭГОИСТЪ, то другие бравируют своей демократичностью: омские рестораны МЕДВЕЖИЙ УГОЛ, ХИБАРА, ОХОТНИЧИЙ ДОМИК, ОХОТНИЧИЙ ПРИВАЛ, кафе ПОДВАЛЬЧИК.

Из демократических кафе популярны блинные, хотя название БЛИННАЯ им уже никто не даёт. Их вывески украшают иносказательные названия типа ТЁЩИНЫ БЛИНЫ, БЛИНОff, БЛИН'ОК, ЖАРЕННОЕ СОЛНЦЕ, СОЛНЦЕПЁК.

От слова *кофейня* еще недавно веяло чем-то турецким, а сейчас в

каждом городе десятки кофеен с изысканными именами, например в Петербурге: РО, РИКО, ТАКСА-КОФЕ, ЗОЛОТАЯ ТУРКА, БЕЛЫЙ КОФЕ, ЗЕРНО ИСТИНЫ, КОФЕ ДЭ ФЭ, ЧАЙКОФФ, COFFE INN, SCHUMLI (это список журнала «Город» из списка «Где нас можно почитать»). Материал других городов пополняет список названий, которые «крутятся вокруг» кофе: КОФЕЙНАЯ ГАММА. Кофейням как бы в подтверждение их экзотичности часто дают географические названия: КАЛИФОРНИЯ, MARTINICA, KEYPTAUN – в Красноярске, ЧЁРНЫЙ КОНТИНЕНТ – в Великом Новгороде. Надо сказать, что при всей экзотичности кофеен они тоже не довольствуются таким уже становящимся привычным именованим и «в поисках жанра» определяют себя как кофе-холл, кофе-бар.

Множество пивных заведений стимулируют ономастические поиски их хозяев. Из наиболее интересных экспериментов здесь можно назвать поиск иноязычного обозначения пива в русских словах, которые изображаются в разных графиках: ВЕЕРЛОГА (Красноярск, Самара, Череповец), ВЕЕРЖА (Самара). Используются и собственно иноязычные слова ВІЕРНОФ (Самара), и придуманные, как ВЕЕР НАРВОР в Великом Новгороде, как перевод названия кампании ПИВНАЯ ГАВАНЬ. В ином направлении идут поиски омских имядателей, придумавших название ПИВНАЯ БИБЛИОТЕКА (готическим шрифтом). Используют пивные заведения и географические ассоциации: так, в Самаре есть ирландский паб SHANNON.

Известен держателям кафе и приём использования «говорящих» фамилий: в Череповце маленькое кафе рядом с хлебокомбинатом называется БУЛКИНЬ.

Не чужды ресторанным онима и ориентирующие названия, мотивированные годонимами: так, в Омске есть кафе НА ДУМСКОЙ, НА ЗАОЗЕРНОЙ, НА КОМАРОВА, КАФЕ НА МАРКСА.

Как и в эмпоронии, здесь встречаются персональные названия, построенные по модели «У+род. падеж»: кафе У АКОПА и булочная У ГАНСА в Омске, кафе У БАБАЯ в Калининграде. При этом в названиях ресторана У ВАЦЛАВА и кабачка У ЙОРИКА в Новосибирске важны не владельческие смыслы, а информация о национальной кухне – чешской и европейской.

Итак, названия «заведений еды», которые всё чаще позиционируют себя одновременно и как заведения досуга, составляют обширный и весьма подвижный круг урбанонимов, в которых выразительно проявляются такие общие для городского ономастикона черты, как **иноязычие**, получающее здесь значение приверженности разным кухням, **архаизация** и **предъявления местного колорита, отталкивания от стандарта и языковые эксперименты.**

Городские объекты, для которых было выбрано обозначение заведе-

ния красоты, еще совсем недавно были представлены в наших городах единственным жанром – парикмахерская. Только самые известные в городе заведения могли получить имя собственное, при этом какое-нибудь пафосное типа ЧАРОДЕЙКА, остальные должны были довольствоваться номером.

Сегодня даже самая маленькая парикмахерская выбирает себе название, при этом выявляются сложившиеся предпочтения: это прежде всего женские имена, чаще всего несколько экзотичные: ВЛАДА, НИНА, ИЛОНА, НАТАЛИ, ВАЛЕРИЯ, ЛОЛИТА, ЛЮЦИЯ, КАТРИН, КАРМЕН, КОНСТАНЦИЯ, КЛЕОПАТРА, НЕФЕРТИТИ, АФРОДИТА, ДЖОКОНДА. Некоторые из этих имён можно истолковать как субъектные номинации – так заявляют о себе владелицы заведений (хотя для однозначно владельческих именовании выбирают форму У ДАШИ И ПОЛИНЫ – омские мастера), большинство же имён явно прецедентного характера и выносятся на вывески как своеобразные эталоны красоты. Литературные имена АЭЛИТА, АСССОЛЬ, ГАЛАТЕЯ, ЗЛАТОВЛАСКА, РУСАЛОЧКА легко встраиваются в этот ряд.

Субъектные же номинации очевидны в случае выбора слов профессиональной семантики, при этом обращаются к устаревшей лексике: КУАФЁР, ЦИРЮЛЬНИК.

Интересно, что парикмахерские часто не хотят быть парикмахерскими, а именуется *салон-парикмахерская*, *салон причёсок* или *салон красоты*. Французское слово *салон* кажется привлекательнее образования от немецкого *парикмахер*. Да и другие французские слова часты на вывесках заведений красоты: ШАРМ, ШИК, ПРЕСТИЖ, ПРЕМЬЕРА, ДЕБЮТ, КАПРИЗ, СТИЛЬ, КУРАЖ, МЭТР, НАТУРЭЛЬ/НАТЮРЕЛЬ, ТЕТ-А-ТЕТ, ФАСОН, РЕЗОН, КОМИЛЬФО, ЭТУАЛЬ, BELLE, SOIFURE. Конечно, и без англицизмов не обходится (БЬЮТИ, ИМИДЖ, РЕМИКС, ФРИСТАЙЛ, БЬЮТИ СТАЙЛ, СМАЙЛ), но галлицизмы явно преобладают.

В последнее время появились совершенно новые услуги на этом рынке и соответственно новые заведения: **солярии**, **салоны тату и ногтевого сервиса**, или нэйл-индустрии. Конечно, часто названные услуги оказываются в уже известных салонах красоты: так, калининградский салон красоты ХАМЕЛЕОН рекламирует всё: от стрижки до сведения татуировок, и это типично. Но всё-таки есть и специализированные салоны, которые выбирают себе особые названия и потому составляют особый фрагмент ономастикона города.

Солярии, о которых уже было сказано, что они стали всё чаще представляться как *студии загара*, *загар-студии* и *загар-клубы*, выбирают себе названия с почти обязательным экзотическим элементом: КАКАДУ (с рекламным слоганом *Не будь белым, будь загорелым!* – это в Новосибирске), МАНДАРИН, СОЛАНА, СОЛЯРИС, ТРОПИКАНА, СОЛНЦЕ МАЙАМИ. При этом естественно использование иноязычной лексики в графике оригинала: MAGIC SUN, SUNSHINE. Выпадают из этой экзотической традиции ОБЛАКА, СЕДЬМОЕ НЕБО и многообещающее имя крас-

ноярского солярия ВСЕЛЕННАЯ МОЛОДОСТИ.

Студия тату и пирсинга в Новосибирске взяла себе название ТАТУН-ХАМОН, не избежав соблазна обыграть историческое имя «в свою пользу».

Завершают перечень заведений красоты **фитнес-салоны**. Из их названий наиболее интересно ХАРИЗМА, смысл которого заключается в том, что заведение обещает своим клиентам не только усовершенствовать их облик, но и, как у них говорится, «подкачать харизму» – способность влиять на людей и склонять их к действиям в нужном направлении. На этом фоне другие названия фитнес-салонов типа БУДЬ В ФОРМЕ выглядят приземлённо.

История слова *харизма*, предшествующая его появлению на вывеске фитнес-салонов, кажется весьма интересной.

Это греческое слово значило поначалу 'дар', затем 'святость'. В западной политологии его стали использовать в смысле 'способность лидера убеждать и вести за собой'. Именно в этом значении оно и появилось в русском языке в самом конце прошлого века. И стало расширять своё значение до таких свойств, которые можно поддерживать с помощью фитнес-салонов.

Сопоставляя имена «заведений красоты» с другими урбанонимами, можно отметить, что для них важнейшим является момент привлекательности, и этого эффекта добиваются разными средствами, важнейшим из которых оказывается приём экзотизации – как намёк на возможность приобрести к «нездешней красоте».

Медицинские учреждения лет двадцать назад в ономастическое пространство города не входили, **больницы** различались по номерам, ведомственной принадлежности и специализации, например: *соматическая больница* в Красноярске, *детская* или *инфекционная* в любом городе, то же можно сказать об **аптеках** и **поликлиниках**.

Правда, и эти официальные имена могут быть исследованы с извлечением интересной социокультурной информации, как это сделано в статье Л. В. Дубровиной об английских и американских названиях больниц, которые она терминологически обозначает как медицинские эргонимы. Их анализ показал, что в них могут отражаться реальные имена, например *клиники Мейо* хранят память о семействе американских хирургов, основавших клиники и развивавших их; библейские имена, как *Синайская больница* (на горе Синай Христос исцелял больных и прокажённых), *Больница милосердных самаритян*. Автор обращает внимание и на термины, используемые в наименовании медицинских учреждений.

Изучение русской терминологии медицинских заведений тоже представляет интерес, в ней интересно складываются отношения русской и заимствованной лексики, ср. *лечебница*, *больница* и *поликлиника*, *клиника*, *госпиталь*; в последнее время медицинские учреждения всё чаще получают наименование с ключевым словом *центр*.

У нас редкие больницы удостоены меморативного наименования, как например *Городская клиническая больница имени С. П. Боткина* в Москве, находящаяся, кстати, на 2-м Боткинском проезде или *Городская инфекционная больница имени Боткина* в Петербурге; в последнем случае меморативность имеет реальный характер: Боткин был попечителем больницы, которая тогда называлась *Александровская барачная*. Московской же больнице, которая до 1920 года именовалась *Солдатёнковской* – по фамилии купца, на средства которого она была построена, имя Боткина присвоили по случаю десятилетия больницы. *Институту скорой помощи имени Склифосовского* имя выдающегося русского хирурга Николая Васильевича Склифосовского было присвоено по случаю 5-летия советской медицины; до этого она именовалась *Странноприимным домом*, а ещё раньше *Шереметевской больницей* – по фамилии построившего её графа Шереметева. Возвращаясь к вопросу о советской меморативности, который мы обсуждали при анализе имён городов и улиц, отметим, что переименования имели целью зачеркнуть память конкретных людей, сделавших многое для данных заведений и утвердить символическую память безусловно достойных людей, но не связанных с данным местом.

В устной речи москвичей обе эти больницы называются неофициально *Боткинская* и *Склифосовского*, или ещё короче – *Склиф*. Все эти названия встречаются в материалах прессы и интернет-ресурсов.

В постсоветскую эпоху массово вошли в ономастическое пространство **аптеки**. Появились лаконичные, но понятные названия 36.6, субъектно-ориентированные наименования **ВАШ ФАРМАЦЕВТ**, **СТАРЫЙ АПТЕКАРЬ**, **СТОЛИЧНЫЙ ДОКТОР**, **ЭСКУЛАП**, **ЦЕЛИТЕЛЬ**, **ЗНАХАРЬ**; «растительные» имена типа **АРНИКА**, **РОМАШКА**, **МЕДУНИКА**, **ЯБЛОЧКО**. Городской лексикон пополнился грецизмами **ФАРМОС**, **ЮНИФАРМ**, **СУПЕРФАРМА**, **ФАРМАТИКА**, **ФАРМАКОН**, **ФАРМАЦИЯ** и латинизмами **ВИТА**, **ДЕНТА**; актуализировались медицинские слова **ПАНАЦЕЯ**, имена **ГИППОКРАТ** и **АВИЦЕННА**. На этом фоне как необычные воспринимаются русские названия аптек типа **СЕМЕЙНАЯ**, **ЗДОРОВЬЕ**, **ЗАБОТА**, «почти народные» урбанонимы **ЗДРАВА**, **ЗДРАВУШКА**, **ЗДОРОВЕЙКА**, а также специальные сочетания типа **ФОРМУЛА ЗДОРОВЬЯ**, **ИСТОЧНИК ЗДОРОВЬЯ**, **ЛАРЕЦ ЗДОРОВЬЯ**, **МЕЛОДИЯ ЗДОРОВЬЯ**, **КРАСОТА И ЗДОРОВЬЕ**, **ОМСКОЕ ЛЕКАРСТВО**, неожиданный «бытовизм» **ВИТАМИНКА** и явное проявление языковой игры в названии **НОЛЬ-БОЛЬ**.

Как и любые другие городские заведения, аптеки используют «адресные» названия типа **АПТЕКА НА ВОДНИКАХ**, **АПТЕКА НА ЛОБКОВА**, **АПТЕКА НА ВАТУТИНА**.

Из лечебных учреждений наиболее активно входят в ономастическое пространство стоматологические клиники. Они используют латинский корень *дент-*, образуя окказионализмы типа НОВДЕНТА в Великом Новгороде, ДЕНТОКС, ДЕНТИКА, МАКСИ-ДЕНТ, ДЕНТАЛ, ДЕНТ АРТ ПЛЮС и EURUDENT в Новосибирске, а также позитивные русские слова, читающиеся как обещания: БЛЕСК, ИДЕАЛ-Д, ЖЕМЧУТ, ЖЕМЧУЖИНА, УЛЫБКА, ЛИНИЯ УЛЫБКИ.

Из других лечебных заведений ономастически именуются центры психологической помощи (ДОВЕРИЕ) и наркологической (КАТАРСИС), но их число не так велико, чтоб составлять ощутимый фрагмент городского ономастикона.

Итак, медицинские учреждения в ономастическом освещении показывают, что при расширении ономастического пространства в него оказались втянутыми прежде всего аптеки и стоматологические клиники, что ввело в городской ономастикон лексику с общей семантикой здоровья и активизировало медицинскую терминологию, сделав греческие и латинские корни не только фактом городского лексикона, но и объектом языковых экспериментов.

Подводя итоги вынужденно выборочного рассмотрения ономастикона города, нужно еще раз подчеркнуть, что ономастический ландшафт современного города насыщен и динамичен, не замечать его разных «пульсирующих» элементов мы не можем, потому что это часть нашей среды обитания. Поэтому у горожанина едва ли не ежедневно возникают различные мысли и эмоции по поводу фактов городского ономастикона; хотелось бы, чтобы после знакомства с изложенным эти мысли и эмоции были более рациональными, если можно так сказать, более квалифицированными. Теория городской ономастики складывается, и читатели этой книги могут внести в неё свой вклад.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Что такое урбанистика? Какие проблемы этой науки вам известны? Как вы думаете, можно ли говорить о лингвистической урбанистике? Как бы вы представили круг её проблем и социальных задач?

2. Назовите урбанонимы ближайшей среды вашего обитания. Что вы можете сказать об их значении, истории, эстетической привлекательности?

3. Приведите примеры урбанонимов вашего города, именующих фрагменты городского пространства, сооружения и социальные институты? Можете вы объяснить случаи метонимического переноса имени с одного объекта на другой?

4. Перечислите территориальные урбанонимы вашего города и объясните, как они связаны с природным ландшафтом?

5. Какие ойкодонимы Москвы и Петербурга известны не только жителям этих городов? В чём состоит культурно-историческое значение их

- объектов? Отражаются ли эти ойкодонимы в ономастиконе других городов?
6. Есть ли в вашем городе здания, имеющие имена собственные? С чем это связано? Дайте лингвистическую характеристику этих ойкодонимов.
  7. Назовите самые известные экклезионимы в нашей стране. Дайте их лингвистическую характеристику.
  8. Перечислите экклезионимы вашего города. К каким номинативным типам они относятся?
  9. Как называются мосты? Попробуйте вывести формулы, опираясь на знания о мостах в вашем городе и в других городах. Какой бы термин для имён собственных мостов вы предложили?
  10. Изучив карту Петербурга, перечислите имена собственные его мостов. Соответствуют ли они выведенной вами формуле? Как можно объяснить несоответствия?
  11. На примере московских вокзалов выведите принцип номинации этих городских объектов. Можно предложить термин для имён собственных вокзалов? Как бы вы сформулировали условие, при котором вокзал в том или ином городе может получить имя собственное? Справьтесь в этимологическом словаре о происхождении слова *вокзал*. Как можно объяснить связь его первого значения с современным?
  12. Изучив схему Московского метро, попытайтесь вывести принципы номинации его станций. Что оказывается главным основанием мотивации названий станций метро?
  13. Сделайте то же самое со схемой Петербургского метро. Найдёте ли вы отличия? Чем их можно объяснить?
  14. Как именуются рынки в вашем городе? Можно ли вывести общую формулу их наименования?
  15. Проанализировав названия парков в своём городе, сформулируйте принципы их наименования. Какие из них вам кажутся наиболее приемлемыми для этого вида городских сооружений? Почему?
  16. Познакомившись с понятием *городская эпиграфика*, приведите несколько текстов этого типа из наблюдаемых вами. Что это за тексты? Включают ли они урбанонимы? Какого типа?
  17. В Красноярске, как было сказано, улицу Крупской называют *Крупной*. Известны ли вам неофициальные урбанонимы вашего города? Можете вы составить небольшой словарь неофициальных урбанонимов вашего города? Какого типа имена собственные в нём окажутся?
  18. Можете ли вы подтвердить тезис о динамичности городской среды фактами языковой жизни вашего города? С чем связаны перемены, которые вам удаётся наблюдать? Можно ли увидеть в них тенденции?
  19. Приведите факты из урбанонимии Москвы или своего города, которые можно квалифицировать как элементы советского ономастикона? Ка-

кие их черты позволяют это сделать?

20. Эффект дезофициализации городского ономастикона достигается вовлечением в него слов разговорной стилистической окраски (*обувка, ма-карошка*)? Какие ещё слова помогают достичь того же эффекта? Приведите факты в доказательство своих утверждений.

21. Познакомьтесь с фрагментом книги Т. М. Григорьевой, где говорится о внедрении в нашу городскую среду латиницы. Приведите свои факты, подтверждающие это явление. Всегда ли оправданна «латинизация вывесок»? Какие бы вы предложили средства влиять на этот процесс?

22. Если тезис о том, что имя города многократно повторяется в его ономастиконе верен для всех городов, приведите подтверждающие его факты из языковой жизни вашего города.

23. Что значит имя города в терминологии московской топонимии? Откуда в современной Москве *валы, ворота, заставы*?

24. Что означает слов «кремль»? В каких еще городах есть кремли? Когда они возводились?

25. Какое место московский кремль занимает в городской топографии? Как это проявляется в грамматике московских хоронимов?

26. Какая информация о городском пространстве Москвы заключается в названии станции метро *Новослободская*?

27. Какая информация о природном ландшафте Москвы содержится в урбанониме *Лужники*?

28. Назовите административные и традиционные хоронимы вашего города. Чем можно объяснить их несовпадение?

29. Приведите несколько урбанонимов вашего города, в которых отражается природный ландшафт.

30. Взяв несколько годонимов вашего города, покажите на их примере отличие грамматического, семантического и семиотического подходов к их анализу.

31. Чем мотивировано название московской улицы *Петровка*? Что можно предположить на собственно языковых основаниях и что узнать из работ по москвоведению?

32. Есть ли в вашем городе годонимы субстантивной модели? К официальной или неофициальной годонимии они относятся?

33. Почему адъективные годонимы реже имеют неофициальные версии в устной речи горожан, чем генитивные? Можете ли вы привести пример генитивного годонима, имеющего адъективную версию в устной речи?

34. В Красноярске есть улица *Новая Заря*, в разных документах её постоянно записывают как «ул. *Новой Зари*». Почему? Известно ли вам это сочетание в качестве урбанонима в других городах? К какому разряду оно там относится?

35. Сформулируйте принципы советской меморативности, определяю-

щие языковую политику в городах.

36. Чем неудобны юбилейные наименования в городской среде?

37. Приведите эмпоронимы вашего города, которые вам кажутся удачными во всех отношениях и которые к удачным отнести, по-вашему, нельзя.

38. Проанализируйте название обувного магазина ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА с разных сторон. Как вы оцените такое номинативное решение владельцев магазина?

39. Какого эффекта добились владельцы небольшого магазина штор во Пскове, назвав своё заведение ОДЁЖКА ДЛЯ ОКОШКА?

40. Как вы относитесь к японским словам на вывесках всё более многочисленных суши-баров?

5. Как изучать ономастику

Решение поместить в книге раздел об изучении ономастики – как в начальной школе, так и в высшей – основано на уверенности в том, что важнейшее место в языковой компетенции современного культурного человека занимает **ономастическая** составляющая. Это означает, что культурный человек не может не понимать, какие имена относятся к собственным, чем они отличаются от нарицательных, как переходят границу между ними – туда и обратно, что представляет собой его собственное имя и какова специфика русских имён, что стоит за названиями его города, улицы, «любимой кафешки».

В опыте преподавания ономастики в университете и средней школе, участии в разработке программ по ономастике и руководстве дипломными работами методической направленности сложились представления о том, что ономастику необходимо преподавать на всех уровнях языкового образования, и о том, как это можно было бы делать*.

□ Некоторые из этих представлений изложены в статьях: «Твое собственное имя собственное, или Ономастика в школе», написанной совместно с учительницей красноярской школы Н. И. Мовшович и опубликованной в материалах Всероссийской научной

Основа ономастической составляющей языковой компетенции – стихийная ономастическая рефлексия, которую обнаруживает всякий думающий человек, но придать ей более последовательный вид, соотнести с элементарными научными представлениями может уже начальная школа.

В скобках отмечу, что стихийная ономастическая рефлексия и ономастическая деятельность школьников представляют интереснейший объект научного исследования, и такая традиция есть в отечественной лингвистике, укажу только на одну из публикаций такого рода (Судаков Г. В., Славнова Е. А.. Детские прозвища как явления языковой культуры // Русская речь. – 2005. – № 2). Мы же сосредоточимся на ономастических представлениях школьника, к формированию которых может приложить усилия учитель.

Важность этой части языковых представлений наших современников мы ощутили в спорах о переименовании городов и улиц, которые начались в 90-е годы и продолжают бушевать до сих пор, например в Волгограде или в Краснодаре. Пример из новгородской жизни – полемика о переименовании Софийской площади в площадь Победы, то есть о возвращении ей советского названия по случаю 60-летия Победы. Участвуя в дискуссии на заседании городской топонимической комиссии, я думала и о том, что содержание её могло бы быть другим при наличии у спорщиков реалистических представлений о роли онима в жизни города и его культурной ценности.

Начинать такую работу стоит с антропонимии, а ещё точнее – с имени собственного школьника. Три обязательных составляющих нашего официального наименования – имя, отчество, фамилия – только взрослому кажутся не заслуживающими обсуждения. Дети с интересом узнают, что их имена уходят корнями в библейскую древность, Грецию и Рим. Маленькие этимологические и исторические справочки превращаются для ребёнка в настоящие культурные открытия. Открытие маленького носителя имени может состоять и в том, что он узнает о разных способах выбора имени, о святцах и именинах, об особых отношениях со своим небесным покровителем. Получив задание разузнать, почему его так назвали, ребёнок обращается к истории своей семьи, узнаёт о событиях, предшествовавших его рождению, своих предках: бабушках и дедушках, иногда прадедушках. Выслушав в классе маленькие рассказы ребят об истории их имён, учитель может пригласить изложить их письменно и собрать **классную книгу** «Наши имена».

Все вместе ребята определяют самые популярные имена среди мальчиков и девочек. А потом как бы сам собой возникает вопрос о том, какие

конференции «Лингвистика и школа» (Барнаул, 2001. – С. 18–29), затем воспроизведённой в Интернете по адресам http://rus.1september.ru/2000/17/no17_2.htm и http://docum.cos.ru/portal/dt?last=false&provider=HMAOForPrintChannel&type=article&dbid=ARTICLE_74904, и «Детская ономастика» в журнале «Начальная школа» (2007. – № 5. – С. 90–95).

имена были популярны во времена детства их родителей. Оказывается, это можно узнать по отчествам – тоже небольшое открытие для младших школьников. И они с энтузиазмом производят такие подсчёты. Эти как будто игровые нескучные задания полезны и орфографически: например, ребята просматривают списки в журнале (отмечают, кстати, что мужское отчество пишется без мягкого знака). Предложение образовать отчества своих будущих детей – это почти игра в «Дочки-матери», но и упражнение по орфографии и словообразованию.

Фамилии могут дать массу материала для активизации языкового и лингвистического внимания детей. Прежде всего, можно использовать фамилии класса для обсуждения орфографических проблем: ведь фамилии друг друга дети слышат по многу раз в день, но как они пишутся, не знают часто и в средней школе. Обратиться к ним в орфографическом отношении очень выгодно педагогически: можно показать, что неправильное написание не позволит найти человека по фамилии. И обязательно надо предупредить, что фамилии не всегда подчиняются правилам орфографии, здесь традиция сильнее правил (так, фамилия экс-президента России *Ельцина* оформлена вопреки правилу, согласно которому в суффиксе после *Ц* пишется *Ы*, как в большинстве русских фамилий типа *Курицын*, *Лисицын*). Кстати, неосведомлённость в этом конкретном вопросе вызвала скандал в Екатеринбурге: когда журналисты приехали посмотреть на улицу, переименованную в память о Ельцине из улицы 9 января, они были ошарашены тем, что на подготовленных табличках фамилия была написана через *Ы*. Ошибочная надпись на доме не появилась, но все были неприятно удивлены (Известия. – 2008. – 24 апреля).

Наблюдая за фамилиями, надо отметить легко узнаваемые по фамильным суффиксам (*-ов*, *-ин*, *-ский*, *-ко*) и не содержащие фамильных примет. Это открывает перед ребятами дверь в грамматику русских фамилий, в которой можно находить интересное всю жизнь. Учителю стоит порекомендовать замечательную работу Б. Унбегауна «Русские фамилии», к которой мы не раз обращались в книге. Для младших школьников можно воспользоваться упрощённой типологией фамилий: от имени отца (*Николаев*, *Трушкин*), от названия профессии (*Кузнецов*, *Конюхов*) и от разнообразных прозвищ (*Рыбкин*, *Лопатин*, *Малинин*). Каких фамилий больше в классе, школе, ребята выясняют с интересом, так же, как и узнают о своей фамилии.

Все антропонимические знания школьника проявятся в письменной работе «Почему меня так называли», где могут быть использованы семейные рассказы, воспоминания старших членов семьи, полученные знания об именах. О фамилии здесь тоже может пойти речь, потому что современные родители часто подбирают имя, добиваясь гармоничного звучания имени – отчества – фамилии.

Другой способ формирования ономастической культуры – предоставить школьнику возможность быть не только слушателем рассказов учителя

об ономастике, читателем статей или книг, но и автором ономастического словаря. Так, ребятам было предложено создать «Топонимический словарь семьи». Для этого нужно было собрать сведения о названиях, во-первых, своего города, района, улицы, а во-вторых, тех мест, с которыми связана истории семьи: где родились мама с папой и бабушка с дедушкой, где учились родители или ездят отдыхать, где уже удалось побывать автору словаря. В расспросах и воспоминаниях у каждого ребёнка наберётся с десятков топонимов, которые он по своему усмотрению расположит и растолкует в своём словаре, часто сопровождая рисунками и фотографиями. Интересно отметить, что для словаря можно сделать на уроке труда специальные цветные тетрадки, все вместе они будут напоминать собрание сочинений. Главный результат такой работы – открытие детьми своего топонимического пространства, понимание его культурной ценности, а особенно приобщение к радости исследования и создания словаря. Кажется, что таких радостей у младшего школьника немного, и в этом ещё одна ценность ономастики.

Итак, ономастика для начальной школы – замечательная возможность, не уходя ни от одной из основных задач обучения и развития ребёнка, укрепить его в его стихийной ономастической рефлексии, заложить основы ономастической культуры, без которой представить современного культурного человека невозможно.

К сожалению, у нас мало хороших книг по ономастике – и для учителя, и для школьника. А ведь в круге детского чтения ещё в XVIII веке были «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и её детьми...» Андрея Болотова (1776–1779); «Геометрия для детей от 8 до 12 лет» Якоби, в переводе с немецкого Александра Барсова (1790); «Детская риторика, или Благоразумный вития» (1787). Последний жанр был возрождён Т. А. Ладыженской: под её руководством разработана серия пособий с таким названием, см. например: Ладыженская Т. А., Сорокина Г. И., Никольская Р. И., Ладыженская Н. В. Детская риторика. Учебная тетрадь для первоклассников. В 2-х частях (М., 1993). Опыт работы с младшими школьниками показывает, что есть острая потребность в библиотечке книг под общим названием «**Детская ономастика**». Здесь должны быть и небольшие популярные очерки по общим вопросам ономастики, а также более конкретные: по антропонимике, топонимике, зоонимике, региональной и городской ономастике. Но, может быть, еще важнее, чтобы школьник мог взять в руки небольшой и привлекательно изданный словарик – имён, фамилий, городских топонимов разного типа.

В средней школе ребят уже можно знакомить с ономастической терминологией и прививать навыки обращения с ономастическими словарями. Так, узнав термин *зооним*, школьники с энтузиазмом начинают составлять коллективный «**Словарь зоонимов**», собирая клички своих любимых животных. Кстати сказать, мы таким научным словарём не располагаем,

поэтому сбор кличек, установление их частотности может иметь самое настоящее научное значение (ср. публикации Ю. В. Гусевой, основанные во многом на опросах владельцев животных).

Хотя школьная программа и не предполагает серьезного знакомства с **этимологией**, однако обращение к онимам вызывает вопросы о происхождении того или иного наименования. Этимологические комментарии могут сопровождать объяснения, они воспринимаются школьниками с большим интересом, этимологический словарь может войти в их круг чтения.

Городские онимы, постоянно окружающие ребят, можно преподнести как загадки, которые требуют разгадывания с привлечением словарей, литературы по истории города; это увлекает их, вносит в школьное общение момент «следопытства». Не только сами городские онимы представляют интерес, но и отношение к ним горожан: расспрашивая своих близких о том, как они относятся к названиям ближайших улиц, магазинов, школьник становится участником социолингвистического микроисследования, при этом он обязательно начнёт формировать и своё отношение к городским именам. Не удастся избежать обсуждения и таких культурологических проблем, как выбор онима для разных объектов, переименование и сохранение имени как памятника истории.

Интересно отметить, что городской ономастикон можно воспринимать как своеобразный учебник. Он помогает школьнику под руководством учителя расширять свой запас иноязычных слов, узнавать историю и географию, даже немного словесность и музыку, ведь на городских вывесках можно прочесть такие слова, как *былина*, *соло*, *соната*, не говоря уже о множестве имён литературных героев – от *Ивана да Марьи* до *Гулливера*.

Более сложный материал представляют литературные произведения, которые дают возможность познакомить ребят с **литературной ономастикой**, её ролью в художественном произведении, в частности, с таким понятием, как *говорящие имена* литературных героев, античный антропомикон, откуда черпала имена русская поэзия XVIII–XIX вв.

Итак, изучение ономастики в школе может быть «растворено» в основном курсе русского языка и построено по принципу расширения ономастического пространства: твоё имя – топонимия твоей семьи – твой город – география планеты – мировая литература. Конечно, это не означает невозможности возвращения к тем или иным сюжетам. Так, личное имя глазами третьеклассника и десятиклассника будут выглядеть иначе, даже чтение своего текста и рассуждения о том, почему тогда написано именно это, много даст старшекласснику для понимания своей траектории языкового развития.

В университете даже не на филологических факультетах можно найти место для ономастики, например в курсе «Русский язык и культура речи».

Так, предлагая слушателям этого курса написать небольшую письменную работу «Ономастический автопортрет», сталкиваешься и с нежеланием что-то узнавать про себя же, и с радостью открытий: твоё имя связывает тебя с ветхозаветными временами, Византией или Римом – это же особое культурное переживание. Введение в круг чтения студентов ономастической лексикографии кажется полезным и в том отношении, чтобы у них вырабатывался иммунитет к ономастическим предрассудкам об «имени и судьбе», которые со страниц журналов и Интернета преследуют человека, создавая ложную картину отношений человека и его имени.

Если говорить о более основательном изучении ономастики, то это осуществляется в рамках специальных семинаров, где на протяжении нескольких лет студентами-филологами были, например, подготовлены курсовые, а затем дипломные работы, посвященные описанию ономастики их родных городов: Валдая, Кувшинова, Апатит. Небольшие города хороши в этом отношении тем, что их ономастиконы обозримы и описать их под силу студенту, хотя это большая и трудоёмкая работа. Интересной для будущего журналиста оказалась работа над ономастиконами областной прессы от её появления до наших дней, ведь в названии газеты или журнала отражаются дух времени и языковой вкус эпохи.

Особенно важно обращение к ономастике на педагогических факультетах и специальностях: разрабатывая педагогические проекты на материале ономастики, студенты сами глубже знакомятся с её проблемами, собирают интересный материал, иногда публикуют его, в том числе и в Интернете. В рамках подхода к городскому ономастикону как к «учебнику» были собраны урбанонимы Великого Новгорода, образованные от географических названий, показано, как по ним можно изучать географию не только Новгородской области и России, но и более отдалённых уголков планеты. Иноязычной лексики на вывесках только одного городского района хватило на то, чтобы провести цикл занятий, лингвистические экскурсии и создать с ребятами небольшие словарики слов из разных языков.

Подводя итог раздела, хотелось бы сказать, что ономастика располагает и к научно-популярным выступлениям лингвистов в прессе, где обсуждаются вопросы значимости и исторической ценности отдельных онимов, культуры обращения с именами собственными, идёт разговор о тенденциях современного городского ономастикона. Стоит ещё раз вспомнить «фамильную» рубрику А. В. Суперанской в «Российской газете» и специальную ежемесячную газету «Міръ імёнъ и названій». Материал газеты за 2006–2008 гг. издан в виде книги со значимым названием «Ономастика для всех» (Сост. М. В. Горбаневский и В. О. Максимов. – М., 2008). Такие публикации, хочется надеяться, способствуют повышению ономастической культуры наших современников.

Заключение

Итак, поставив задачу рассмотреть ономастическое пространство современного человека, мы смогли очертить только некоторые – хотя и безусловно важнейшие, но далеко не все его фрагменты.

За рамками нашего обзора остались наименования товаров, или *нейминг и брендинг*, как эта деятельность стала называться совсем недавно. Как скромное название фирмы, которое мы воспринимаем как элемент городского ономастикона, становится мировым брендом, что обеспечивает его успех – это предмет и лингвистического интереса. Материала для таких исследований – масса, лингвистические подходы обозначены, см., например, книгу двух авторов, один из которых нам уже хорошо известен: **Соболева Т. А., Суперанская А. В.** Товарные знаки (М., 1986). Быстроменяющаяся картина современного нейминга требует лингвистического мониторинга и выявления тенденций, которые идут за вкусами потребителя или формируют его.

С другой стороны, интересны имена собственные событий: *Куликовская битва*, например, или *Варфоломеевская ночь*. Особое место среди событийных онимов занимают названия праздников (*геортонимы*): *Иван Купала, Масленица, Пасха*. Как трудно придумать название для праздника, показывают унылые *День солидарности трудящихся* или *День работника торговли*.

Уникальную сферу ономастикона составляют имена собственные букв, которые входят в круг знаний образованного человека хотя бы потому, что в русском языке есть идиомы и пословицы с этими онимами типа *ни на*

йоту, ни аза, стол покоем; об этом можно почитать в моей статье «Алфавит в лексиконе: свое и чужое» в сборнике «Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина» [6, с. 629–642]. Интересно, что имена букв стали вовлекать в современный ономастикон: ЯТЬ, МЯГКИЙ ЗНАК, ТВЁРДЫЙ ЗНАК обновились среди брендов, в урбанонимии обнаруживаем АЗЪ (название издательства), ЕРЬ (кафе в Москве), ИЖИЦА (предприятие в Красноярске), многочисленные фирмы взяли себе название АЛЬФА, СИГМА. Эти интересные факты нуждаются в осмыслении.

Одна из самых интересных проблем – взаимодействие онимической и апеллятивной лексики, их взаимопроникновения. То, что ономастика черпает свои ресурсы из апеллятивной, понятно и естественно (такие сдвиги называют *онимизация*: *орёл*→*Орёл*); то, что разные фрагменты ономастикона пополняются за счёт друга друга, тоже понятно (такие передвижения называют *трансонимизацией*: река *Волга* →машина *Волга*). Но вот что онимы служат «сырьем» для апеллятивной лексики, кажется совсем не очевидным. Тем не менее такие факты есть, эти изменения семантики называют *деонимизацией*. Множество таких фактов приводится в книге Мурзаева, к которой мы не раз обращались при рассмотрении топонимов; им посвящена книга для школьников «От собственных имён к нарицательным» *Л. А. Введенской* и *Н. П. Колесникова* (М., 1981),

Но процессы деонимизации продолжаются, здесь много интересных сюжетов, к которым подойдёт общее название «скрытая ономастика». Кажется, раз она скрыта, то, может, и не стоит её «раскрывать»? Но ощущение истории слова, траектории его движения в лексиконе одного, а то и множества языков углубляет наше ощущение языка, наполняет общение присутствием культурной памяти.

Одним словом, в заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что ономастика – это не просто набор знаний, который надо освоить, а ещё и множество проблем, понимание существа которых может приближать нас к их решению. Кроме того, как уже понял внимательный читатель, ономастика – часть нашей практической жизни, языковой политики, которая может быть более рациональной при наличии в обществе высокого уровня ономастической культуры. В надежде, что книга будет этому способствовать, она и задумывалась.

Именной указатель

Указатель включает фамилии, имена и отчества наиболее значительных отечественных ономастологов, о работах которых идет речь в книге; краткую характеристику их заслуг перед ономастикой; отсылки к страницам книги, где они упоминаются. Работы учёных не описываются подробно, когда их можно найти в списке рекомендуемой литературы.

Агеева Руфь Александровна – известный российский специалист по топонимии, в частности по гидронимии, в том числе по гидронимии Псковской и Новгородской земель (1973, 1974, 1977, 1980, 1989, 2004), московской топонимии; автор книг о происхождении имён рек и озёр (1985), этнонимии (1990, 2000). Входит в руководство Топонимической комиссии.

Бодуэн де Куртенэ Ян Игнаций Нечислав, в России **Иван Александрович** (1845–1929) – польский лингвист, больше 40 лет проработал в российских университетах Казани, Петербурга, Дерпта (Тарту); в Польше считается основоположником изучения национальной ономастики.

Бондалетов Василий Данилович – российский лингвист, в ономастологии известен как автор статей по антропонимике, учебника «Русская ономастика» (М., 1983).

Васильев Валерий Леонидович – российский специалист по топонимии, в частности по топонимии Новгородской земли (1994, 1995, 1997, 1998, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004); автор книг о новгородской географической терми-

нологии (2001) и архаической новгородской топонимии, образованной от личных имён, в том числе улиц Новгорода (2005).

Веселовский Степан Борисович (1876–1952) – русский историк, автор «Ономастикона», изданного посмертно в 1974 г.; представляют собой продолжение труда Н. М. Тупикова; автор программной статьи «Топонимика на службе истории» (1945) и ряда конкретных исследований.

Востоков Александр Христофорович (1781–1864) – русский филолог, историк языка; его работа «Задача любителям этимологии» (1812) положила начало научной топонимике в России, выдвинув в центр внимания понятие топоформантов.

Матвеев Александр Константинович – основатель Екатеринбургской ономастической школы, автор работ по топонимике Русского Севера, взаимодействию русского и финно-угорских языков в топонимических системах и общетеоретических трудов по ономастике – ономатологии.

Мурзаев Эдуард Макарович – автор множества работ по географической терминологии, топонимике, знаток топонимии Востока; автор популярной книги «География в названиях» (1979, 1982); словаря народной географической терминологии (1984), один из авторов «Русской ономастики».

Никонов Владимир Андреевич (1904–1988) – известный русский ономастолог; автор теоретических работ по топонимике и антропонимике, где он утвердил географический подход и важность статистических данных, словаря имён (1988) и фамилий (1993), первого учебного пособия по топонимике (1965) и краткого топонимического словаря (1966). Руководил работой групп ономастики в академических институтах, топонимической комиссии Московского филиала Географического общества. См. статью о В. А. Никонове в «Русской ономастике» [14, с. 145–147]. – С.

Подольская Наталья Владимировна – автор работ по топонимике, антропонимике, в том числе новгородской, словаря ономастической терминологии.

Попов Александр Иванович (1899–1973) – историк, финноугровед, в области ономастики автор многочисленных работ по региональной топонимике – Русского Севера, Карелии, Мордовии (конец 1940-х гг.), первых теоретических и учебных работ по ономастике – «Географические названия (Введение в топонимику)» (1965), научно-популярной книги «Следы времен минувших» (1981).

Поспелов Евгений Михайлович (1923–2007) – российский топонимист, автор Топонимического словаря, уникального словаря «Имена городов: вчера и сегодня» (1993), «Топонимического словаря Московской области» (2000), «Иллюстрированного атласа мира. География мира: новейший топо-

нимический словарь: ок. 8000 единиц» (М., 2007), с 1964 г. возглавлял Топонимическую комиссию Московского филиала Российского географического общества.

Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – русский лингвист, историк языка, автор работ по антропонимике: «Смена фамилий и личных имён» (1934), полностью опубликована Б. А. Успенским в Учёных записках Тартуского университета в 1971 г., «Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ» (1948), где представлена классификация фамилий «по значению основы» на материале Словаря Тупикова. Большое значение имеет его статья «Из старой и новой топонимики» (1939), где впервые описаны изменения в топонимии XX века. Последние работы опубликованы в сборнике избранных трудов (1986).

Суперанская Александра Васильевна – автор теоретических работ по ономастике, в том числе фундаментальной «Общая теория имени собственного» (1973), работ о фамилиях, топонимии и товарных знаках, а также «Словаря русских личных имён» (2003, 2005), включающего более 7500 имён; ведет рубрику о фамилиях в «Российской газете».

Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) – выдающийся российский филолог, семиотик, славист и специалист по другим языкам и культурам; в отечественной ономастике соавтор одной из первых книг по топонимике как лингвистической дисциплине (1962); опубликованы работы о гидронимии, имени в мифопоэтическом контексте (1979), истории и этимологии отдельных топонимов.

Трубачёв Олег Николаевич (1930–2002) – российский лингвист, специалист по этимологии, переводчик и издатель русской версии Словаря Фасмера; соавтор одной из первых книг по отечественной топонимике как лингвистической дисциплине (1962); см. *Топоров В.Н.*

Тупиков Николай Михайлович (1869–1900) русский антропонимист, главный труд которого – «Словарь древнерусских личных собственных имён» – издан посмертно в 1903 году А. И. Соболевским и до сих пор остаётся самым солидным собранием древнерусских имён; переиздан в 2004 и 2005 гг. в Москве.

Унбегаун Борис Оттокар (Борис Генрихович) (1898–1973) – известный славист, профессор Оксфордского университета; автор статей о русской топонимии – именах городов – и знаменитой работы о русских фамилиях (Лондон, 1972), в русском переводе опубликованной в 1989, затем в 1995 г.

Успенский Лев Васильевич (1900–1978) – русский писатель, филолог; автор популярных работ по ономастике, в том числе для детей: «Ты и твоё имя» (1960), «Имя дома твоего» (1967), «Загадки топонимии» (1969), неод-

нократно переиздававшихся в последующие годы.

Успенский Борис Андреевич – русский лингвист, семиотик, историк языка; автор работ по исторической антропонимике, редактор и автор послесловия к русскому переводу книги Б. Унбегауна «Русские фамилии».

Федосюк Юрий Александрович (1920–1993) – русский филолог, популяризатор, автор работ по истории и топонимике Москвы, справочника «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века»; словаря фамилий, который вышел первым изданием в 1972 году в издательстве «Детская литература», сложившись из статей в журнале «Наука и жизнь» и книги «Что значит ваша фамилия», вышедшей в том же издательстве в 1968 году; последнее издание словаря вышло в 2006 году.

Терминологический словарь

Построен с опорой на Словарь Подольской; отсутствующие в нём термины отмечены знаком *. Помимо собственно ономастической, словарь включает лингвистическую терминологию общего характера, необходимую для понимания обсуждаемых здесь проблем. При её толковании подчёркиваются моменты, важные для ономастики, приводятся и соответствующие иллюстрации.

Аббревиация – способ словообразования, предполагающий сокращение и сложение слов; в ономастике использовался в XX веке при изобретении новых советских имён в противоположность христианским, например *Владлен* = **Владимир Ленин**. Используется в официальной (*Мосфильм*, *Газпром*) и неофициальной урбанонимии, например *Примбуль* = Приморский бульвар в Севастополе (информация Ю. Ситько).

Аббревиатура – слово, полученное в результате аббревиации, продукт аббревиации (ср. креатура). В ономастике используются как уже готовые аббревиатуры или их дериваты (*улица Комсомольская*), так и специальные (*Петмол* = петербургское молоко, молокозавод в Петербурге и торговая марка).

Абброморф – часть слова, полученная в результате аббревиации и регулярно используемая в образовании аббревиатур (*пет*=петербургский, *мос*=московский, *гос*=государственный).

Агионим – имя собственное святого (ср. *агиография* – жизнеописание святых); агионимия в значительной степени совпадает с антропонимией, поскольку в христианской традиции людям дают имена святых, считающихся в силу этого обстоятельства их покровителями. Часто агионим отли-

чается от антропонима произношением и написанием, ср.: *Иоанн / Иван, Сергей / Сергей, Алексей / Алексей, Татиана / Татьяна*; при этом антропонимы оказываются орфографически и орфоэпически упрощёнными версиями имени, приближёнными к характеру национального языка, в нашем случае – русифицированными. Агионимия присутствует в русском ономастиконе как мотиватор экклезионимов (церковь *Петра* и *Павла* в Кожевниках) и ойконимов (село *Никольское*, город *Санкт-Петербург*).

Адъектив – прилагательное; латинский термин по сравнению с русским (старославянским по природе своей) имеет такое преимущество, что от него образуется прилагательное **адъективный**, необходимое для характеристики разных топонимов, ср. в форме прилагательного.

Аналитизм – типологическое свойство грамматики языка, заключающееся в неизменяемости слова и выражении грамматических значений служебными «словечками»; противопоставляется флективности; к аналитическим языкам относят английский; последнее столетие русский язык обнаруживает тенденцию к аналитизму, проявляющуюся и в ономастике, например в отказе от склонения ойконимов типа *Останкино, Домодедово, Чудово*.

Англицизм – заимствование из английского языка; в ономастиконе широко используются как в кириллическом написании (ИМИДЖ, ШУЗ), так и на языке оригинала (магазины CASH AND CARRY, COLOR & FORM).

Антропоним – имя собственное человека; ср.: *антропология, антропометрия, антропогенные факторы*. Русские антропонимы включают трёхэлементную формулу официального именованья (имя, отчество, фамилия) и обиходные имена, иногда и прозвища. Русская антропонимия отражается в словарях личных имён: Суперанской, Петровского, Тихонова и др.

Антропонимика – наука об антропонимах, часть ономатологии.

Антропонимикон – см. *Именник*.

Антропонимия – совокупность антропонимов. По данным В. А. Никонова, термин впервые был употреблен португальским лингвистом Ж. Лейте Васконсельва (1887).

Апеллятив – имя нарицательное, не оним. Апеллятивная лексика противопоставляется ономастической и служит её основным ресурсом (*город Орёл, газета «Известия», магазин «Кроха»*); с другой стороны, пополняется за счёт онимической в процессе её *апеллятивизации*, или *деонимизации* (*рентген, майонез, джинсы*).

Апеллятивизация – переход онима в апеллятивы; например: *Иван* → 'русский'; *Фриц* → 'всякий немец'; *Бурёнка* → 'корова', *Бобик* → 'собака'. Иначе *деонимизация*, ср. противоположное – *онимизация*.

Апотропейческое имя – охранное, защитное (от греческого *апотропайос* 'предотвращающий беду, отводящий несчастье'), тип нецерковного древнерусского имени, дававшегося в надежде отвести от ребёнка то, что фигурирует в имени: *Злоба, Збота, Захворай*. Сохраняются в современных русских фамилиях типа *Заботин, Некрасов, Ненашев*.

Большая буква – см. *Прописная буква*.

Галлицизм – заимствование из французского языка; в ономастике

обычны в современной урбанонимии (парикмахерская КУАФЁР, магазин одежды BOUTIQUE).

Генитив – родительный падеж; латинский термин по сравнению с русским (старославянским по природе своей) имеет такое преимущество, что от него образуется прилагательное **генитивный**, необходимое для характеристики разных топонимов; ср. в форме *родительного падежа*. В русской топонимии генитивные годонимы и урбанонимы получили массовое распространение в советское время (*улица Ленина, Парк культуры и отдыха имени Горького*).

Гидроним – вид онима, имя собственное водного объекта; от греческого *гидро* 'вода'. Конкретно см. **Потамоним, Пелагоним, Лимноним**.

Гипокористическое имя, гипокористика (буквально 'уменьшительное') – **обиходная** (домашняя, неофициальная) форма крестильного имени: *Коля* от *Николай*; *Люся, Люда, Мила* от *Людмила*. Образуются согласно **грамматике обиходных имен**.

Годоним – вид урбанонима, имя собственное линейного объекта городского пространства: улицы, переулка, проспекта, проезда, бульвара, площади, набережной, тупика, шоссе в его городской протяженности, как *шоссе Энтузиастов* в Москве. Грамматика годонимии включает в основном три модели: субстантивную (*Сретенка*), адъективную (*Ленинский проспект*), генитивную (*проезд Девичьего поля*). Кроме того, встречаются нетипичные годонимы типа *улица Фёдоровский ручей* в Великом Новгороде. В содержательном плане годоним может быть семантическим и семиотическим.

Годонимия – совокупность годонимов, ср. *топонимия, урбанонимия*.

Грамматика обиходных имён – система языковых средств, позволяющих производить обиходные имена из официальных. Суффиксоиды *-ня, -ка, -ша, -ха* и др.

Грецизм – заимствование из греческого языка; регулярно встречаются в научной терминологии, в том числе ономастической, в религиозной лексике; в ономастиконе – прежде всего антропонимы (*Фёдор, Николай, Андрей*); топоформант *-поль* от греческого *полис* распространён среди русских городов (*Ставрополь*).

Деонимизация – см. **Апеллятивизация**.

Дериват – производное от слова, результат деривации, или слоообразования.

Диминутив – уменьшительно-ласкательная или, напротив, пренебрежительная форма существительного (*столик, морозец, ручка*), прилагательного (*маленький, тоненький*) или наречия (*скромненько, славненько*). Иногда встречается в написании *деминутив* (устаревшее). В ономастике активно используется в грамматике обиходных имен как вторичное образование (*Таня* → *Танька, Танечка, Танюша*; *Маша* → *Машка, Машенька, Машуня*). От диминутивных форм имени образуются фамилии типа *Аннушкин, Васечкин* и под. Широко представлен в современном городском ономастиконе (**КАБАЧОК, КОЛОКОЛЬЧИК, ОДЁЖКА ДЛЯ ОКОШКА**).

Дохристианское имя – древнерусское имя, элемент древнерусского антропонимикона, существовавшее после принятия христианства сначала параллельно крестильному как мирское (*Ярослав* в крещении *Георгий*), затем как неофициальное, домашнее; впоследствии воспринималось как прозвище, на основе которого давались фамилии, поэтому сейчас состав дохристианских имён хранится фамилиями (*Некрасов, Третьяк*); см. **Нецерковное имя, Некалендарное имя, Апотропейческое имя.**

Заглавная буква – см. **Прописная буква**

Защитное имя – см. **Апотропейческое, Охранное.**

Зооним – имя собственное животного, кличка; ср. *зоология*. Термин стали использовать с 60-х гг. прошлого века. Собрания зоонимов и инструкции по образованию их отдельных типов публикуются с начала века: **Сабанеев Л. П. Охотничий календарь. Справочная книга для ружейных и псовых охотников** (СПб., 1904). Типология зоонимов включает *гипонимы* (*иппонимы*) – клички коней, *кинонимы* – клички собак, *фелинонимы** – клички кошек. При необходимости могут быть образованы термины для обозначения кличек птиц – *орнитонимы*, бизонов – *бизонтонимы* и т.д. (Словарь Подольской, с. 59).

Зоонимия – совокупность зоонимов; ср. *топонимия, антропонимия*.

Именины – день святого и празднование; **тезоименитство** – именины царственных особ.

Именник – состав имён, которым пользуются при имянаречении, особый у разных народов и в разные эпохи; иначе *антропонимикон*.

Именинник – человек, отмечающий именины – день своего святого, иначе день ангела; часто неправильно используется при обозначении человека, у которого день рождения, в этом случае надо говорить *новорождённый*.

Имя – 1) элемент антропонимии (см. **Отчество, Фамилия, Прозвище**), словари имён; система имянаречения (см. **Святы**); 2) составная часть перифрастического обозначения любого онима: имя города, имя улицы и т.п. (имя = имя собственное).

Имянаречение* – *практическая антропонимика*, практика выбора имени для человека, совершаемая третьими лицами (например, родителями) или им самим.

Кавычки – знак препинания; используется при графическом оформлении некоторых типов онимов: названий книг, кинофильмов, печатных изданий. Например, газета «*Известия*», роман «*Война и мир*», кинофильм «*Летят журавли*».

Календарное имя – см. **Крестильное, Крёстное имя.**

Калька – буквальный, «поморфемный» перевод слова на другой язык; в ономастике широко применяется, например, при освоении иноязычной топонимии (вепсское *Воугедарь* становится русским *Белоозером*; тюркское *Кызылджар* – *Красноярском*). В случае, когда переводится одна из морфем, говорят о полукальках: *Шалозеро, Ундозеро, Кенозеро*.

Кличка – существительное от глагола *кликать*, ср. в Словаре Даля:

Всяк кличется по имени; в современной ономастике используется как синоним терминов *прозвище* (партийная кличка, уголовная кличка – *кликуха, погоняло*) и *зооним*.

Крестильное имя – антропоним, личное имя, взятое из церковного календаря (святцев) и присвоенное человеку при крещении; в русской традиции состав крестильных имён представляет собой имена православных святых (агионимы); см. *Крёстное, Церковное, Календарное* имя.

Крёстное имя – см. *Крестильное имя*.

Латинизм – заимствование из латинского языка; широко используется в научной лексике, в том числе в ономастической терминологии (*урбаноним*); в ономастиконе представлены в антропонимии (*Валерий, Валентин*), в урбанонимии (МОДУС, GAUDEAMUS).

Литературная ономастика – состав онимов, используемых в художественных текстах: антропонимы, топонимы, урбанонимы. Могут воспроизводить реальные онимы (*Подъезжая под Ижоры*), представлять собой их модификации или изобретаться писателем (говорящие фамилии: *Стародум, Фамусов*). В отличие от реальных онимов, наделены поэтическими смыслами: *Онегин, Печорин*. См. *Словарь личных имён*.

Матроним – элемент антропонимии, наименование человека с упоминанием имени его матери; от латинского *mater* 'мать' и греческого 'оним'; противоположность **Патрониму** (см.). Лежит в основе русских метронимических (матронимичных) фамилий типа *Марфин, Аннушкин, Катюшин*.

Матронимичная фамилия – тип фамилии, то же, что метронимические (использует Никонов – см. 198–199). См. *Матроним*.

Метонимия – вид тропа, состоящий в перенесении имени с одного объекта на другой на основании смежности. В ономастике действует как принцип образования прозвища, а из него фамилии, в частности профессиональной, ср. *Масленников* и *Маслов*. Активно используется в топонимии (река Москва → город Москва), урбанонимии: магазин канцелярских товаров называется СКРЕПКА, зоомагазин – КАКАДУ. Термин используется в форме прилагательного *метонимический* и наречия *метонимически*.

Метронимическая (матронимичная) фамилия – тип фамилий с упоминанием имени или социального статуса матери типа *Аннушкин, Марфин, Солдаткин, Бабкин*.

Мотивированность – свойство слова отсылать к другому слову, через которое объясняется его значение (*морской* =имеющий отношение к *мору*). Для русского языка характерна высокая степень мотивированности лексики; а значит, высокий уровень ожидания мотивированности. В онимах он заведомо ниже, чем в апеллятивах, отсюда множество наивных объяснений топонимов (народная этимология, топонимические легенды).

Некалендарное имя – см. *Нецерковное имя, Дохристианское имя*.

Нецерковное имя – см. *Дохристианское имя, Некалендарное имя*.

Номинация — наименование, называние, присваивание имени; в последнее время появился также новый для нас термин *нейминг* – выбор имени для товара, фирмы.

Обиходное имя – вариант официального имени, используемый в семейном и дружеском кругу, иначе – *гипокористическое*, чаще всего отличающийся от него финалью. Наряду с официальными вариантами крестильных имен, служат основой для образования фамилий (отымённых); ср. *Карпов и Карпиков, Карпочкин, Карпунин, Карпухин, Карпушкин*. Это многократно увеличивает число фамилий, производных от одного крестильного имени. Так, по данным Унбегауна, от имени *Иван* образуются до ста разных фамилий: *Иванчиков, Ивашов, Ивашко* и т.д. См. *Грамматика обиходных имён*.

Однофамильцы – люди, носящие одну фамилию. С точки зрения практической создаёт это неудобства в общении, приходится уточнять, кто из них имеется виду в каждой ситуации; иногда создаёт неловкие и комические ситуации. В культурном плане накладывает определённые обязательства на человека: известная фамилия предполагает значительность всех её носителей.

Оним – имя собственное. В качестве морфемы входит в термины, обозначающие типы онимов: *антроп-оним, топ-оним, зо-оним* и др. С его помощью образуются термины собирательной семантики типа *антропонимия, топонимия, зоонимия* и наименования разделов ономастики: *антропонимика, топонимика, зоонимика*. Не имеет ономастического значения в лексикологических терминах *син-оним, ант-оним, пар-оним*, где имя понимается как собственно наименование, номинация.

В другой традиции онимия именуется *проприальной* лексикой: от латинского *nomina propria* – имена собственные; в отечественной традиции уступает термину греческого происхождения, но встречается в лингвистических работах.

Онимизация – использование имени нарицательного как собственного (*медведь* → *село Медведь*), одно из основных средств пополнения ономастикона.

Онимический – относящийся к онимам, ономастике; противоположное к *апеллятивный*.

Ономаст – специалист по ономастике, лингвист, а также историк, географ, изучающий проблемы ономастики в том или ином аспекте.

Ономатолог – то же, что ономаст при именовании науки об ономастике ономатологией (предложено А. К. Матвеевым, используется другими ономатологами).

Ономастика – из греческого 'искусство давать имена'; 1) наука об именах собственных; 2) совокупность имен собственных. Термин утвердился, начиная с 1930-х годов, когда стали проводиться Международные ономастические конгрессы, создаваться научные организации и журналы, в название которых входит этот термин: Ономастический комитет при ЮНЕСКО, журналы «*Revue Internationale d'Onomastique*» (Париж), «*Onomastica*» (Вроцлав – Краков – Варшава).

Ономастикон – состав имён собственных; может использоваться конкретно – по отношению к определённому пространству, времени, жанру: древнерусский ономастикон, ономастикон Великого Новгорода, русской загадки.

Ономастический ландшафт – комплекс онимов определённого пространства (города, края, страны), в котором все элементы находятся в сложных соотношениях с учётом природного и культурного ландшафтов.

Ономастическое пространство – часть действительности, получившая ономастическое наименование; в разных культурах и в разное время отличается объёмом, плотностью, соотношением его разных фрагментов. Термин в несколько ином значении – совокупность онимов – используется многими ономатологами.

Ономатография – словарное описание различных типов онимов; термин предложен А. К. Матвеевым как параллельный лексикографии. Типология ономатографических изданий связана с различием типов онимов (антропонимические, топонимические, зоонимические), а с другой стороны, с целью описать или нормировать написание / произношение онимов, то есть с противопоставлением описательных, нормативных и этимологических словарей.

Ономатология – наука об ономастике в концепции А. К. Матвеева, термин способствует разграничению обозначений науки и её объекта, с одной стороны, и стройности научной терминологии – с другой: ср. лексика / лексикология.

Орфография ономастическая – правила написания, графического оформления онимов, касающиеся в первую очередь выбора прописной буквы, кавычек.

Отчество – элемент русской антропонимии, часть наименования человека, образованная от имени его отца с помощью суффиксов *-ович*, *-овна*. Входит в официальное (паспортное) именование, составляет специфику русской антропонимии. См. **Патроним**.

Охранное имя – см. **Антропнейческое**, **Защитное**.

Паремия – воспроизводимое речение как часть национальной речевой культуры: пословица, поговорка, присказка, загадка. Иногда включает в свой состав онимы: *Москва слезам не верит*, *Этого Кузьму я и так возьму*.

Паремология – наука о паремиях, их типологии и словарном описании.

Патроним – наименование по отцу, ср. патриотизм – любовь к родине, отечеству; отчество. Патронимы составили основу русских фамилий: *Иванов сын* → *Иванов*, поэтому основной тип русских фамилий – **Патронимический** (см).

Патронимический тип фамилии, образованной от имени или прозвища отца.

Пелагоним – имя собственное моря или его части; от греческого *пела-*

гос 'море'. Входит в круг гидронимов, иногда не различается от лимнонима – *Каспийское море*.

Потамоним – имя собственное реки (от греческое *потамос* 'река', ср. *гиппопотам* – буквально 'речная лошадь'). Потамонимы относятся к самым древним онимам, часто неясной этимологии, как *Волга*, *Москва*; однако множество потамонимов имеют прозрачные имена, например множество Чёрных речек на разных территориях и языках (тюркское *Карасу*, финское *Му-стойоки*)

Прозвище – элемент неофициальной антропониимии, словари прозвищ. См. *Кличка*.

Прописная (заглавная, большая) буква – буква более крупная по размеру, выступающая над строкой и несколько иного начертания в противоположность строчной (маленькой). Используется как одно из средств ономастической орфографии.

Проприальная лексика – См. *Оним*.

Святыи – жанр церковной книги, содержащий перечисление имен всех святых по дням; использовались в практике православного имянаречения для выбора имени в зависимости от даты рождения младенца; см. *Имя, Именник, Крестины, Именины, Крестильное имя*.

Соматизмы – названия частей тела: *борода, зуб, шея, язык, нога*. В ономастике используются как ресурс для прозвищ, послуживших основой фамилий типа *Бородин, Зубов и Беззубов, Шеин и Кривошеин, Ногин и Безногов, Худоногов*.

Субстантив – существительное; латинский термин по сравнению с русским (старославянским по природе своей) имеет такое преимущество, что от него образуется прилагательное **субстантивный**, необходимое для характеристики разных топонимов; ср. *в форме существительного*.

Суффикс – элемент морфемной структуры слова, чаще словообразовательный. Для ономастики важны суффиксы-форманты определенных типов онимов: суффиксы фамилий *-ов(а), -ин(а), -енко, -ский(ая)*; суффиксы ойконимов *-ск, -ицы*; приближаются по функции к суффиксам и такие ойконимические форманты, как *-град, -поль, -бург*.

Суффиксоид – сегмент личного имени, работающий в грамматике домашних имён, не имеющий аналогов среди регулярных суффиксов апеллятивной лексики, например: *-ня, -ша, -ся, -ха*. Антропонимические суффиксоиды, как и обычные суффиксы, различаются продуктивностью (ср. *-ня* и *-ра*), предпочтительностью в разные периоды и в разных местах.

Тебним – имя собственное бога в античной мифологии (*Зевс, Афродита, Гермес, Меркурий*) или славянском язычестве (*Перун, Сварог*); происходит от греческого корня *теос* 'бог' в латинской огласовке, встречающегося в терминах *теология, теократия*, известного также в греческой огласовке в составе личных имён *Феофил, Федот, Фёдор* (ср. европейские имена *Теодор, Тодор*).

Техника языковая – средства, используемые при создании слова. В образовании онимов в основном «работают» техники: онимизация, или нуле-

вая техника – перевод слова из разряда апеллятивов в онимы; аффиксальная – использование специальных суффиксов или суффиксоидов (*Буян-ка, Черныш, Черныш-ов, Ерш-ович*); аббревиация (*Владлен*).

Тёзки – носители одного имени; ощущают единство как покровительствуемые одним святым и отмечающие именины в один день. В польской культуре приняты общенародные празднования именин, такие праздники называются Барбарки, Анджейки – то есть именины всех Барбар, Анджеев и т.д.

Топоним – имя собственное места (от греческого *τοπος* 'место, пространство'); иначе географическое название. Конкретизируется в более «узких» терминах: *гидроним, ороним, ойконим, хороним*, частично – *урбаноним*.

Топонимика – наука о топонимах, часть ономатологии (ономастики).

Топонимия – совокупность топонимов определенной местности, страны.

Урбаноним – городской оним, имя собственное городского объекта; от латинского *урбанус* 'городской', иногда используется в виде *урбоним*. Предлагается разделять урбанонимы городского пространства, сооружений и социальных институций.

Фамилия – элемент официального наименования человека, важнейший антропонимический элемент (см. *Имя, Отчество*), семейное имя (этимология слова от латинского *семья*); словари фамилий.

Фатика – общение, направленное на поддержание общения, при котором информативность отходит на второй план или даже исчезает вовсе. В урбанонимии фатическое значение имеют некоторые имена заведений типа **ВАШ СТИЛЬ, ДЖИНСОВЫЙ РАЙ, ДЛЯ ТЕБЯ**.

Финаль – конечная часть слова, иногда совпадающая с окончанием или суффиксом; часто бывает нужной для определения типа слова, в том числе онима, например фамилии на *-ичихин*, топонимы на *-ино, -ево*. См. **Формант, Суффиксоид**.

Фирмоним – имя собственное фирмы, новый вид онима, появившийся у нас в 90-е гг.; опубликован словарь вятских фирмонимов.

Флективность – типологическое свойство грамматики языка, заключающееся в изменемости слова и выражении грамматических значений флексиями; противопоставляется аналитизму. Флективность характеризует русский язык, в последнее столетие уступает аналитизму — тенденция к аналитизму, проявляющаяся в том числе и в онимах (ср. функционирование фамилий типа *Черных, Шевченко* или топонимы типа *Останкино*).

Формант – часть онима, позволяющая опознать в нём тип ономастического объекта. Лучше других разработаны теоретически форманты фамилий и топонимов (топоформанты). По природе своей могут быть морфемами (суффиксы притяжательных прилагательных *-ов, -ин* как форманты русских фамилий, суффиксы *-иха, -ицы* как форманты ойконимов) или иноязычными словами, например географическими терминами, как финноугорское слово *ярви*, означающее 'озеро', ставшее топоформантом русских ойконимов Ленинградской области *Воляярви* и *Каннельярви*.

Основателем метода топоформантов в отечественной ономатологии считается А. Х. Востоков, обративший внимание на потамонимы с финалью *-га* (*Пинега, Вага*). Существенный вклад в развитие этого метода внёс В. А. Никонов, соединив его со статистическим методом; так, он установил, что в ойконимии Ивановской области доля топоформанта *-ов* от 35,5 до 49,2 %, а *-иха* от 3,7 до 16,2 %.

Церковное имя – см.: *Календарное, Крестильное*.

Экклезионим – имя собственное церкви, храма, часовни, монастыря; от греческого *эκκλησία* 'собрание, церковь'; рассматривается среди топонимов культурного ландшафта и урбанонимов сооружений, имеющих большое значения для городских имён в целом и для годонимии, в частности.

Эмпороним* – вид урбанонима, имя собственное торгового заведения; от греческого *эмпория* 'торговля'.

Этимология – лингвистическая наука, объясняющая происхождение слов; в ономастике весьма актуальна в связи с тем, что разные типы онимов отличаются древностью, иноязычностью, претерпевают массу преобразований в истории своего бытования.

Этиология* – информация о причинах и условиях возникновения онимов, часто используется при этимологических разысканиях, но, в отличие от этимологии, имеет дело не с языковыми, а с экстралингвистическими фактами, историко-документальными сведениями. Термин предложен В. А. Никоновым.

Этноним – название народа, этноса; об отношении этого типа лексики к онимам или апеллятивам есть разные точки зрения. При взгляде на этнонимы как имена нарицательные нельзя отрицать их огромного значения для антропонимии в первую очередь фамилий (*Литвинов, Черемисин*), топонимов (*Пермь, Карелия*).

Рекомендуемая литература

СЛОВАРИ

1. **Агеенко, Ф. Л.** Собственные имена в русском языке [Текст] : словарь ударений; более 35 000 словарных единиц / Ф. Л. Агеенко. – М. : Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. — 376 с.
2. **Вальтер, Х.** Толковый словарь русских прозвищ [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА-Медиа групп, 2007. – 704 с.
3. **Веселовский, С. Б.** Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии [Текст] / С. Б. Веселовский ; АН СССР. Отд-ние истории. Архив АН СССР. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
4. **Григорьев, В. П.** Собственное имя в русской поэзии XX века [Текст] : словарь личных имён / В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. – М. : Азбуковник, 2005. – 448 с.
5. **Даль, В. И.** Толковый словарь русского языка: современная версия [Текст] / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2004. – 736 с.
6. **Крысин, Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык, 2002. – 856 с. – (Б-ка словарей рус. яз.).
7. **Мурзаев, Э. М.** Словарь народных географических терминов [Текст] / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.
8. **Никитина, Т. Г.** Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область) [Текст] / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева. – М. : Элпис, 2006. – 384 с.
9. **Никонов, В. А.** Ищем имя [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Советская Россия, 1988. – 128 с.
10. **Никонов, В. А.** Краткий топонимический словарь [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 510 с.
11. **Никонов, В. А.** Словарь русских фамилий [Текст] / В. А. Никонов ; сост. Е. Л. Крушельницкий. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 222 с.
12. **Подольская, Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
13. **Поспелов, Е. М.** Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992) [Текст] / Е. М. Поспелов. – М. : Русские словари, 1993. – 250 с.
14. Русская ономастика и ономастика России [Текст] : словарь / под ред. О. Н. Трубочёва. — М. : Школа-пресс, 1994. — 288 с.
15. Словарь географических названий СССР [Текст] / С. Б. Анискевич [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Недра, 1983. – 296 с.
16. **Суперанская, А. В.** Словарь русских имён [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2005. – 544 с.

17. **Тупиков, Н. М.** Словарь древнерусских личных собственных имён [Текст] / Н. М. Тупиков. – М. : Русский путь, 2004. – 904 с.
18. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4-т. ; пер с нем. Т. I : (А-Д) / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачев. – 3-е изд., стереотип. – СПб.: Азбука, 1996. – 576 с.
19. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. ; пер с нем. Т. II : (Е-Муж) / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачев. – 3-е изд., стереотип. – СПб. : Азбука, 1996. – 671 с.
20. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. ; пер с нем. Т. III : (Муза-Сат) / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачев. – 3-е изд., стереотип. – СПб. : Азбука, 1996. – 831 с.
21. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. ; пер с нем. Т. IV : (Т-Ящур) / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачев. – 3-е изд., стереотип. – СПб. : Азбука, 1996. – 864 с.
22. **Федосюк, Ю. А.** Русские фамилии [Текст] : популярный этимологический словарь / Ю. А. Федосюк. — 6-е изд., испр. — М. : Флинта ; Наука, 2006. — 240 с.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

23. **Агеева, Р. А.** Происхождение имён рек и озёр [Текст] / Р. А. Агеева. – М. : Наука, 1985. – 144 с.
24. **Агеева, Р. А.** Какого мы роду-племени? Народы России : имена и судьбы [Текст] : словарь-справочник / Р. А. Агеева ; Отд-ние лит. и языка РАН, Центр языков и культур Сев. Евразии им. кн. Н. С. Трубецкого. – М. : Academia, 2000. – 422 с.
25. **Беляева, М. Ю.** Номинационные стандарты и отклонения от них в сфере зоонимии [Электронный ресурс] / Е. Ю. Беляева // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2004. – № 39. – URL: <http://www.vestnik.slavsu.ru/Jornal/39-2004.html> (Дата обращения : 17.09.2010).
26. **Васильев, В. Л.** Архаическая топонимия Новгородской земли: (древнеславянские деантропонимные образования) [Текст] / В. Л. Васильев. – Новгород : изд-во НовГУ, 2005. – 468 с.
27. **Вепрева, И. Т.** Человек в коммуникативном пространстве Екатеринбурга [Текст] // Антропотекст – 1 : сб. статей. — Томск, 2006. – С. 42—51.
28. Географические названия в Москве [Текст]. – М. : Мысль, 1985. – 224 с.
29. **Горбаневский, М. В.** Имена земли Московской [Текст] / М. В. Горбаневский. – М. : Московский рабочий, 1985. – 158 с.
30. **Горбаневский, М. В.** Иван да Марья: рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях и псевдонимах [Текст] : книга для чтения с коммент. для иностр. студентов-филологов / метод. обраб. худож. текстов, коммент. и слов. Л. В. Мурашовой / М. В. Горбаневский. – М. : Русский язык, 1987. – 254 с. : ил.

31. **Горбаневский, М. В.** Из опыта культурно-исторического анализа ойконимии: русские ойконимы и православие [Текст] / М. В. Горбаневский // Топонимия и общество. – М. : Наука, 1989. – С. 11–34.
32. **Григорьева, Т. М.** Три века русской орфографии (XVIII—XX вв.) [Текст] / Т. М. Григорьева. – М. : Эллис, 2004. – 456 с.
33. **Гусева, Е. В.** Поэтическая ономастика как источник современных городских зоонимов [Текст] / Е. В. Гусева // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.) : труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, О В. Дедова, А. А. Поликарпов. — М., 2004. – С. 164–165.
34. **Дубровина, Л. В.** Официальные названия лечебных учреждений в Великобритании и США [Текст] / Л. В. Дубровина // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. — С. 99—107.
35. **Душечкина, Е. В.** Светлана: культурная история имени [Текст] / Е. В. Душечкина. – СПб. : изд-во Европейского ун-та, 2007. – 227 с. : ил.
36. **Каганский, В. Л.** Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство [Текст] / В. Л. Каганский. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
37. **Калакуцкая, Л. П.** Склонение фамилий и личных имен в русском языке [Текст] / Л. П. Калакуцкая. – М., 1984. – 222 с.
38. **Королёва, И. А.** Словарь фамилий Смоленского края [Текст] / И. А. Королева. – Смоленск, 2006. – 368 с.
39. **Кронгауз, М. А.** Семантика [Текст] : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2005. – 352 с.
40. **Крысин, Л. П.** Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Академия, 2007. – 240 с.
41. **Крюкова, О. С.** Ономастикон романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [Текст] / О. С. Крюкова. – М. : МИК, 1999. – 150 с.
42. **Куликова, Г. С.** «Язык улицы» в оценке слушателей «Службы русского языка» [Текст] / Г. С. Куликова // Язык современного города : тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелёвские чтения. – М., 2008. – С. 99–101.
43. **Лихачёв, Д. С.** Заметки о русском [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. : Сов. Россия, 1984. – 64 с.
44. **Матвеев, А. К.** Ономатология [Текст] / А. К. Матвеев. – М. : Наука, 2006. – 291 с.
45. **Мурзаев, Э. М.** География в названиях [Текст] / Э. М. Мурзаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1982. – 177 с.
46. **Нерознак, В. П.** Заметки об этимологии имени собственного [Текст] / В. П. Нерознак // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 35–39.

47. **Николина, Н. И.** Неофициальные урбанонимы в современной русской речи [Текст] / Н. И. Николина // Язык современного города : тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелёвские чтения. – М., 2008. – С. 125—128.
48. **Никонов, В. А.** Имя и общество [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. — 278 с.
49. **Никонов, В. А.** География фамилий [Текст] / В. А. Никонов ; ред. С. И. Брук. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
50. **Никонов, В. А.** Ищем имя [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Сов. Россия, 1988. — 125 с.
51. **Отин, Е. С.** Иван; Иванов; Иван-озеро [Текст] / Е. С. Отин // Русская ономастика и ономастика России. – М., 1994. – С. 85—94.
52. **Пеньковский, А. Б.** Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «ИМЯ+ОТЧЕСТВО» [Текст] / А. Б. Пеньковский // Ономастика и норма. – М., 1976. – С. 79–107.
53. **Пеньковский, А. Б.** Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении [Текст] / А. Б. Пеньковский. – М. : Индрик, 1999. – 519 с.
54. **Попов, А. И.** Следы времен минувших: из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей [Текст] / А. И. Попов. – Л. : Наука, 1981. – 206 с.
55. Русский язык и культура речи : учеб. для вузов [Текст] / А. И. Дунев [и др] ; под ред. В. Д. Черняк. – М. : Высшая школа ; СПб. : РГПУ, 2004. – 509 с.
56. Системы личных имён у народов мира. – М. : Наука, 1986. – 384 с.
57. **Сиротинина, О. Б.** Языковой облик г. Саратова [Текст] / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 247—253.
58. **Смолицкая, Г. П.** Топонимия Москвы [Текст] / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. – М. : Наука, 1982. – 176 с.
59. **Суперанская, А. В.** Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
60. **Суперанская, А. В.** Что такое топонимика? [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.
61. **Суперанская, А. В.** Неофициальные формы русских личных имён [Текст] / А. В. Суперанская // Русская речь. – 2001. – № 1. – С. 85–89.
62. **Суперанская, А. В.** Современные русские фамилии [Текст] / А. В. Суперанская, А. В. Сулова. – М. : Наука, 1981. – 176 с.
63. **Топоров, В. Н.** «Бедная Лиза» Карамзина : опыт прочтения [Текст] / В. Н. Топоров. – М. : ИЦ РГГУ, 1995. – 512 с.
64. **Унбегаун, Б. О.** Русские фамилии [Текст] : пер. с англ / Б. О. Унбегаун ; общ. ред. Б. А. Успенского. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.
65. **Успенский, Б. А.** Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе [Текст] / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные

труды. Т. II. Язык и культура. – М., 1994. – С. 151—163.

66. **Юдин, А. В.** Ономастикон восточнославянских загадок [Текст] / А. В. Юдин. – М. : ОГИ, 2007. – 120 с.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Татьяна Викторовна Шмелева

Ономастика

Учебное пособие

Подписано в печать 05.07.2013 г.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Объем 10,125 п.л.

Тираж 200 экз. Заказ № 29.

*Отпечатано в издательском центре
филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани
353563 г. Славянск-на-Кубани, Коммунистическая, 2*